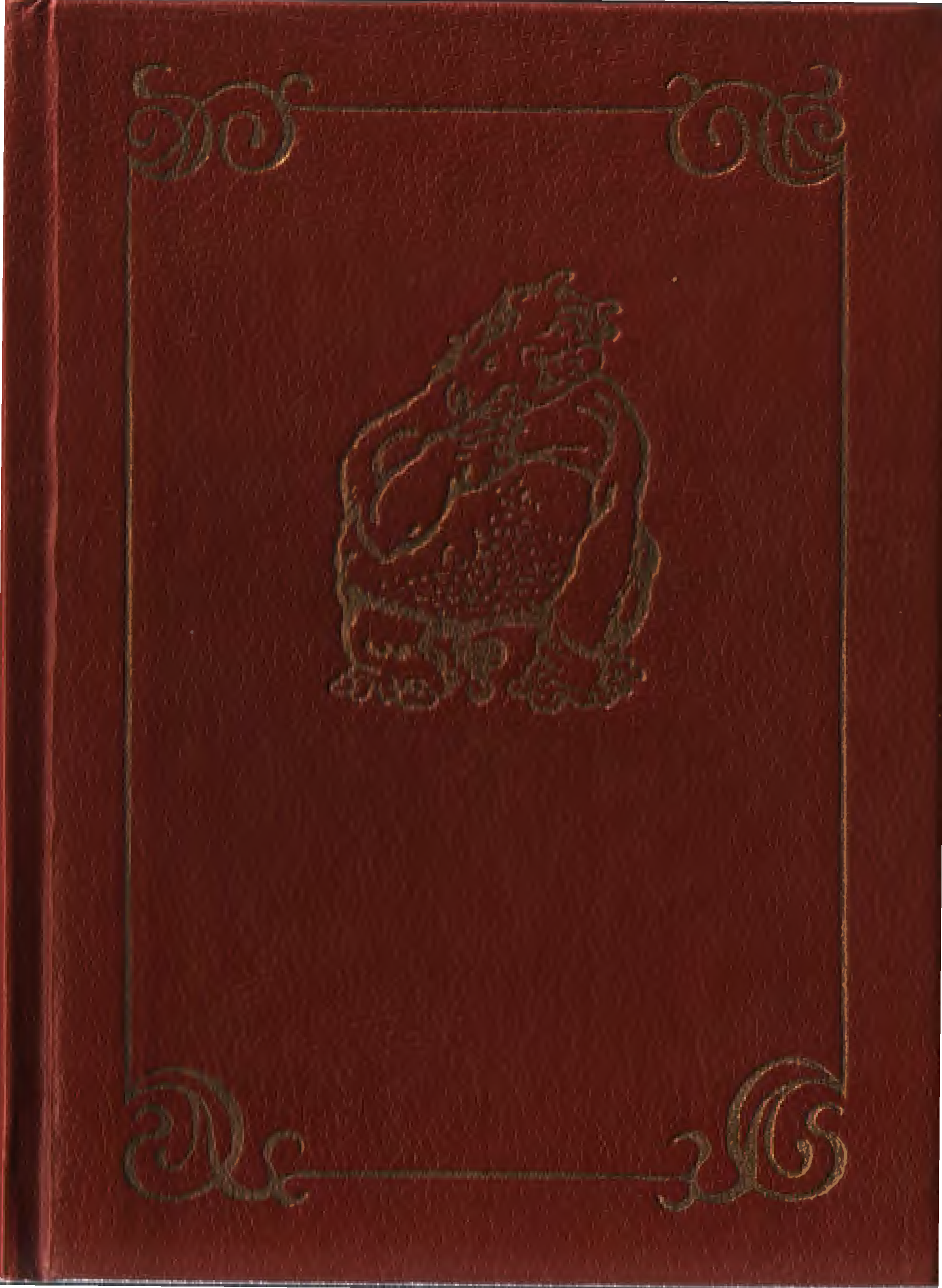


ВСЕОБЩАЯ
ИСТОРИЯ,

ОБРАБОТАННАЯ
«САТИРИКОНОМ»

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРІЯ.

ОБРАБОТАННАЯ „САТИРИКОНОМЪ"

I. ДРЕВНЯЯ ИСТОРІЯ — ТЭФФИ (ИЛЛЮСТРАЦІИ А. ЯКОВЛЕВА). II. СРЕДНЯЯ ИСТОРІЯ — ОСИПА ДЫМОВА (ИЛЛЮСТРАЦІИ А. РАДАКОВА). III. НОВАЯ ИСТОРІЯ — АРКАДІЯ АВЕРЧЕНКО (ИЛЛЮСТРАЦІИ А. РАДАКОВА, РЕ-МИ, А. ЯКОВЛЕВА И А. ЮНГЕРА). IV. РУССКАЯ ИСТОРІЯ — О. Л. Д'ОРА (ИЛЛЮСТРАЦІИ РЕ-МИ).

ИЗДАНІЕ М. Г. КОРНФЕЛЬДА
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 1911.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ ОБРАБОТАННАЯ «САТИРИКОНОМ»

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ 1990

Подготовка текста, послесловие и примечания
РОАЛЬДА НАЗАРОВА

Редактор
АЛЕКСАНДР МЯСНИКОВ

Художник
ЛЕОНИД ЯЦЕНКО

Издано по заказу Ленинградского отделения
Советского фонда культуры

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Что такое история как таковая — объяснять незачем, так как это каждому должно быть известно с молоком матери. Но что такое древняя история — об этом нужно сказать несколько слов.

Трудно найти на свете человека, который хотя раз в жизни, выражаясь языком научным, не влопался бы в какую-нибудь историю. Но как бы давно это с ним ни случилось, тем не менее происшедший казус мы не вправе назвать древней историей. Ибо пред лицом науки все имеет свое строгое подразделение и классификацию.

Скажем короче:

а) древняя история есть такая история, которая произошла чрезвычайно давно;

б) древняя история есть такая история, которая произошла с римлянами, греками, ассириянами, финикиянами и прочими народами, говорившими на мертворожденных языках.

Все, что касается древнейших времен и о чем мы ровно ничего не знаем, называется периодом доисторическим.

Ученые хотя и ровно ничего об этом периоде не знают (потому что если бы знали, то его

пришлось бы уже назвать историческим), тем не менее разделяют его на три века:

1) каменный, когда люди при помощи бронзы делали себе каменные орудия;

2) броизовый, когда при помощи камня делали бронзовые орудия;

3) железный, когда при помощи бронзы и камия делали железные орудия.

Вообще, изобретения тогда были редки и люди на выдумки были туги; поэтому чуть что изобретут — сейчас по имени изобретения называют и свой век.

В наше время это уже немыслимо, потому что каждый день пришлось бы менять веку название:

пилюлиарский век, плоскошиниый век, синдетиконский век и т. д. и т. д., что немедленно вызвало бы распри и международные войны.

В те времена, о которых ровно ничего неизвестно, люди жили в шалашах и елн друг друга; затем, окрепнув и развив мозг, стали есть окружающую природу: зверей, птиц, рыб и растения. Потом, разделившись на семьи, начали ограждаться частоколами, через которые сначала в продолжение многих веков перерутивались; затем сталн драться, затеялн войну и, таким образом, возникло государство, государственный быт, на котором основывается дальнейшее развитие гражданственности н культуры.

Древние народы разделяются по цвету кожи на черных, белых и желтых.

Белые в свою очередь разделяются на:

1) арийцев, произошедших от Ноева сына

Яфета[1] и названных так, чтоб не сразу можно было догадаться — от кого они произошли;

2) семитов — или не имеющих права жительства, и

3) хамитов, людей, в порядочном обществе не принятых.

Обыкновенно историю делят всегда хронологически от такого-то до такого-то периода. С древней историей так поступить нельзя, потому что, во-первых, никто ничего о ней не знает, а во-вторых, древние народы жили бестолково, мотались из одного места в другое, из одной эпохи в другую, и все это без железных дорог, без порядку, причины и цели. Поэтому учеными людьми придумано рассматривать историю каждого народа отдельно. Иначе так запутаешься, что и не выберешься.

ВОСТОК

ЕГИПЕТ

Египет иаходится в Африке и славится издавна пирамндами, сфинксами, разлитием Нила и царицей Клеопатрой.

Пирамиды суть здания пирамидальиой формы, которые воздвигались фараонами для своего прославлення. Фараоны были люди заботливые и не доверяли даже самым близким людям распоряжаться своим трупом по их усмотрению. И, едва выйдя из младенческого возраста, фараон уже присматрнвал себе укромное местечко и начинал строить пирамиду для своего будущего праха.

После смерти тело фараона с большими церемониямн потрошили изнутри и набивали ароматами. Снаружи заключалн его в раскрашенный футляр, все вместе ставили в саркофаг и помещали внутри пирамиды. От времени то небольшое количество фараона, которое заключалось между ароматами и футляром, высыхало и превращалось в твердую перепонку. Так непроизводнтельно тратили древние монархи народные деньги!

Не прошло и нескольких десятков тысяч лет, как мумиями стали торговать.

Но судьба справедлива. Не прошло и нескольких десятков тысяч лет, как египетское население вернуло свое благосостояние, торгуя оптом и в розницу бренными трупами своих повелителей, и во многих европейских музеях можно видеть образцы этих сушеных фараонов, прозванных за свою неподвижность мумиями. За особую плату сторожа музеев позволяют посетителям пощелкать мумию пальцем.

Далее, памятниками Египта служат развалины храмов. Более всего сохранилось их иа месте древних Фив, прозванных по числу своих двенадцати ворот «стовратными». Теперь, по свидетельству археологов, ворота эти

переделаны в арабские деревни. Так иногда великое обращается в полезное!

Памятники Египта часто покрыты письменами, которые разобрать чрезвычайно трудно. Ученые поэтому прозвали их иероглифами.

Жители Египта делились на разные касты. К самой важной касте принадлежали жрецы. Попасть в жрецы было очень трудно. Для этого нужно было изучать геометрию до равенства треугольников включительно и географию, обнимавшую в те времена пространство земного шара не менее шестисот квадратных верст. Дела жрецам было по горло, потому что, кроме географии, им приходилось еще заниматься и богослужением, а так как богов у египтян было чрезвычайно много, то иному жрецу подчас за весь день трудно было урвать хоть часок на географию.

В воздании божеских почестей египтяне не были особенно разборчивы. Они обожествляли солнце, корову, Нил, птицу, собаку, луну, кошку, ветер, гиппопотама, землю, мышь, крокодила, змею и многих других домашних и диких зверей.

Ввиду этой богомногочисленности самому осторожному и набожному египтянину ежеминутно приходилось совершать различные кощунства. То наступит кошке на хвост, то цыкнет на священную собаку, то съест в борще святую муху. Народ нервничал, вымирал и вырождался.

Среди фараонов было много замечательных, прославивших себя своими памятниками и автобиографиями, не ожидая этой любезности от потомков.

ВАВИЛОН

Тут же неподалеку находился и Вавилон, известный своим столпотворением.

АССИРИЯ

Главным городом Ассирии был Ассур, названный так в честь бога Ассура, получившего в свою очередь это имя от главного города Ассура. Где здесь конец, где начало — древние народы по безграмотности разобраться не могли и не оставили никаких памятников, которые могли бы нам помочь в этом недоумении.

Ассирийские цари были очень воинственны и жестоки. Врагов своих поражали более всего своими именами, из которых Ассур-Тиглаф-Абу-Хериб-Назир-Нипал — было самым коротеньким и простеньким. Собственно говоря, это было даже не имя, а сокращенная ласкательная кличка, которую за маленький рост дала юному царю его мамка.

Обычай же ассирийских крестин был таков: как только у царя рождался младенец мужского, женского или иного пола, сейчас же специально обученный писарь садился и, взяв в руки клинья, начинал писать на глиняных плитах имя новорожденного. Когда, истомленный трудом, писарь падал мертвым, его сменял другой и так дальше до тех пор, пока младенец не достигал зрелого возраста. К этому сроку все его имя считалось полностью и правильно написанным до конца.

Цари эти были очень жестоки. Громко вы-

В Ассирии не только люди, но и львы не пренебрегали парикмахерскими щипцами.

кликая свое имя, они, прежде чем завоюют страну, уже рассаживали ее жителей на колья.

По сохранившимся изображениям современные ученые усматривают, что у ассириян очень высоко стояло парикмахерское искусство, так как у всех царей бороды завиты ровными, аккуратиыми локоиами.

Если отнестись к этому вопросу еще серьезней, то можно удивиться еще более, так как видно ясно, что в ассирийские времена не только люди, ио и львы не пренебрегали парикма-

херскими щипцами. Ибо зверей этих ассирияне изображают всегда с такими же завитыми в локоны гривами и хвостами, как и бороды их царей.

Поистине, изучение образцов древней культуры может принести существенную пользу не только людям, но и животным.

Последним ассирийским царем считается, выражаясь сокращенно, Ашур-Адонай-Абан-Нипал. Когда его столицу осадили мидяне, хитрый Ашур велел на площади своего дворца развести костер; затем, сложив на него все свое имущество, влез наверх сам со всеми женами и, застраховавшись, сгорел дотла.

Раздосадованные враги поспешили сдаться.

ПЕРСЫ

На Иране жили народы, название которых оканчивалось на «яне»: бактряне и мидяне, кроме персов, которые оканчивались на «сы».

Бактряне и мидяне быстро утратили свое мужество и предались изнеженности, а у персидского царя Астиага родился внук Кир, основавший персидскую монархию.

О молодости Кира Геродот рассказывает трогательную легенду:

Однажды Астиагу приснилось, что из его дочери выросло дерево. Пораженный неприличностью этого сна, Астиаг велел магам разгадать его. Маги сказали, что сын дочери Астиага будет царствовать над целой Азией. Астиаг очень огорчился, так как желал для своего внука более скромной судьбы.

Однажды Астиагу приснилось, что из его дочери выросло дерево.

— И через золото слезы льются! — сказал он и поручил своему придворному придушить младенца.

Придворный, которому было и своего дела по горло, передоверил это дельце одиому знакомому пастуху. Пастух же по необразованности и халатности все перепутал и, вместо того чтобы придушить, стал ребенка воспитывать.

Когда ребенок подрос и начал играть со сверстниками, то велел однажды выпороть сына одного вельможи. Вельможа пожаловался Астиагу. Астиаг заинтересовался широкой натурой ребенка. Побеседовав с ним и освидетельствовав пострадавшего, он воскликнул:

— Это Кир! Так пороть умеют только в нашем семействе.

И Кир упал в объятья деда.

Войдя в возраст, Кир победил царя лидийского Креза и стал жарить его на костре. Но во

время этой процедуры Крез вдруг воскликнул:

— О, Солон, Солон, Солон!

Это очень удивило мудрого Кира.

— Подобных слов, — призиавался он друзьям, — я еще никогда не слышал от жарившихся.

Он поманил Креза к себе и стал расспрашивать, что это значит.

Тогда Крез рассказал, что его посетил греческий мудрец Солон. Желая пустить мудрецу пыль в глаза, Крез показал ему свои сокровища и, чтобы подразнить, спросил Солона, кого он считает самым счастливым человеком на свете.

Еслн б Солон был джентльменом, он, конечно, сказал бы «вас, ваше величество». Но мудрец был человек простоватый, из недалеких, и ляпнул, что «прежде смерти никто ие может сказать про себя, что счастлнв».

Так как Крез был царь развитой не по летам, то тотчас понял, что после смертн вообще людн редко разговаривают, так что н тогда похвастаться своим счастьем не придется, и очень на Солона обиделся.

История эта снльно потрясла слабонервного Кнра. Он нзвинился пред Крезом и не стал его дожаривать.

После Кира царствовал сын его Камбиз. Камбнз пошел воевать с эфиопамн, зашел в пустыню н там, сильно страдая от голода, съел мало-помалу все свое войско. Поняв трудность подобной системы, он поспешил воротиться в Мемфис. Там в это время праздновали открытне нового Апнса.

После сражения скифы устраивали пиршества.

При виде этого здорового, откормленного быка отощавший на человечине царь кинулся на него и собственноручно приколол, а заодно и брата своего Смердиза, который вертелся под ногами.

Этим воспользовался один ловкий маг и, объявив себя Лжесмердизом, немедленно начал царствовать. Персы ликовали:

— Да здравствует наш царь Лжесмердиз! — кричали они.

В это время царь Камбиз, окончательно помешавшийся на говядине, погиб от раны, которую нанес себе сам, желая отведать собственного мяса.

Так умер этот мудрейший из восточных деспотов.

После Камбиза царствовал Дарий Гистасп, который прославился походом на скифов.

Скнфы были очень храбры и жестоки. После сражения устраивали пиршества, во время которых пили и ели из черепов свежеубитых врагов.

Те из воинов, которые не убили ии одного врага, не могли принять участия в пиршестве за неименнием своей посуды и наблюдали издали за торжеством, терзаемые голодом и угрызениями совести.

Узнав о приближении Дария Гистаспа, скифы послали ему лягушку, птицу, мышь и стрелу.

Этими незатейливыми дарамн они думали смягчить сердце грозного врага.

Но дело приняло совсем другой оборот.

Один из воинов Дария Гистаспа, которому снльно надоело болтаться за своим повелителем по чужим землям, взялся истолковать истинное значение скифской посылки.

Это зиачит, что если вы, персы, не будете летать, как птнцы, грызть, как мышь, и прыгать, как лягушка, то не вернетесь к себе домой вовеки.

Дарий не умел нн летать, ни прыгать. Он перепугался до смерти и велел поворачивать оглобли.

Дарий Гнстасп прославился не только этим походом, но н столь же мудрым правлением, которое вел с таким же успехом, как и военные предприятия.

Древние персы вначале отличались мужеством и простотою нравов. Сыновей своих учили трем предметам:

1) ездить верхом;

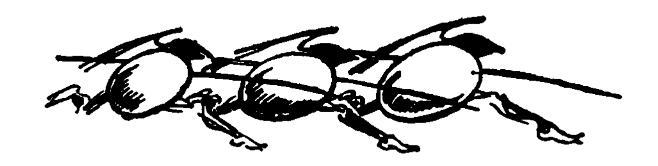
2) стрелять из лука и

3) говорить правду.

Молодой человек, не сдавший экзамена по всем этим трем предметам, считался неучем и не принимался на государственную службу.

Но мало-помалу персы стали предаваться изнеженному образу жизни. Перестали ездить верхом, забыли, как нужно стрелять из лука, и, праздно проводя время, резали правду-матку. Вследствие этого огромное Персидское государство стало быстро приходить в упадок.

Прежде персидские юноши ели только хлеб и овощи. Развратясь, они потребовали супу (330 г. до Р. Х.). Этим воспользовался Александр Македонский и завоевал Персию.



ГРЕЦИЯ

Греция занимает южную часть Балканского полуострова.

Сама природа разделила Грецию на четыре части:

1) северную, которая находится на севере;
2) западную — на западе;
3) восточную — на востоке и, наконец,
4) южную, занимающую юг полуострова.

Это оригинальное разделение Греции издавна привлекало к ней взоры всей культурной части населения земного шара.

В Греции жили так называемые «греки». Говорили они на мертвом языке и предавались сочинению мифов о богах и героях.

Любимый герой греков был Геркулес, прославившийся тем, что вычистил авгиевы конюшни и тем подал грекам незабываемый пример чистоплотности. Кроме того, этот аккуратник убил свою жену и детей.

Вторым любимым героем греков был Эдип, который по рассеянности убил своего отца и женился на своей матери. От этого по всей стране сделалась моровая язва и все открылось. Эдипу пришлось выколоть себе глаза и отправиться путешествовать с Антигоной.

В южной Греции произошел миф о Троянской войне, или Прекрасиая Елена в трех действиях с музыкой Оффеибаха.

Дело было вот как: у царя Менелая (комнк буфф) была жеиа, прозванная за красоту и за то, что носила платье с разрезом, Прекрасной Еленой. Ее похитил Парис, что Менелаю очень не понравилось. Тогда началась Троянская война.

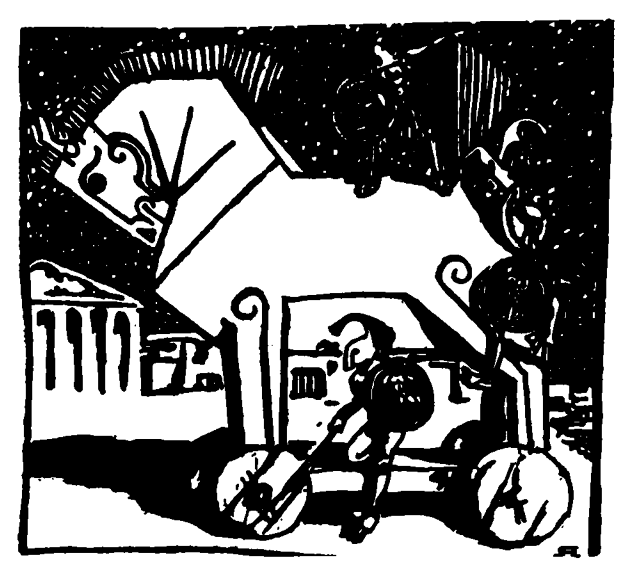
Война была ужасна. Менелай оказался совсем без голоса, а все прочие герои врали нещадно.

Тем не менее война эта осталась в памяти благодарного человечества; так, например, фраза жреца Калхаса: «Слишком много цветов», — цитируется до сих пор многими фельетонистами ие без успеха.

Кончилась война благодаря вмешательству хитроумного Одиссея. Чтоб дать возможность воинам пробраться в Трою, Одиссей сделал деревянного коня и посадил в него воинов, а сам ушел. Трояне, утомленные долгой осадой, не прочь были поиграть деревянной лошадкой, за что и поплатились. В самый разгар нгры из лошади вылезли греки и завоевали беспечных врагов.

После разрушения Трои греческие герои вернулись домой, но не на радость себе. Оказалось, что жены их за это время выбралн себе новых героев и предавалнсь измене мужьям, которых и убили немедлеино после первых рукопожатий.

Хитроумный Одиссей, предвидя все это, не вернулся прямо домой, а сделал небольшой крюк в десять лет, чтобы дать время жене



Из деревянной лошади вылезли греки и завоевали врагов.

своей Пенелопе приготовиться к встрече с ним.

Верная Пенелопа ждала его, коротая время со своими женихами.

Женихам очень хотелось на ней жениться, но она рассудила, что гораздо веселее иметь тридцать женихов, чем одного мужа, и надувала несчастных, оттягивая день свадьбы. Днем Пенелопа ткала, ночью порола сотканное, а заодно и сына своего Телемака. История эта кончилась трагически: Одиссей вернулся.

«Илиада» изображает нам военную сторону греческой жизни. «Одиссея» рисует бытовые картины и общественные нравы.

Обе эти поэмы считаются произведениями слепого певца Гомера, имя которого пользовалось в древности столь большим уважеиием, что семь городов оспаривали честь быть его родиной. Какая разница с судьбой современных нам поэтов, от которых часто не прочь отказаться собственные родители!

На осиованин «Илиады» и «Одиссеи» о героической Грецни мы можем сказать следующее:

Народонаселение Греции разделялось на:

1) царей,

2) воинов н

3) народ.

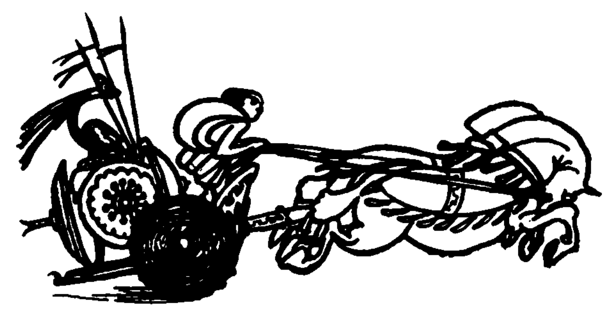
Каждый исполиял свою функцню.

Царь царствовал, воины сражались, а народ «смешанным гулом» выражал свое одобрение или неодобреиие двум первым категорням.

Царь, обыкиовенно человек небогатый, пронзводил свой род от богов (слабое утешение при пустом казначействе) и поддерживал свое существование более нли менее добровольными подарками.

Знатные мужи, окружающне царя, также производили свой род от богов, но уже в более отдаленной степенн, так сказать — седьмая вода на киселе.

На войне эти знатные мужн выступали впереди остального войска и отличались пышностью своего вооружения. Сверху их закрывал шлем, посредине панцирь и со всех сторон щнт. Одетый таким образом, знатный муж ехал в бой на парной колеснице с кучером — спокойно и уютно, как в трамвае.



Знатный муж ехал в бой на парной колеснице с кучером.

Сражались все врассыпную, каждый за себя, поэтому, даже побежденные, могли много и красноречиво рассказывать о своих военных подвигах, которых никто не видал.

Кроме царя, воинов и народа были в Греции еще и рабы, состоящие из бывших царей, бывших воинов и бывшего народа.

Положение женщины у греков было завидное по сравнению с положением ее у восточных народов.

На греческой женщине лежали все заботы о домашнем хозяйстве, пряденье, тканье, мытье белья и прочие разнообразные хлопоты домоводства, тогда как восточные женщины принуждены были проводить время в праздности и гаремных удовольствиях среди докучной роскоши.

Религия греков была политеическая, причем боги находились в постоянном общении с людьми, а во многих семьях бывали часто и совсем запросто. Иногда боги вели себя легкомысленно и даже неприлично, повергая выдумавших их людей в горестное недоумение.

В одном из древнегреческих молитвенных песнопений, дошедших до наших дней, мы явно слышим скорбную ноту:

Неужели же, боги,
Это вас веселит,
Когда наша честь
Кувырком, кувырком
Полетит?!

Понятие о загробной жизни было у греков весьма смутное. Тени грешников отсылались в мрачный Тартар (по-русски — в тартарары). Праведники блаженствовали в Элизиуме, но настолько скудно, что сведущий в этих делах Ахиллес признался откровенно: «Лучше быть на земле поденщиком бедняка, чем царствовать над всеми тенями мертвых». Рассуждение, поразившее своей меркантильностью весь древний мир.

Будущее свое греки узнавали посредством оракулов. Наиболее почитаемый оракул находился в Дельфах. Здесь жрица, так называемая Пифия, садилась на так называемый треножник (не следует смешивать ее со статуей Мемнона) и, придя в исступление, произносила бессвязные слова.

Греки, избалованные плавной речью с гекзаметрами, стекались со всех концов Греции послушать бессвязные слова и перетолковать их по-своему.

Судились греки в Амфиктионовом судилище.

Судилище собиралось два раза в год: весенняя сессия была в Дельфах, осенняя в Фермопилах.

Каждая община посылала в судилище двух присяжных. Присягу эти присяжные придумали очень хитрую. Вместо того чтоб обещать судить по совести, взяток не брать, душой не кривить и родственников не выгораживать, они давали следующую присягу: «Клянусь никогда не разрушать города, принадлежащие к союзу Амфиктионову, и никогда не лишать его текучей воды ни в мирное, ни в военное время».

Только и всего!

Но это показывает, какой нечеловеческой силой обладал древнегреческий присяжный. Какому-нибудь даже самому завалящему из них ничего не стоило разрушить город или остановить текучую воду. Поэтому понятно, что осторожные греки не приставали к ним с клятвами насчет взяток и прочей ерунды, а старались обезвредить этих зверей в главнейшем.

Летоисчисление свое греки вели по самым главным событиям своей общественной жизни, то есть по Олимпийским играм. Игры эти заключались в том, что древнегреческие юноши состязались в силе и ловкости. Все шло как по маслу, но тут Геродот затеял во время состязаний читать вслух отрывки из своей истории. Поступок этот возымел надлежащее действие: атлеты расслабли, публика, ломившаяся доселе на Олимпиаду как бешеная, отказалась идти туда даже за деньги, которые щедро сулил ей честолюбивый Геродот. Игры прекратились сами собой.

СПАРТА

Лакония составляла юго-восточную часть Пелопоннеса и получила свое название от манеры тамошних жителей выражаться лаконически.

Летом в Лаконии было жарко, зимою холодно. Эта необычайная для других стран система климата, по свидетельству историков, способствовала развитию жестокости и энергии в характере жителей.

Главный город Лаконии без всякой причины назывался Спартой.

В Спарте был ров, наполненный водою, чтобы жители могли упражняться в сбрасывании друг друга в воду. Сам город не был огражден стенами: мужество граждан должно было служить ему защитой. Это, конечно, стоило местным отцам города дешевле самого плохого частоколишки.

Спартанцы, хитрые по природе, устроили так, что у них царствовали всегда два царя зараз. Цари грызлись между собою, оставляя народ в покое. Конец этой вакханалии положил законодатель Ликург.

Ликург был царского рода и опекал своего племянника.

При этом он все время тыкал всем в глаза своей справедливостью. Когда терпение окружающих наконец лопнуло, Ликургу посоветовали отправиться путешествовать. Думали, что путешествие разовьет Ликурга и так или иначе повлияет на его справедливость.

Но, как говорится, вместе тошно, а врозь скучно. Не успел Ликург освежиться в обще-

стве египетских жрецов, как соотечественники потребовали его возвращения. Ликург вернулся и утвердил в Спарте свои законы.

После этого, опасаясь слишком горячей благодарности со стороны экспансивного народа, он поспешил сам себя уморить голодом.

— Зачем предоставлять другим то, что можешь сделать сам! — были его последние слова.

Спартанцы, увидя, что с него взятки гладки, стали воздавать его памяти божеские почести.

Население Спарты делилось на три сословия: спартиатов, периэков и илотов.

Спартиаты были местные аристократы, занимались гимнастикой, ходили голые и вообще задавали тон.

Периэкам гимнастика была запрещена. Вместо того они платили подати.

Хуже всех приходилось илотам, или, по выражению местных остряков, «недоэкам». Они обрабатывали поля, ходили воевать и часто восставали на своих господ. Последние, чтобы склонить их на свою сторону, придумали так называемую криптию, то есть, попросту, в известный час убивали всех встречных илотов. Это средство быстро заставило илотов одуматься и зажить в полном довольстве.

Спартанские цари пользовались большим уважением, но небольшим кредитом. Народ верил им только на месяц, затем заставлял снова присягать законам республики.

Так как в Спарте царствовало всегда два царя и была притом еще и республика, то все это вместе называлось республикой аристократической.

По законам этой республики спартанцам был предписан самый скромный, по их понятиям, образ жизни. Например, мужчины не имели права обедать дома; они собирались веселой компанией в так называемых ресторанах — обычай, соблюдаемый многими людьми археологической складки и в наше время, как пережиток седой старины.

Любимое кушанье их составляла черная похлебка, приготовлявшаяся из свиного отвара, крови, уксуса и соли. Похлебку эту как историческое воспоминание славного прошлого и доселе еще приготовляют у нас в греческих кухмистерских, где оиа известна под наэваиием «брандахлыста».

В одежде спартанцы были также очень скромны и просты. Только перед битвою наряжались они в более сложный туалет, состоявший из венка на голове и флейты в правой руке. В обычное же время отказывали себе в этом.

ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ

Воспитание детей было очень суровое. Чаще всего их сразу убивалн. Это делало их мужественными и стойкими.

Образование они получали самое основательное: их учили не кричать во время порки. В 20 лет спартиат сдавал экзамен по этому предмету на аттестат зрелости. В 30 он делался супругом, в 60 освобождался от этой обязанности.

Девушки спартанские занимались гимнастикой и были столь прославлены своей скром-

ностью и добродетелью, что везде богатые люди старались наперерыв залучить спартанскую девушку в кормилицы для своих детей.

Скромность и уважение к старшим было первым долгом молодых людей.

Самым неприличным у спартанского молодого человека считались его руки. Если он был в плаще, он прятал руки под плащ. Если он был голым, то засовывал их куда ни попало: под скамейку, под куст, под собеседника или, наконец, садился на них сам (900 г. до Р. Х.).

Они с детства приучались говорить лаконически, то есть коротко и сильно. На длинную витиеватую ругань врага спартанец отвечал только: «От дурака слышу».

Лэна откусила себе язык.

Женщина в Спарте пользовалась уважением, и ей разрешалось изредка тоже поговорить лаконически, чем она пользовалась, воспитывая детей и заказывая обед кухарке — илотке. Так, одна спартанка, отдавая щит сыну, сказала лаконически: «С ним или на нем». А другая, отдавая кухарке петуха для жаренья, сказала лаконически: «Пережаришь — вздую».

Как высокий пример мужественности спартанской женщины приводится следующая история.

Одна женщина по имени Лэна, знавшая о противозаконном заговоре, чтобы не выдать случайно имени заговорщиков, откусила себе язык и, выплюнув его, сказала лаконически:

— Милостивые государи и милостивые государыни! Я, нижеподписавшаяся, спартанская женщина, имею честь сказать вам, что если вы думаете, что мы, спартанские женщины, способны на низкие поступки, как-то:

а) доносы,

б) сплетню,

в) выдачу своих сообщников и

г) клевету,

то вы сильно ошибаетесь и ничего подобного от меня не дождетесь. И пусть странник передаст Спарте, что я выплюнула здесь свой язык, верная законам о гимнастике своего отечества.

Ошеломленные враги вставили в Лэну еще одно «э», и она стала Лээна, что значит «львица».

УПАДОК СПАРТЫ

Постоянное купанье и лаконический разговор сильно ослабили умственные способности спартанцев, и они значительно отстали в развитии от других греков, которые за любовь к гимнастике и спорту прозвали их «спортанцами».

Спартанцы воевали с мессенянами и однажды так струсили, что послали за помощью к афинянам. Те, вместо воинских орудий, прислали им в помощь поэта Тиртея, заряженного собственными стихами. Услышав его декламацию, враги дрогнули и обратились в бегство. Спартанцы овладели Мессенией и завели у себя гегемонию.

АФИНЫ

Вторая знаменитая республика была Афины, оканчивавшаяся мысом Суний.

Богатые залежи мрамора, годного для памятников, естественно породили в Афинах славных мужей и героев.

Все горе Афин — республики в высшей степени аристократической — заключалось в том, что жители ее делились на филы, димы, фратрии и подразделялись на паралиев, педиаков и диакариев. Кроме того, они делились еще и на эвпатридов, геомаров, демиургов и разную мелочь.

Все это вызывало в народе постоянные волнения и смуты, которыми пользовались верхи общества, разделявшиеся на архонтов, эпонимов, басилевсов, полемархов и тесмотетов, и угнетали народ.

Один богатый эвпатрид Пилон попытался уладить дело. Но афинский народ отнесся столь недоверчиво к его начинаниям, что Пилон, по примеру прочих греческих законодателей, поспешил отправиться путешествовать.

СОЛОН

Солон, человек не богатый и занимавшийся торговлею, приобрел опытность в путешествиях и потому, не опасаясь дурных для себя последствий, задумал облагодетельствовать страну, написав для нее прочные законы.

Чтобы заслужить доверие граждан, он притворился сумасшедшим и стал писать стихи про остров Саламин, о котором в порядочном

греческом обществе говорить было не принято, так как остров этот с большим конфузом для афинян был завоеван Мегарой.

Прием Солона имел успех, и ему поручили составлеиие законов, чем он и воспользовался очеиь широко, подразделив жителей, кроме всего прочего, еще на пентакозиомеднмнов, зеогитов и тетов (знаменитых тем, что «роскошные бриллианты, стоящие 4 рубля, продают за 1 рубль только еще неделю»).

На семейный быт Солон также обратил серьезное внимание. Он запретил невесте прииосить мужу в приданое более трех платьев, зато потребовал от женщины скромности уже в количестве неограниченном.

Юноши афинские до 16 лет воспитывались дома, а войдя в зрелый возраст, занимались гимнастикой и умственным образованием, которое было столь легко и приятно, что даже называлось музыкой.

Кроме вышеизложенного, афинским гражданам вменялось в строгую обязанность почитать родителей; при избрании гражданина на какую-либо высокую государственную должность закон предписывал навести предварительную справку, почитает ли он родителей и не ругает ли их, и если ругает, то какими именно словами.

Человек, претендовавший на чин древнегреческого статского советника, должен был выправить свидетельство и о почтительности в отиошеиии своих теток и свояченнц. Это порождало массу иеудобств и затруднений для замыслов честолюбивого человека. Сплошь и рядом человек принужден был отказываться

от министерского портфеля благодаря капризу какого-нибудь старого дедки, торгующего на базаре гнилым рахат-лукумом. Тот покажет, что его недостаточно уважали, и всей карьере капут.

Кроме того, высшие власти должны были постоянно справляться, чем занимаются граждане, и наказывать людей праздных. Часто случалось, что полгорода сидело без сладкого блюда. Вопли несчастных не поддавались описанию.

ПИЗИСТРАТ И КЛИСФЕН

Утвердив свои законы, Солон не замедлил отправиться путешествовать.

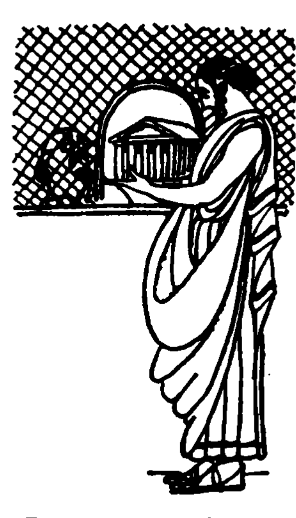
Отсутствием его воспользовался его же родственник, местный аристократ Пизистрат, который стал тиранить Афины при помощи своего красноречия.

Вернувшийся Солон тщетно уговаривал его одуматься. Растиранившийся Пизистрат не слушал никаких доводов и делал свое дело.

Прежде всего он заложил в Ломбардии храм Зевса и умер, не внеся процентов.

После него унаследовали власть сыновья его Гиппий и Гиппарх, названные так в честь знакомых лошадей (526 г. до Р. Х.). Но их вскоре частью убили, частью изгнали из отечества.

Тут выдвинулся Клисфен — глава народной партии — и заслужил доверие граждан, разделив их на 10 фил (вместо прежних четырех!) и каждую филу на димы. Мир и спокойствие не замедлили воцариться в измученной смутами стране.



Пизистрат заложил в Ломбардии храм Зевса.

Кроме того, Клисфен придумал способ отделываться от неприятных граждан посредством тайной подачи голосов, или остракизма. Чтобы благодарный народ не успел испробовать это симпатичное нововведение на его же спине, мудрый закоиодатель отправился путешествовать.

Постоянно делясь на филы, димы и фратрии, Афииы быстро ослабели, как ослабела Спарта, не делясь ровно никак.

«Куда ни кинь — все клин!» — вздыхали историки.

ОСТАЛЬНАЯ ГРЕЦИЯ

Второстепенные греческие государства шли тою же стезей. Монархии мало-помалу сменялись более или менее аристократическими республнками. Но и тираны тоже не зевали и время от времени захватывали в руки верховную власть и, отвлекая от себя вннмание народа постройкамн общественных зданий, упрочивали свое положенне, а затем, потеряв последнее, отправлялись путешествовать.

Спарта скоро поняла неудобство двух еди-

новременных царей. Во время войны цари, желая выслужиться, оба отправлялись на поле битвы, и если при этом их обоих убивали, то народу приходилось приниматься снова за смуты и междоусобия, выбирая новую пару.

Если же на войну отправлялся только один царь, то второй пользовался случаем, чтоб выкурить своего собрата окончательно и завладеть Спартой безраздельно.

Было отчего потерять голову.

КОЛОНИИ

Необходимость для законодателей путешествовать после утверждения каждого нового закона очень оживила Грецию.

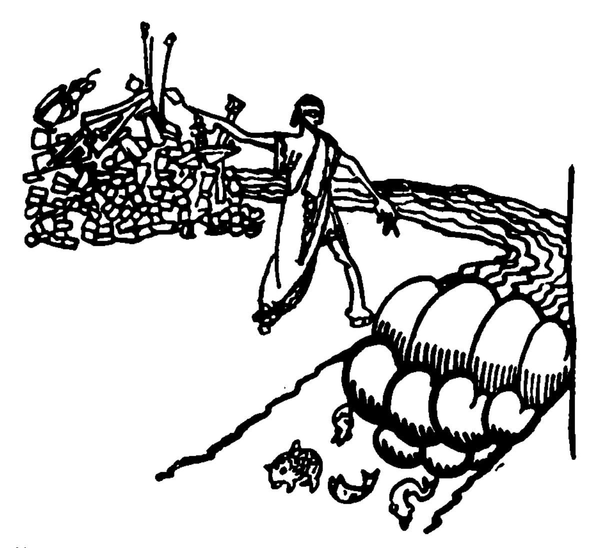
Целые толпы законодателей посещали то одну, то другую соседнюю страну, устраивая нечто вроде современных нам экскурсий сельских учителей.

Окрестные страны шли навстречу законодательским нуждам. Они выдавали удешевленные круговые билеты, делали скидки в гостиннцах. Соединенная лодочная компания с ограниченной ответственностью «Мемфис и Меркурий» возила экскурсаитов совсем даром и только просила не скандалить и не сочинять во время пути новых законов.

Таким образом греки знакомились с соседними местностями и устраивали себе колонии.

ПОЛИКРАТ И РЫБЬИ ШТУКИ

На острове Самосе прославился тиран Поликрат, которого допекали морские рыбы. Ка-



Какую бы дрянь ни бросил Поликрат в море, рыбы немедленно вытаскивали ее наружу в собственных животах.

кую бы дрянь ни бросил Поликрат в море, рыбы немедленно вытаскивали ее наружу в собственных животах.

Раз он бросил в воду крупную золотую монету. На другое же утро ему подали на завтрак жареную семгу. Тиран с жадностью разрезал ее. О ужас! В рыбе лежал его золотой с процентами за одни сутки из двенадцати годовых.

Все это окончилось крупным несчастьем. По словам историков, «незадолго до своей смерти тиран был убит персидским сатрапом».

БЕЗУМЕЦ ГЕРОСТРАТ

Город Эфес был знаменит своим храмом богини Артемиды. Храм этот сжег Герострат, чтобы прославить свое имя. Но греки, узиав, с какой целью было сделано ужасное преступление, решили в наказание предать забвению имя преступника. Для этого были наияты специальные глашатаи, которые в продолжение многих десятков лет разъезжали по всей Греции и объявляли следующее распоряжение: «Не смейте помнить имя безумного Герострата, сжегшего из честолюбия храм богини Артемиды».

Греки так хорошо знали этот наказ, что можно было любого из них ночью разбудить и спросить: «Кого ты должеи забыть?» И он, не задумываясь, ответил бы: «Безумного Герострата».

Так справедливо был наказан преступный честолюбец.

Из греческих колоний следует еще отметить Сиракузы, жители которой славились слабостью духа и тела.

БОРЬБА С ПЕРСАМИ. МИЛЬТИАД ПРИ МАРАФОНЕ

Персидский царь Дарий очень любил воевать. В особенности хотелось ему победить афинян. Чтобы ие забыть как-иибудь в домашних хлопотах об этих своих врагах, ои сам себя раздразиивал. Каждый день за обедом прислуга забывала поставить что-нибудь на стол: то

хлеб, то соль, то салфетку. Если Дарий делал замечание нерадивым слугам, те хором отвечали ему по его же наущению: «А ты, Дарьюшка, помиишь ли об афиинянах?»

Раздразиив себя до исступлеиия, Дарий послал зятя своего Мардония с войсками завоевать Грецию. Мардоиий был разбит и отправился путешествовать, а Дарий набрал новое войско и послал его на Марафои, не сообразив, что иа Марафоие водится Мильтиад. О последствиях этого поступка распространяться ие будем.

Все греки прославляли имя Мильтиада. Тем ие менее жизиь свою пришлось Мильтиаду окоичить смертью. При осаде Пароса он был раиеи, и за это согражданe приговорили его к штрафу под тем предлогом, что ои-де иеосторожио обращался со своей кожей, которая принадлежит отечеству.

Не успел Мильтиад закрыть глаза, как в Афинах уже возвысились два мужа — Фемистокл и Аристид.

Фемистокл прославился тем, что лавры Мильтиада не давали ему спать (483 г. до Р. Х.). Злые афинские языки уверяли, что просто он прогуливал все иочи иапролет и сваливал все иа лавры. Ну да бог с иим. Кроме того, Фемистокл знал по имеии и отчеству всех имеиитых граждан, что весьма льстило последним. Письма Фемистокла ставились в образец афинскому юиошеству:

«...И еще кланяюсь папеиьке моему Олигарху Кимоновичу, и тетеньке Матроне Анемподистовне, и племяниику нашему Каллимаху Мардариоиовичу и т. д. и т. д.»

Ксеркс высек море.

Аристид же предавался исключительно одной справедливости, но столь рьяно, что возбудил законное негодование в согражданах и при помощи остракизма отправился путешествовать.

ЛЕОНИД ПРИ ФЕРМОПИЛАХ

Царь Ксеркс, преемник Дария Гистаспа, пошел на греков с несметным (тогда еще не умели

делать предварительной сметы) войском. Навел мосты через Геллеспонт, но буря их разрушила. Тогда Ксеркс высек Геллеспонт, и в море тотчас же водворилось спокойствие. После этого розгосечение было немедленно введено во всех учебных заведениях.

Ксеркс подошел к Фермопилам. У греков как раз был в это время праздник, так что заниматься пустяками было некогда. Отправили только спартанского царя Леонида с дюжиной молодцов, чтоб защитил проход.

Ксеркс послал к Леониду с требованием выдать оружие.

Леонид отвечал лаконически: «Приди и возьми».

Персы пришли и взяли.

САЛАМИН

Вскоре произошло сражение при Саламине. Ксеркс наблюдал за битвой, сидя на высоком троне.

Увидя, как колотят его персов, восточный деспот кубарем свалился с трона и, потеряв мужество (480 г. до Р. Х.), воротился в Азию.

Затем произошла битва у города Платеи. Оракулы предсказали поражение тому войску, которое первое вступит в бой. Войска стали выжидать. Но спустя десять дней раздался характерный треск. Это лопнуло терпение Мардония (479 г. до Р. Х.), и он начал сражение и был разбит на голову и на прочие части тела.

ВРЕМЕНА ГЕГЕМОНИИ

Благодаря проискам Фемистокла гегемония перешла к афинянам. Афиняне посредством остракизма отправили этого любителя гегемоиий путешествовать. Фемистокл пошел к персидскому царю Артаксерксу. Тот дал ему большие подарки в надежде воспользоваться его услугами. Но Фемистокл низко обманул доверие деспота. Он принял подарки, но вместо того, чтобы служить, преспокойио отравился.

Вскоре умер и Аристид. Республика похороиила его по первому разряду и дала его дочерям солоновское приданое: три платья и скромность.

ПЕРИКЛ

После Фемистокла и Аристида в Афинской республике на первый план выступил Перикл, который умел живописно носить свой плащ.

Это сильно подняло эстетические стремления афинян. Под влнянием Перикла город украсили статуями и в домашний быт греков проникла пышность. Ели они без ножей и вилок, причем женщины не присутствовали, так как зрелище это считалось нескромным.

Почти у каждого человека за обеденным столом сидел какой-нибудь философ. Слушать философские рассуждения за жарким считалось столь же необходимым для древнего грека, как для наших современников румынский оркестр.

Перикл покровительствовал наукам и ходил к гетере Аспазии заниматься философией.

Вообще философы, даже если они и не были гетерами, пользовались большим почетом. Изречения их записывались на колоннах храма Аполлона в Дельфах. Лучшие из этих изречений — философа Биаса: «Не делай многих дел», поддержавшее многих лентяев на их природном пути, и философа Фалеса Милетского: «Поручительство принесет тебе заботу», о котором многие вспоминают, дрожащею рукою ставя свой бланк на дружеском векселе.

Перикл умер от моровой язвы. Друзья, собравшиеся у его смертного одра, громко перечисляли его заслуги. Перикл сказал им:

— Вы позабыли самое лучшее: «В жизни своей я никого не заставлял носить траурное платье».

Этими словами блестящий красноречивец хотел сказать, что никогда в жизни он не умирал.

АЛКИВИАД

Алкивиад был известен разгульным образом жизни и, чтоб заслужить доверие граждан, обрубил хвост своей собаке. Тогда афиняне, как один человек, поручили Алкивиаду начальство над флотом. Алкивиад уже отправился на войну, когда его вернули, заставляя сначала отсидеть за учиненный им перед отъездом уличный скандал. Он бежал в Спарту, потом раскаялся и бежал снова в Афины, потом раскаялся в необдуманном раскаянии и снова бежал в Спарту, потом опять в Афины, потом

Алкивиад бегал, как сумасшедший, и бесхвостая собака еле поспевала за ним.

к персам, потом в Афины, потом снова в Спарту, из Спарты в Афины.

Он бегал как сумасшедший, развивая невероятную скорость и сокрушая все на своем пути. Бесхвостая собака еле поспевала за ним и на пятнадцатом перегоне сдохла (412 г. до Р. Х.). Над ней стоит памятник, на котором спартанцы начертали лаконически: «Странник, я сдохла».

Долго еще носился Алкивиад как бешеный из Спарты в Афины, из Афин к персам. Несчастного пришлось пристрелить из жалости.

СОКРАТ

Однажды у афинского ваятеля неожиданно родился сын, прозванный за мудрость и любовь к философии Сократом. Сократ этот не обращал внимания на холод и на жару. Но не такова была жена его Ксантиппа. Грубая и необразованная женщина мерзла во время холодов и распаривалась от жары. Философ относился к недостаткам жены с невозмутимым хладнокровием. Однажды, рассердившись на мужа, Ксантиппа вылила ему на голову ведро с помоями (397 г. до Р. Х.).

Сограждане приговорили Сократа к смерти. Ученики советовали маститому философу от-

правиться лучше путешествовать. Но тот отказался за старостью лет и стал пить цикуту[2], пока не умер.

Многие уверяют, что Сократа нельзя ни в чем винить потому-де, что он весь целиком был выдуман своим учеником Платоном. Другие замешивают в эту историю и жену его Ксантиппу (398 г. до Р. Х.).

МАКЕДОНИЯ

В Македонии жили македонцы. Царь их Филипп Македонский был умный и ловкий правитель. В беспрерывных военных предприятиях он потерял глаза, грудь, бок, руки, ноги и горло. Часто трудные положения заставляли его терять и голову, так что храбрый вонтель оставался совсем налегке и управлял народом при помощи одной грудобрюшной преграды, что, однако, не могло остановить его энергни.

Филипп Македонский задумал покорить Грецию и начал свои происки. Против него выступил оратор Демосфен, который, набрав в рот мелких камушков, убедил греков противиться Филиппу, после чего набрал в рот воды. Этот способ объясняться называется филиппиками (346 г. до Р. Х.).

Сын Филиппа был Александр Македонский. Хитрый Александр родился нарочно как раз в ту ночь, когда сжег храм безумный грек Герострат; сделал он это для того, чтоб присоединиться к Геростратовой славе, что ему и удалось вполне.

Александр с детства любил роскошь и излишества и завел себе Буцефала.

Одержав много побед, Александр впал в сильное самовластье. Однажды друг его Клит, спасший ему когда-то жизнь, упрекнул его в неблагодарности. Чтоб доказать противное, Александр немедленно собственноручно убил несправедливца.

Вскоре после этого он убил еще кое-кого из своих друзей, боясь упреков в неблагодарности. Та же участь постигла полководца Пармениона, сына его Филона, философа Каллисфена и многих других. Эта невоздержанность в убиении друзей подорвала здоровье великого завоевателя. Он впал в неумеренность и умер значительно раньше своей смерти.

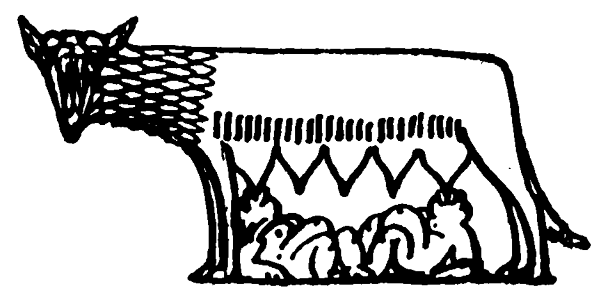
РИМ

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР ИТАЛИИ

Италия по виду похожа на башмак с очень теплым климатом.

НАЧАЛО РИМА

В Алабалоиге царствовал добродушный Нумитор, которого злой Амулий свергнул с престола. Дочь Нумитора, Рею Сильвию, отдали в весталки[3]. Тем не менее Рея родила двух близнецов, которых записала иа имя Марса, бога войны, благо с того взятки гладки. Рею за это зарыли в землю, а детей стал воспитывать не то пастух, не то волчица. Здесь историки расходятся. Одни говорят, что их вскормил пастух иа молоке волчицы, другие, что волчица на пастушьем молоке. Мальчики выросли и, подстрекаемые волчицей, основали город Рим.



Волчица, кормящая Ромула и Рема.

Сначала Рим был совсем маленький — аршина в полтора, но затем быстро разросся и обзавелся сенаторами.

Ромул убил Рема. Сенаторы взяли Ромула живьем на небо н утвердили свою власть.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ

Народ римский делился на патрициев, имевших право пользоваться общественными полями, и плебеев, получивших право платить подати.

Кроме того, были еще и пролетарии, о которых распространяться неуместно.

БРАТЬЯ ТАРКВИНЬЕВЫ И К°

В Риме последовательно сменилось несколько царей. Один из них — Сервий Туллий — был убит своим зятем Тарквинием, прославившимся своими сыновьями. Сыновья под фирмою «Братья Тарквиньевы и К°» отличались буйным характером и оскорбляли мест-

ных Лукреций. Недалекий отец гордился своими сыновьями, за что и был прозван Тарквинием Гордым.

В конце концов народ возмутился, изменил царскую власть и выгнал Тарквиния. Он всей фирмой отправился путешествовать. Рим сделался аристократической республикой.

Но Тарквиний долго не хотел примириться со своей долей и ходил на Рим войною. Ему удалось, между прочим, вооружить против римлян этрусского царя Порсену, но все дело испортил ему некто Муций Сцевола.

Муций решил убить Порсену и пробрался в его лагерь, но по рассеянности убил кого-то другого. Проголодавшись во время этого предприятия, Муций начал готовить себе ужин, но вместо куска говядины по рассеянности сунул в огонь собственную руку.

Царь Порсена потянул носом (502 г. до Р. Х.): «Жареным пахнет!» Пошел на запах и открыл Муция.

— Что ты делаешь, несчастный? — воскликнул потрясенный царь.

— Я готовлю себе ужин, — отвечал лаконически рассеянный молодой человек.

— Неужели ты будешь есть это мясо? — продолжал ужасаться Порсена.

— Разумеется, — с достоинством отвечал Муций, все еще не замечая своей ошибки. — Это любимый завтрак римских туристов.

Порсена пришел в замешательство и отступил с большими потерями.

Но Тарквиний не скоро успокоился. Он продолжал набеги. Римлянам пришлось в конце концов оторвать от плуга Цинцинната[4]. Эта

Царь Порсена потянул носом: «Жареным пахнет!»

мучительиая операция дала хорошие результаты. Враг был усмирен.

Тем не менее войны с Тарквиньевыми сыновьями подорвали благосостояние страны. Плебеи обеднели, ушли на Священную гору и пригрозили, что выстроят свой собственный город, где каждый будет сам себе патриций. Их с трудом успокоили басней о желудке.

Между тем децемвиры[5] написали законы

на медных досках. Сначала на десяти, потом для прочности прибавили еще две.

Затем стали пробовать прочность этих законов, и один из законодателей оскорбил Виргинию. Отец Виргинии пытался поправить дело тем, что вонзил дочери нож в сердце, но и это не принесло пользы несчастной. Растерявшиеся плебеи опять ушли на Священную гору. Децемвиры отправились путешествовать.

РИМСКИЕ ГУСИ И БЕГЛЕЦЫ

Несметные полчища галлов двинулись на Рим. Римские легионы пришли в замешательство и, обратившись в бегство, спрятались в городе Веях, а остальные римляне легли спать. Галлы воспользовались этим и полезли на Капитолий. И здесь они сделались жертвой своей необразованности. На Капитолии жили гуси, которые, услышав шум, стали гоготать.

— Увы нам! — сказал предводитель варваров, услышав это гоготанье. — Вот уже римляне смеются над нашим поражением.

И тотчас же отступил с большими потерями, унося убитых и раненых.

Увидя, что опасность миновала, римские беглецы вылезли из своих Вей и, стараясь не смотреть на гусей (им было стыдно), сказали несколько бессмертных фраз о чести римского оружия.

После галльского нашествия Рим оказался сильно разоренным. Плебеи снова ушли иа Священную гору и снова грозили построить свой город. Дело уладил Манлий Капитолийский, но не успел вовремя отправиться путе-

шествовать и был сброшен с Тарпейской скалы.

Затем были изданы Лициниевы законы. Патриции долго не принимали новых законов, и плебеи много раз ходили на Священную гору слушать басню о желудке.

ЦАРЬ ПИРР

Пирр, царь эпирский, высадился в Италии с несметным войском под предводительством двадцати боевых слонов. В первой битве потерпели поражение римляне. Но царь Пирр остался этим недоволен.

— Что за честь, когда нечего есть! — воскликнул он. — Еще одна такая победа, и я останусь без войска. Не лучше ли потерпеть поражение, но иметь войска в полном сборе?

Слоны одобрили решение Пирра, и вся компания без особого труда была выгнана из Италии.

ПУНИЧЕСКИЕ ВОЙНЫ

Желая овладеть Сицилией, римляне вступили в борьбу с Карфагеном. Так началась первая война между римлянами и карфагенянами, прозванная для разнообразия Пунической.

Первая победа принадлежала римскому консулу Дуилию. Римляне отблагодарили его по-своему: они постановили, чтобы его всюду сопровождал человек с зажженным факелом и музыкант, игравший на флейте. Эта почесть сильно стесняла Дуилия в его домашнем обиходе и любовных делах. Несчастный быстро впал в ничтожество.

Пример этот пагубио повлиял иа других полководцев, так что во время Второй Пуинической войны консулы из страха заслужить флейту с факелом мужественно отступали перед врагом.

Карфагеняне под предводительством Ганнибала пошли на Рим. Сципион, сын Публия (кто не знает Публня?), с таким пылом отразил пуннческое нападенне, что получил звание Африканского.

В 146 году Карфаген был разрушен и сожжен. Сципион, родственник Афрнкаиского, смотрел на пылающнй Карфаген, думал о Риме н декламировал о Трое; так как это было очень сложно и трудно, то он даже заплакал.

ПЕРЕМЕНА НРАВОВ И КАТОН

Прочности римского государства немало способствовала умеренность в образе жизнн н твердость характера граждан. Онн не стыднлись труда, н пищу их составлялн мясо, рыба, овощн, плоды, птнца, пряности, хлеб и вино.

Но с течением временн все это изменилось н римляне впали в изнеженность нравов. Многое вредное для себя переняли онн от греков. Сталн изучать греческую философию н ходить в баню (135 г. до Р. Х.).

Против всего этого восстал суровый Катон, но был уличен согражданами, заставшими его за греческим экстемпорале[6].

МАРИЙ И СУЛЛА

На северных границах Италии появились несметные полчища кимвров[7]. Спасать отечество пришел черед Марию и Сулле.

Марий был очень свиреп, любил простоту обихода, не признавал никакой мебели и сидел всегда прямо на развалинах Карфагена. Он умер в глубокой старости от чрезмерного пьянства.

Не такова была судьба Суллы. Храбрый полководец умер у себя в поместье от невоздержанной жизни.

ЛУКУЛЛ И ЦИЦЕРОН

Тем временем в Риме выдвинулся своими пирами проконсул Лукулл. Он угощал своих приятелей муравьиными языками, комариными носами, соловьиными ногтями и прочею мелкою и неудобоваримою снедью и быстро впал в ничтожество.

Рим же едва не сделался жертвою большого заговора, во главе которого стоял обремененный долгами аристократ Катилина, задумавший захватить государство в свои руки.

Против него выступил местный Цицерон и сгубил врага при помощи своего красноречия.

Народ тогда был неприхотлив, и на сердца слушателей действовали даже такие избитые фразы, как... «О времена, о нравы».

Цицерону поднесли чин «отца отечества» и приставили к нему человека с флейтою.

Юлий сказал: «Жребий брошен», — и полез в воду.

ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ И ПЕРВЫЙ ТРИУМВИРАТ

Юлий Цезарь по рождению был человек образованный и легко привлекал к себе сердца людей.

Но под его наружностью скрывалось горячее честолюбие. Более всего хотелось ему быть первым в какой-нибудь деревне. Но достичь

этого было очень трудно, и он пустил в ход различные происки, чтоб быть первым хоть в Риме. Для этого он вступил в триумвират с Помпеем и Крассом и, удалившись в Галлию, стал завоевывать расположение своих солдат.

Красс вскоре погиб, и Помпей, мучимый завистью, потребовал возвращения Цезаря в Рим. Цезарь, не желая расставаться с завоеванным расположением солдат, повел последних с собою. Доехав до речки Рубикон, Юлий долго юлил (51—50 гг. до Р. Х.) перед нею, наконец сказал: «Жребий брошен», — и полез в воду.

Помпей этого никак не ожидал и быстро впал в ничтожество.

Тогда против Цезаря выступил Катон, потомок того самого Катона, который был уличен за греческой грамматикой. Ему, как и его предку, сильно не повезло. Это было у них фамильное. Он удалился в Утику, где и истек кровью.

Чтоб хоть чем-нибудь отличить его от предка, а заодно и почтить его память, ему дано было прозвище Утического. Слабое утешение для семьи!

ДИКТАТУРА И СМЕРТЬ ЦЕЗАРЯ

Цезарь отпраздновал свои победы и сделался диктатором в Риме.

Он сделал много полезного для страны. Прежде всего преобразовал римский календарь, который пришел в большой беспорядок от неточного времени, так что в иную неделю попадалось четыре понедельника подряд и все

римские сапожники допивались до смерти; а то вдруг пропадет месяца на два двадцатое число и чиновники, сидя без жалованья, впадали в ничтожество. Новый календарь назван был Юлианским и имел 365 последовательно чередовавшихся дней.

Народ был доволен. Но некто Юний Брут, Цезарев приживальщик, мечтавший завести семь пятниц на неделе, устроил заговор против Цезаря.

Жена Цезаря, видевшая зловещий сон, просила мужа не ходить в сенат, но друзья его сказали, что неприлично манкировать обязанностями из-за женских сновидений. Цезарь пошел. В сенате Кассий, Брут и сенатор по имени просто Каска напали на него. Цезарь завернулся в свой плащ, но, увы, и эта предосторожность не помогла. Тогда он воскликнул: «И ты, Брут!» По свидетельству историка Плутарха, он при этом подумал: «Мало я тебя, свинью, благодетельствовал, что ты теперь на меня с ножом лезешь!»

Затем он упал к ногам Помпеевой статуи и умер в 44 г. до Р. Х.

ОКТАВИЙ И ВТОРОЙ ТРИУМВИРАТ

В это время вернулся в Рим племянник и наследник Цезаря Октавий. Наследство, однако, успел уже прихватить друг Цезаря пылкий Антоний, оставив законному наследнику одну старую жилетку. Октавий был, по свидетельству историков, человеком небольшого роста, но тем не менее очень хитрым. Полученную им от пылкого Антония жилетку он немедленно употребил на подарки ветеранам Цезаря, чем

и привлек их на свою сторону. Перепала малая толика и престарелому Цицерону, который принялся громить Антония теми же речами, которыми громил некогда Катилину. Опять выехало на сцену «О времена, о нравы!». Хитрый Октавий льстил старику и говорил, что почитает его за папеньку.

Использовав старика, Октавий сбросил маску и вступил в союз с Антонием. К ним примазался еще некто Лепид, и образовался новый триумвират.

Пылкий Антоний вскоре попал в сети египетской царицы Клеопатры и впал в изнеженный образ жизни. Клеопатра переворачивала его в своих сетях, как ревельскую кильку, и часто вместо обеда угощала куском жемчужины в уксусе.

Этим воспользовался хитрый Октавий и пошел на Египет с несметными полчищами.

Клеопатра выплыла на своих кораблях и участвовала в сражении, смотря на Антония то зелеными, то фиолетовыми, то пурпурными, то желтыми глазами. Но во время битвы царица вспомнила, что забыла ключи от кладовой, и велела кораблям поворачивать носы домой.

Октавий торжествовал и сам себе назначил человека с флейтой.

Клеопатра же стала расставлять ему свои сети. Она послала служанку к пылкому Антонию со следующими словами: «Барыня приказали вам сказать, что они померли». Антоний в ужасе пал на свой меч.

Клеопатра продолжала расставлять свои сети, но Октавий, несмотря на свой маленький рост, стойко отверг ее ухищрения.

АВГУСТ

Октавий, получивший за все вышеизложенное название Августа, стал управлять государством неограниченно. Но царского титула он не принял.

— К чему? — сказал он. — Зовите меня сокращенно императором.

Август украсил город баиями и послал полководца Вара с тремя легиоиами в Тевтобургский лес, где тот и потерпел поражение. Август в отчаянии стал колотиться головой об стену, припевая: «Вар, Вар, отдай мне мои легионы». В стене быстро образовалась так называемая «Варваринская брешь» (9 г. до Р. Х.), а Август промолвил:

— Еще одно такое поражение, и я останусь без головы.

Династия Августа предавалась пышности и быстро впала в ничтожество.

Каллигула, сын Германика, превзошел своих предшественников в праздности. Ему было лень даже рубить головы своих подданных, и он мечтал, чтобы у всего человечества была одна голова, которую он мог бы наскоро оттяпать.

Этот ленивец находил, однако, время, чтобы мучить животных. Так, своего лучшего коня, на котором и сам ездил, и воду возил, он заставлял еще по вечерам заседать в сенате.

После его смерти (чрез посредство телохранителя) и люди и лошади вздохнули свободнее.

Унаследовавший престол дядя Каллигулы Клавдий отличался слабостью характера. Вос-

Каллигула мечтал, чтобы у человечества была одна голова, которую он мог бы наскоро оттяпать.

пользовавшись этим, приближенные исторгли у Клавдия смертный приговор для его жены — развратной Мессалины — и женили его на глубоко испорченной Агриппине. От этих жен был у Клавдия сын Британик, но наследовал престол Нерон, сын глубоко испорченной Агриппины от первого брака.

Юность свою Нерон посвятил истреблению родственников. Затем отдался искусству и постыдному образу жизни.

Во время пожара Рима он, как всякий истый древний римлянин (грек тоже), не мог удержаться, чтобы не продекламировать про пожар Трои. За что и был заподозрен в поджигательстве.

Кроме того, он пел столь фальшиво, что самые фальшивые души из придворных не могли порою выносить этого оскорбления барабанной перепонки. Бесстыдный козлетон под конец жизни затеял поехать на гастроли в Грецию, но тут возмутились даже ко всему привыкшие легионы, и Нерон с большим неудовольствием пронзил себя мечом. Погибая от отсутствия самокритики, тиран воскликнул: «Какой великий артист погибает!»

После смерти Нерона наступили смуты и в течение двух лет в Риме переменилось три императора: Гальба, убитый солдатом за скупость; Оттон, погибший от развратной жизни, и Вителлий, отличившийся за свое короткое, но славное царство непомерным обжорством.

Это разнообразие в монархах очень занимало римских солдат. Им весело было, встав поутру, справиться у взводного: «А кто, дяденька, у нас нынче царствует?»

Впоследствии возникло много путаниц, так как цари слишком часто сменялись, и случалось, что новый царь входил на престол, когда его предшественник не успел еще как следует умереть.

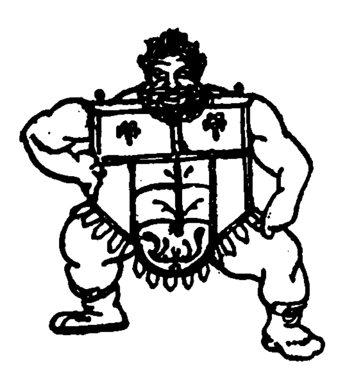
Выбирались цари солдатами на свой вкус и страх. Их брали за большой рост, за физическую силу, за умение сильно выражаться. Затем стали прямо торговать тронами и продавали его тому, кто больше даст. В «Римском

вестнике («Nuntius Romanus») сплошь и рядом печатались объявления:

«Отдается дешево хороший трон, малодержанный, за сходную цену».

Или:

«Ищу трон здесь или в провинции. Имею залог. Согласен в отъезд».



Комод обладал большой физической силой.

На воротах римских домов пестрели билетики:

«Сдаеца трон для одинокова. Спросить унтера Мардарьяна».

Рим несколько отдохнул во время царствования кроткого и пугливого императора, прозванного Нервою, и снова впал в отчаяние, когда на трон влез Комод.

Комод обладал большой физической силой и решил выступать на борьбе в местном Фарсе[8]. В «Римской биржевке» («Bursiania Romana») печатались инспирированные правительством статьи о подвигах Комода. «...И вот массивная мебель катается клубком, сплетаясь с иллирийской ящерицей и награждая последнюю искрометными макаронами и двойными нельсонами».

Близкие люди поспешили отделаться от неудобного Комода. Его задушили.

Наконец, воцарился император Диоклетиан, двадцать лет подряд кротко сжигавший хри-

стиан. Это был его единственный недостаток.

Диоклетиан был родом из Далмации и сыном вольноотпущенника. Одна ворожея предсказала ему, что он вступит на престол, когда убьет вепря. Слова эти запали в душу будущего императора, и он многие годы только и делал что гонялся за свиньями. Однажды, услышав от кого-то, что префект Апр настоящая свинья, он немедленно зарезал префекта и тотчас же сел на трон.

Таким образом, кроткого императора поминали лихом только свиньи. Но эти передряги так утомили престарелого монарха, что он процарствовал только двадцать лет, затем отказался от престола и поехал на родину в Далмацию сажать репу, сманив к этому полезному занятию и соправителя своего Максимиана. Но тот скоро опять попросился на трон. Диоклетиан же остался тверд.

— Друг, — говорил он. — Если бы ты видел, какая нынче уродилась репа! Ну и репа! Одно слово — репа! До царства ли мне теперь? Человеку не поспеть с огородом управиться, а вы лезете с пустяками.

И действительно, вырастил выдающую репу (305 г. по Р. Х.).

РИМСКИЙ БЫТ И КУЛЬТУРА

Классы населения

Население Римского государства главным образом состояло из трех классов:

1) знатных граждан,

2) незнатных граждан (подозрительная личность) и

3) рабов.

Знатные граждане имели массу крупных преимуществ перед остальными гражданами. Во-первых, они имели право платить налоги. Главное же из преимуществ заключалось в праве выставлять у себя дома восковые изображения своих предков. Кроме того, они имели право устраивать на свой счет народные торжества и празднества.

Незнатиым гражданам жилось плохо. Они не имели права платить никаких налогов, ие нмели права служить в солдатах и уныло богатели, заиимаясь торговлей и промышлеиностью.

Рабы мирно обрабатывали поля и устраивали восстания.

Кроме того, были в Риме еще: сенаторы и всадники. Отличались они друг от друга тем, что сенаторы сидели в сенате, а всадники на лошадях.

Сенат

Сенатом называлось то место, где заседали сенаторы и царскне лошадн.

Консулы

Консулы должны были иметь более сорока лет от роду. Это было главиое их качество. Консулов всюду сопровождала свита нз двенадцати человек с розгами в руках на предмет крайней необходимости, если консулу захочется кого-нибудь посечь вдали от лесистой местности.

Преторы

Преторы распоряжались розговым довольствием только на шесть персон.

ВОЕННОЕ ИСКУССТВО

Великолепное устройство римского войска немало способствовало военным победам.

Главную часть легионов составляли так называемые принципы — опытные ветераны. Поэтому римские солдаты с первых шагов убеждались, как вредно поступаться своими принципами.

Легионы вообще состояли из храбрых воинов, которые приходили в замешательство только при виде врага.

УЧРЕЖДЕНИЯ РЕЛИГИОЗНЫЕ

Между римскими учреждениями первое место занимали учреждения религиозные.

Главный жрец назывался понтифекс максимус, что не мешало ему порою надувать свою паству разными фокусами, основанными на ловкости и проворстве рук.

Затем следовали жрецы авгуры[9], которые отличались тем, что, встречаясь, не могли друг на друга смотреть без улыбки. Видя их развеселые физиономии, и остальные жрецы фыркали себе в рукав. Прихожане, кое что раскусившие в греческих штучках, помирали со смеху, глядя на всю эту компанию.

Сам понтифекс максимус, взглянув на когонибудь из своих подчиненных, только бес-

сильно махал рукой и трясся от дряблого старческого смеха.

Тут же подхихикивали и весталки.

Само собою разумеется, что от этого вечного гоготанья римская религия быстро ослабла и пришла в упадок. Никакие нервы не могли выдержать такой щекотки.

Весталки были жрицами богини Весты. Выбирались они из девиц хорошей фамилии и служили при храме, соблюдая целомудрие до 75 лет. После этого срока им позволялось выходить замуж.

Но римские юноши так уважали столь испытанное целомудрие, что редко кто из них решался посягнуть на оное, даже сдобренное двойным солоновским приданым (6 платьев и 2 скромности).

Если же весталка раньше срока нарушала свой обет, то ее хоронили живою, а детей ее, записанных на разных Марсов, воспитывали волчицы. Зная блестящее прошлое Ромула и Рема, римские весталки очень ценили педагогические способности волчиц и считали их чем-то вроде наших ученых фребеличек[10].

Но надежды весталок были тщетны. Их дети более не основали Рима. В награду за целомудрие весталки получали почет и контрамарки в театрах.

Гладиаторские сражения считались первоначально религиозным обрядом и устраивались при погребениях «для примирения тела усопшего». Вот почему у наших борцов, когда они выступают в параде, всегда такие похоронные физиономии: здесь ясно проявляется атавизм.

Поклоняясь своим богам, римляне не забывали и богов иноземных. По привычке прихватывать где что плохо лежит римляне часто присваивали себе и чужих богов.

Римские императоры, воспользовавшись этим боголюбием своего народа и решив, что маслом каши не испортишь, ввели обожание своей собственной персоны. После смерти каждого императора сенат причислял его к лику богов. Затем рассудили, что гораздо удобнее делать это еще при жизни императора: последний мог таким образом строить себе храм по своему вкусу, тогда как древние боги должны были довольствоваться чем попало.

Кроме того, никто так ревностио не мог бы следить за установленными во имя свое празднествами и религиозными церемониями, как сам бог, лично присутствующнй. Это очеиь подтягивало паству.

ФИЛОСОФСКИЕ ШКОЛЫ

Философией в Риме занимались не только философы: каждый отец семейства имел право философствовать у домашнего очага.

Кроме того, каждый мог отнести себя к какой-ннбудь философской школе. Один считал себя пифагорийцем потому, что ел бобы, другой — эпикурейцем, потому что пил, ел и веселился. Каждый бесстыдник уверял, что делает гадости только потому, что он принадлежит к цинической школе. Среди важиых римлян было много стоиков, имевших препротивное обыкновение сзывать гостей и во время пирожного тут же вскрывать себе жилы. Этот

нечистоплотный прием считался верхом гостеприимства.

ДОМАШНИЙ БЫТ И ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИН

Жнлища у римлян были очень скромны: одноэтажный дом с дырками вместо окон — просто и мило. Улицы были очень узки, так что колесницы могли ехать только в одну сторону, чтобы не встречаться друг с другом.

Пища римлян отличалась простотою. Ели онн два раза в день: в полдень закуска, а в четыре часа обед. Кроме того, поутру они завтракалн, вечером ужинали и между едой морили червячка. Этот суровый образ жизни делал нз римлян здоровых и долговечных людей.

Из провннции доставлялись в Рим дорогие н лакомые яства: павлины, фазаны, соловьи, рыбы, муравьи и так называемые «троянскне свнньи» — в память той самой свиньн, которую Парнс подложил троянскому царю Менелаю. Без этой свиньн нн одни рнмлянин ие садился за стол.

Обедал знатный римлянин всегда весь окруженный паразнтами. Этот отвратнтельный обычай укоренился в Риме и не лишал гостей аппетита.

Вначале женщины римские былн в полном подчиненнн у свонх мужей, затем они стали угождать не столько мужу, сколько его друзьям, а часто даже и врагам.

Предоставнв рабам, рабыням и волчнцам воспнтание детей, рнмские матроны заводилн знакомства с греческой н римской литературой н изощрялись в нгре на цнтре.

Разводы происходили столь часто, что иногда не успевали закончить бракосочетание матроны с одним мужчиной, как она уже выходила за другого. В разрез со всякой логикой это многобрачие увеличило, по свидетельству историков, «количество холостых мужчин и уменьшило деторождение», точно дети бывают только у женатых мужчин, а не у замужних женщин!

Народ вымирал. Беспечные матроны резвились, не заботясь нимало о деторождении.

Кончилось плохо. Несколько лет подряд рожали одни только весталки. Правительство встревожилось. Император Август уменьшил права холостых мужчин, а женатым, напротив того, позволял разрешать себе много лишнего. Но все эти законы уже не привели ровно ни к чему. Рим погиб.

ВОСПИТАНИЕ

Воспитание римлян в цветущую эпоху государства было поставлено очень строго. От молодых людей требовались скромность и послушание старшим. Кроме того, если они чего-нибудь не понимали, то могли во время прогулки спросить у кого-нибудь объяснения и почтительно выслушать таковое.

Когда Рим пришел в упадок, пошатнулось и образование юношества. Оно стало обучаться грамматике и красноречию, и это сильно испортило его нрав.

ЛИТЕРАТУРА

Литература процветала в Риме и развивалась под влиянием греков.

Римляне очень любили писать, а так как писали за них рабы, то почти каждый римлянин, имеющий грамотного раба, считался писателем.

В Риме издавалась газета «Римский вестник», в котором писал фельетоны на злобу дня сам Гораций.

Императоры тоже не гнушались литературой и помещали изредка в газете какую-нибудь шалость властительного пера. Можно представить себе трепет редакции, когда император во главе своих легионов являлся в положенный день за гонораром.

Писателям в те времена, несмотря на отсутствие цензуры, приходилось очень туго. Если на троне сидел эстет, он за малейшую погрешность в стиле или литературной форме приказывал несчастному поэту повеситься. Ни о каких отсидках или заменах штрафом не могло быть и речи.

Обыкновенно императоры требовали, чтобы всякое литературное произведение в блестящей и убедительной форме трактовало о достоинствах его особы. Это делало литературу очень однообразной, и книги плохо раскупались. Поэтому писатели любили запираться где-нибудь в тиши и уединении и оттуда уже давать волю своему перу. Но, дав волю, тотчас же предпринимали путешествие.

Один знатный вельможа по имени Петроний[11] сделал смешную попытку издавать в Ри-

me (трудно даже поверить!) САТИРИКОН! Безумец вообразил, что журнал этот может в I веке по Р. Х. иметь такой же успех, как и в XX по Р. Х.

Петроний сделал смешную попытку издавать в Риме «Сатирикон»!

Петроний обладал достаточными средствами (каждый день ел комариные брови в сметане, аккомпанируя себе на цитре), обладал он и образованием, и выдержкой характера, но, несмотря на все это, он не мог ждать 20 веков. Он прогорел со своей несвоевременной затеей и, удовлетворив подписчиков, умер, причем выпустил кровь из своих жил на своих друзей.

«САТИРИКОН дождется достойнейших» — были последние слова великого провидца.

НАУКА ПРАВА

Когда повесились более или менее все поэты и писатели, одна отрасль римской науки и литературы достигла высшей степени своего развития, именно — наука права.

Ни в одной стране не было такой массы законоведов, как в Риме, и потребность в них

была очень велика. Каждый раз, когда на престол вступал убивший своего предшественника новый император, что иногда бывало по нескольку раз в год, лучшие законоведы должны были писать юридическое оправдание этого преступления для публичного обнародования.

Сочинить подобное оправдание большею частью бывало очень трудно: требовало специальных римско-юридических познаний, и немало юристов сложило на этом деле свои буйные головы.

Так жили народы древности, переходя от дешевой простоты к дорогостоящей пышности и, развиваясь, впадали в ничтожество.

ОБРАЗЦЫ УСТНЫХ ВОПРОСОВ И ПИСЬМЕННЫХ ЗАДАЧ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

1. Указать разницу между статуей Мемнона и пифией.
2. Проследить влияние земледелия на персидских женщин.
3. Указать разницу между лжесмердизом и простым смердизом.
4. Провести параллель между женихами Пенелопы и первой Пунической войной.
5. Указать разницу между развратной Мессалиной и глубоко испорченной Агриппиной.

6. Перечислить, сколько раз дрогнули и сколько раз пришли в замешательство римские легионы.

7. Выразиться несколько раз лаконически без ущерба для собственной личности (упражнение).

СРЕДНИЕ ВЕКА

ВВЕДЕНИЕ

Было бы весьма затруднительно изучать историю народов сплошь, без всякого перерыва, и потому мудрая природа озаботилась устроить ряд интервалов, которые дают возможность легче ориентироваться любознательному уму. Время от времени природа, видя, что накопилось достаточно материала, цифр и имен, и чувствуя, что нить истории начинает без меры удлиняться, выдвигает такие события, которые как бы являются вехами, граиями, пограничными камнями, отделяющими одни давно прошедшие времена от других давио прошедших времен.

Так случилось и в промежуток между древней и средней историей. Было слишком ясно, что эти две совершенно различные эпохи иуждаются в строгом и резко подчеркнутом разграиичении. Поэтому в эпоху, заканчивающую древнюю эпоху и начинающую среднюю, случилось три великих события: утверждеиие христианской религии в пределах Римского государства, начало великого переселения

народов и падение Западной Римской империи. Эти три события, происшедшие по мудрому распоряжению природы, одно за другим образуют как бы «большую перемену», отделяющую один огромный отдел истории от другого.

Кроме того, чувствовалось, что человечество нуждается и в перемене обстановки. Земли, лежащие вокруг Средиземного моря, были уже использованы древней историей. Было бы несправедливо и неблагоразумно требовать от человечества, чтобы оно начало новый отдел истории на тех местах и в тех городах, которые уже успели надоесть. Здесь могло бы случиться, что новые великие изречения или поговорки были бы произнесены будущими королями и военачальниками на тех же местах и у берегов тех же рек, где родились и старые. Это, без сомнения, внесло бы в умы потомков известную смуту. Поэтому ареной средней истории сделались почти все страны Европы. Для удобства происходящих треволнений европейские народы распались на две главные части: романо-германский мир и греко-славянский, причем — как это нам ни обидно — главенствующую роль в истории средних веков играет первая группа, принявшая христианство в форме римско-католической или латинской церкви.

История средних веков делится на три главных периода. Сходство всех этих периодов в том, что и в первом, и во втором, и в третьем периоде отчаянно дрались. Разница же заключена в тех целях, из-за которых дрались народы; при этом, впрочем, случалось, что войны

не имели никакой цели, но тем не менее велись с неизменной храбростью и воодушевлением.

Первый период простирается до окончательного распадения монархии Карла Великого (конец IX века). Пользуясь тем, что за этот период никаких особенных событий не происходило, свежие варварские германские и славянские народы перешли из глубины средней и восточной Европы на юг и запад и положили здесь начало новым государствам и новым национальностям. За это время было основано так много национальностей, что эпоху по справедливости можно было бы назвать «эпохой национального грюндерства».[12] В своем пылу и по неопытности пришлые варварские народы несколько увлеклись, хватив через край, создали слишком много лишних национальностей. Это народное брожение известно в истории под именем Великого переселения народов. Для чего, собственно, они переселялись и было ли им плохо дома — не установлено. Кто знает, сколько времени переселялись и пересаживались бы народы, если бы не Карл Великий... Ему надоело вечное шатание народов под его окнами, причем они поднимали невероятную пыль, — и он своими войнами и учреждениями заставил их усесться более или менее спокойно. Но после него огромная монархия распалась на три части: Францию, Германию и Италию. По странной игре природы распадение это произошло согласно трем главным национальностям, а именно во Франции оказались французы, в Германии — германцы, а в Италии — итальянцы.

Второй период простирается до падения Гогенштауфенов и конца крестовых походов. Главные драки происходили между: 1) папами и императорами, 2) между христианским западом и магометанским востоком (крестовые походы) и 3) между феодалами и королями. Кроме того, были драки вообще.

Третий период идет до конца XV столетия и, вероятно, длился бы еще дальше, если бы Колумб, отчаявшись выдумать порох, не догадался бы открыть Америку. За этот период христианство уже окончательно утвердилось. Да и было пора, потому что на очереди стояла столетняя война французов и англичан, блестяще выполненная обеими сторонами. Здесь же следует отметить освобождение Пиренейского полуострова от владычества мавров, монгольское иго в России, падение Византии, покорение Балканского полуострова турками и другие нехорошие вещи. Папский авторитет упал, и тотчас же возродились науки и искусства.

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ НАРОДОВ И ПАДЕНИЕ ЗАПАДНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

На западе Европы жили кельты, восточнее обитали германцы, далее на восток — славяне и финны.

Нелестные вещи рассказывает о кельтах знаменитый бытописатель человечества Д. Иловайский[13]: «они страдали склонностью к междоусобиям», «были непостоянны, легкомысленны и впечатлительны», «обнаруживали большую наклонность к общежитию, весе-

лость и необыкновенное любопытство. Они останавливали путников на дорогах и заставляли их рассказывать новости» — это вместо того, чтобы самим заниматься делом и другим не мешать. Кроме того, их барды (певцы), воспевая подвиги предков (к тому времени у них уже были предки), ударялн в шестиструнные инструменты. Разумеется, все это не могло кончиться добром, и кельты распались на множество мелких иародностей и мелких государств.

Германцы населяли обширную страну от Рейна до Вислы и от Балтийского и Немецкого морей до Дуная*. Иловайский заявляет, что германцы (до нашествия гуннов) были народом «необразованным». Этому легко поверить, если вспомиить состояние тогдашиих школ и университетов. Иловайский даже прибавляет, что они одевались в звериные кожи, любили пить пиво и в мирное время большей частью не воевали. Германские женщины обладали похвальным качеством: они ухаживалн за своими раненымн мужьями и даже приносили им пищу. Но были ли они образоваины, Иловайский не сообщает.

Германцы делились на многие мелкие племена (франки, аллеманы, саксы, лангобарды, вандалы, остготы, вестготы и другие), а в свободное от дележа время нагими перескакивали через мечи, воткнутые острием вверх. Ув-

* Все эти моря и реки были уже заблаговременно обозначены на карте и имели определенное имя. Легко представить себе тот хаос, который произошел бы в событиях средней истории, если бы этого не было сделано!

Великое переселение народов.

лекшись этими безнравственными упражнениями, германцы не заметили, как к ним подкралось дикое свирепое племя — гунны.

С нашествием гуннов началось нечто невообразимое. Народы совершенно обезумели и стали драться с кем попало и как попало. Замелькало столько имен, столько военачальников, племен, наречий и языков, что, положительно, надо удивляться, как они там не перепутались и, начав войну с кем-нибудь одним, не кончали ее с другим. Впрочем, и это случалось. Умудренный жизнью и опытом Иловайский, для того чтобы внести какую-нибудь ясность в этот темный период, придумал «метод эпитетов», то есть он характеризует деятелей

эпохи каким-иибудь метким эпитетом, определяющим его сущность. Так, король остготов Германрих называется «престарелым», Аркадий и Гонорий, сыновья Феодосия Великого, названы «недостойными»; напротив, Стилихон назван «достойным», а Аеций — «искусным». Впрочем, эти эпитеты у почтенного историка также кочуют, как и народы: в другом месте «недостойный» Гонорий переименован в «ничтожный», а еще дальше в «молодой».

Около половины V столетия появился знаменнтый Аттила. Историки сообщают, что «по наружности он был настоящим гунном». Это, впрочем, не должно нас удивлять, так как он действительно был гунном. Аттила

Аттила подкрадывается к германцам...

стремился сделаться могущественным завоевателем и потому принужден был сочинить и оставить истории несколько афоризмов. Таков уж был порядок. Эта сторона его деятельности была менее удачна, иежели грабежи и набеги, но идти против обычая нельзя было. Из его афоризмов, рекомендуемых министерством иародного просвещения для запоминания, приведем такой: «Трава ие должна расти там, где ступит мой конь».

Имя Аттилы связано с Каталаунской битвой, которая имела такое огромное значение, что теперь, полторы тысячи лет спустя, из-за этой именно битвы многие очень симпатичные молодые люди не получают свидетельства на звание фельдшерского ученика или вольноопределяющегося второго разряда! На Каталаунской равнине (Шампань) произошла битва народов, и Аттила принужден был повернуть обратно за Рейн. Здесь, возвращаясь

Аттила.

по той же дороге, он пожалел о своем афоризме насчет травы, так как лошадям надо же было чем-нибудь кормиться. «Каталаунская битва избавила христианскую Европу от языческих, гунно-славянских варваров». Бог весть, имели бы мы крестовые походы и Столетнюю войну или инквизицию и многое-многое другое, если бы исход сражения был иной. Подумать только! От каких случайностей иногда зависит успех цивилизации!

Аттила был похороиен в трех гробах в пустынном месте. Чтобы никто не знал, где находится его могила, люди, рывшие могилу, были умерщвлены. Затем умертвили тех, кто убил людей, рывших могилу. Затем — убийц этих убийц, далее убийц убийц этих убийц... Продолжая эту систему, гуниы очень скоро истребилн бы себя, ио нетерпеливые германские и западно-славянские иароды, не дождавшись конца этой во всяком случае остроумиой комбинации, восстали и свергли владычество гуннов. Таким образом, им удалось отвлечь виимание гуииов от могилы любимого вождя.

Между тем Западная Римская империя постепеино разрушалась. «Сенатор Петроний, провозглашенный императором, хотел вступить в брак с вдовою Валентиана (которого сам убил); но (!!!) она призвала против него вандалов»* (!!!). Ясно, что это был акт глубокого мазохнзма! Две неделн вандалы грабнлн и разрушали Рим, они иначе не могли поступить: у ннх уж было такое имя. При этом онн несомненно обнаружнли вкус н понимание, так как уничтожали именно те картины, которые былн нанболее ценны. В 476 году римский сенат окончательно признал падение Западной империн нлн, выражаясь по-современному, «разъяснил» Римскую империю.

ГОСУДАРСТВА, ОСНОВАННЫЕ ГЕРМАНЦАМИ

Когда Римская имперня пала, все стали ее очень уважать. Уважение это было так велнко,

---

* Иловайский.

что завоеватели совершенно исказили латинский язык, так что они скоро перестали понимать друг друга. Теодорих Великий, остготский король, из уважения к Риму на старости лет велел казнить образованнейшего римского философа Боэция. Впрочем, он разрешил Боэцию написать глубокомысленную книгу «Утешение в философии». После смерти Теодориха начались войны, причем часто воевали совершенно незнакомые друг с другом народы: лангобарды, авары и др. Особенно усердствовали лангобарды, которые, по преданию, редко дрались. Но их воинственные стремления неожиданно встретились с совершенно своеобразным врагом, с силой, чье загадочное будущее было еще впереди. Это — папы.

Можно себе представить изумление лангобардов! Вступая на историческое поприще, они, конечно, ждали, что им предстоит ряд войн, но что придется воевать с папами, с теми, которые, неся и распространяя идею христианства, запрещали пролитие крови, проповедовали мир, любовь и прочее, и прочее, — этого они никак не могли вообразить. Лангобарды несколько лет подряд в изумлении поглаживали свои длинные бороды и наконец, чтобы как-нибудь спасти ситуацию, приняли христианство.

Светская власть пап увеличивалась изо дня в день. Григорий I — «раб рабов Божьих» — особенно заботился о возвышении папского престола. Он так ревностно распространял католичество, где только мог, что, увлекшись, нечаянно водворил в Испании между вестготами... православие. За это свое беспристрастие

он был прозван Великим, но загадочную тайну, почему одни народы должны были получить католичество, а вестготы православие, он навсегда унес с собою в могилу.

В Галлии в эпоху «разъяснения» Западной Римской империи самым сильным народом были франки. Их конунг[14] Хлодвиг положил основание могущественной франкской монархии. Это вообще была очень примечательная личность, и, живи Хлодвиг в наш век, он без сомнения был бы одним из выдающихся певцов Европы. Сила его голоса была изумительна: в битве с аллеманами, когда неприятель начал брать верх, он таким зычным голосом дал обет креститься в случае победы, что его услышало не только небо, но и множество галло-римских туземцев-христиан, бывших в его войске: они одушевились и помогли выиграть битву. Пришлось принять католичество, и даже весьма торжественно. Хлодвиг ничуть не раскаивался в своем решении: он по-прежнему добивался своих целей коварством, предательством и убийством и умер ревностным католиком. Одним из особенно богобоязненных потомков его оказался Пипин Короткий.

Как только франки и другие германские народы стали образовывать государства, сейчас же у них появились законы, и, конечно, плохие. Все знали, что это плохие законы, но тем не менее их надо было уважать, потому что законы надо всегда уважать — это уж тогда было известно.

Подкупных судей, наемных защитников и лжесвидетелей по убеждению тогда еще не

было: все это едва мерещилось в тумане будущнх веков. А пока что суд производил сам король или герцогн н графы. В свидетели призывалось небо, а министерство внутренних дел ни в коем случае не должно было оказывать давление на судей. Впрочем, несмотря на это, приговоры суда тоже очень часто имели печальный исход...

Во всех государствах, основанных германцами, появилась феодальиая, или ленная, система. Завоеватели отнимали у покоренных землю, селились на ией и называли себя «баронами». При этом у каждого барона была своя фантазия. Так родилось право собственности, которое, в отличие от других прав, называлось «священным». Лучшую и большую часть завоеванных земель король брал себе. При этом короли вместо жалованья раздавали дружинникам свои (то есть захваченные) поместья. Лица, получившие эти «лены», или «феоды» (земельные имущества), назывались вассалами. Эти участки вначале давались королем на известные сроки, но с течением времени феодалы стали считать эти земли своими и не возвращали их королю. От лиц, грабежом или воровством захвативших землю, либо у покоренных народов, либо у короля, и произошла современная европейская аристократия. Бароны отправляли военную службу, защищая от внешних врагов свои священные права собственности. Они получали звание рыцаря, и хотя были невежественны, грубы, жестоки и преступны, но по непонятным прнчинам требовали уважения к себе. Впрочем, этого требовали и монахи также.

После крещения франков христианство проникло и к англосаксам. Римский папа Григорий I, тот самый, который нечаянно утвердил между испанскими вестготами православие, послал для проповеди монаха Августина. Проповедь имела успех. Из британских и ирландских монастырей впоследствии вышли не только богатые и сытые монахи, но и многие ревнители христианства.

ВИЗАНТИЯ И АРАБЫ

В то время как Западная Римская империя была безвозвратно «разъяснена», Византийская, или Греческая, продолжала существовать еще добрую тысячу лет. Продолжительное существование Византии великий историк Иловайский объясняет тем, что «религиозность служила крепкою духовной связью для жителей разлнчных частей империи». Но он тут же прибавляет, что столица Внзантии — Константинополь — была превосходно укреплена и почти недоступна для варварских нашествий. Впрочем, даже двойной или тройной ряд стен любой крепости, отражая нашествия варваров, не в состоянии устоять против лихоимства и взяточничества чиновников, — и Византия отчасти пример тому.

Царствование Юстиниана Великого было весьма примечательно и тревожно. Два учреждения приносили ему особенные заботы: церковь и цирк. Прн нем укрепилась ересь монофизитов[15]. Но с этой ересью более или менее справились. Гораздо труднее было справиться с цирком, где боролись какие-то две партии:

Юстиниан Великий.

зеленые и голубые. Таинственная борьба захватила целые слои общества, создав тревожную атмосферу напряжения. Легко понять, что в этой обстановке хуже всего приходилось

дальтонистам. Впоследствии, во время войны Белой и Алой розы, дальтонисты еще раз испытали все неудобства деления политических партий по цвету.

При Юстиниане издан всемирно знаменитый сборник римских законов — «Свод гражданского права». Работы по созданию этого свода были исполнены несколькими комиссиями правоведов под главным руководством министра и любимца Юстиниана — Трибониана. Примечательно то, что раньше, чем этот «Свод права» был обнародован, он уже был нарушен, так сказать, в утробе матери самим Трибонианом, который оправдывался тем, что-де испытывал крепость новых законов.

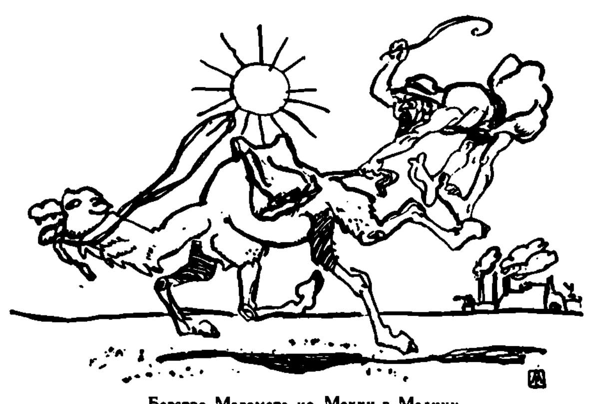
Далее действия Юстиниана принимают резко утилитарный характер: он закрыл знаменитую Афинскую академию и заменил ее шелководством; заточил не менее знаменитого полководца Велизария в тюрьму и вместо него дал народу водопровод. Эти меры в значительной степени укрепили государственное значение Византийской империи.

На византийском троне вскоре очутился Василий Македонянин. Любопытно проследить его политическую карьеру: сначала он победил какого-то атлета, потом укротил коня Михаила III, потом убил самого Михаила. Заняв престол, убийца тотчас же стал заботиться о правосудии. Во времена македонской династии произошло знаменательнейшее событие — разделение церквей: греческой и латинской. Эти две церкви уже давно жили в «доброй ссоре», и стоило латинской церкви сказать «да», чтобы греческая тотчас же произнесла

«нет». И наоборот. Наконец в 1054 году папские легаты[16], прибыв в Константинополь, скромно и вежливо заявили, что папа проклинает греческую церковь и весь Восток. В доказательство своих слов они представили особую бумагу, в которой очень красивым почерком было написано это проклятие. Греческое духовенство немедленно сложило костер и сожгло бумагу, прокляв в свою очередь Рим и Запад.

В это же время в знойной Аравии уже готовилась появиться магометанская религия. Самым значительным племенем в Аравии были корейшиты, и их именно избрал Магомет для своего рождения. Задумав основать новую религию, он рано лишился отца и матери. Чтобы развить в себе пылкое воображение и любовь к поэзии, необходимые каждому молодому человеку, желающему основать новую религию, он мальчиком сопровождал караваны своего дяди. Кроме того, он обладал красивой наружностью и управлял торговыми делами одной богатой вдовы по имени Хадиджи. Управившись с делами, он женился на ией, заявив жене, что ои — послаи богом. Та без всякого колебаиия поверила ему, но жители Мекки были несогласны с богатой вдовой, и Магомету, спасая свою жизнь, пришлось бежать в Медину. С этого года — 622-го, то есть с года разиогласия жителей Мекки с мнением вышеупомянутой вдовы — магометаие и начннают свое летосчислеиие. Здесь же, между прочим, впервые было установлеио, что нет пророка в своем отечестве.

В Медине Магомет нашел последователей, и в скором времени новая религия без всякой



Бегство Магомета из Мекки в Медину.

рекламы получила широкое распространение. Магомет определенно обещал всем правоверным, павшим в бою, самый заманчивый рай, и это многих привлекло на его сторону.

Преемники Магомета назывались «халифами». Они бывали и на час, и на более продолжительный срок. При первых халифах арабы, добиваясь обещанного рая, сражались с необыкновенным воодушевлением и с успехом продолжали завоевания, начатые Магометом. Но в царствование династии Аббасидов магометанский фанатизм мало-помалу ослабел. Начали процветать земледелие, торговля, науки и искусства — это вместо тенистых садов обещанного магометова рая.

Самым знаменитым халифом из этой фамилии является Гарун аль-Рашид, которого наш великий современный Шерлок Холмс не без основания считает своим предком и в некото-

Карл Великий.

рой степени и учителем. Впрочем, таинственные похождеиия Гарун аль-Рашида еще не переделаиы в пьесу.

ВРЕМЕНА КАРОЛИНГОВ

Пипин Короткий перед смертью разделил свое государство между сыновьями Карлом и Карломаиом. Но Карломан, чувствуя, что наступает время единодержавия, умер.

Карл Великий — одна из интереснейших фигур средней истории. Хотя отец его был низкого роста — соответственно названию Короткий, — Карл обладал высокой, статной фигурой, необыкновенной силой и ловкостью. Он носил фуфайку, чтобы доказать, что и герою не чужды земные слабости. Карл был любознателен до того, что на ночь постоянно клал под подушку книгу. Впрочем, читал он плохо, а писал с великим трудом. До конца дней своих, а умер он семидесяти двух лет от роду, он мечтал о том, что в свободное время научится писать. В ожидании этого свободного времени он основал домашнюю академию наук, назвав себя Давидом. Часто можно было видеть, как бедный Давид, встав ночью, смиренно принимался за грифель и выводил какие-то каракули. Образ короля-полуночника, в поте лица своего изучающего азбуку, до сих пор жив в памяти народной и окружен чувством трогательной нежности и любви.

Из внешних дел Карла самыми замечательными были: завоевание Лангобардского королевства и борьба с саксами.

Как и всюду, в деле завоевания лангобардов замешана женщина. Карл был женат на дочери лангобардского короля Дезидерия, но, хорошенько подумав, он отослал жену обратно. Рассчитывать, что она вторично выйдет замуж за какого-нибудь короля, было трудно, и Дезидерий справедливо полагал, что дочь останется в старых разводках. Он рассердился на Карла, но тот еще больше был обозлен на Дезидерия за то, что обидел его. Несмотря на лютую зиму, Карл, перейдя Альпы, неожидан-

Карл Великий заточает Дезидерия в монастырь.

но явился в Ломбардию, заточил Дезидерия в моиастырь и завладел Ломбардией. Человек всегда проявляет необычайную энергию там, где рассчитывает принести зло тому, кого он обидел.

Саксы в то время были в Германии сильным народом и с большим удовольствием нападали на пограничные франкские области. Карл

решил их укротить, распространив между ними христианство. Несколько раз Карлу удавалось покорить неприятелей, но когда он уходил, они опять восставали. Собственно говоря, саксы были не столько против христианства, сколько против налога на христианство: десятую часть доходов полагалось давать христианскому духовенству. Для того, чтобы наглядно доказать справедливость подобного требования, Карл Великий велел предать казни 4500 пленных саксов. Конечно, для современника, читающего газеты XX века, эта цифра не может показаться значительной, но в то время, во-первых, население было гораздо меньше, а во-вторых, вовсе не было газет.

Карл был очень утомлен продолжительной войной с саксами и с большим наслаждением отдохнул бы. Но впереди предстояла грандиозная задача: подготовить почву для создания знаменитой «Песни о Роланде». Потомки — особенно приват-доценты университетов — ни за что не простили бы ему, если бы он уклонился от своей миссии. Пришлось начать войну с маврами, отнять у них земли между Пиренеями и проч., и проч. Конечно, Карл прекрасно понимал, что эти земли и походы нужны не столько ему, сколько будущим приват-доцентам. Но он смиренно преклонился перед велением рока, и «Песнь о Роланде» была создана.

Для того чтобы понять, каким образом Карл Великий благодаря папе Льву III превратился из короля в императора, необходимо предварительно рассказать небольшой, но поучительный анекдот.

Гуляли два приятеля и встретили девушку.

— Она очень красива, — сказал первый, — хорошо бы с ней познакомиться. Ты ее знаешь?

— Нет, — ответил другой, — но это ничего не значит.

Он подошел к девушке и, вежливо приподняв шляпу, сказал:

— Сударыня, позвольте представить вам моего лучшего друга, господина Н.

Девушка удивленно посмотрела на него.

— Но я вас вовсе не знаю, — ответила она.

— А вот господин Н. теперь меня познакомит. Представь меня, — обратился он к другу.

И они продолжали прогулку втроем.

То же произошло с Карлом и Львом III.

— Вы провозгласите меня императором и возложите на мою голову золотую корону, — сказал Карл Льву III.

— С удовольствием, — ответил папа, — но меня самого хотят свергнуть с папского престола.

— Это ничего не значнт. Я как император поддержу вас.

И действительно, Карл утвердил Льва, а Лев утвердил Карла. И свою прогулку по страницам истории они продолжали уже втроем: папа, император и корона.

Подобные случаи впоследствии ие раз повторялись в ходе нсторин и всегда с нензменно счастливым успехом.

Когда Карл умер, его труп в императорской одежде был посажен в мраморное кресло, которое опустнлн в склеп Ахенского собора. Это было несправедливо: при жизни он

страдал бессонницей, а после смерти его заставляли сидеть. Впоследствии эта незаслуженная жестокость была отменена, и его, не мудрствуя лукаво, положили в великолепную гробницу.

Вместе с удивительным правителем умерла его монархия: она распалась на свои составные части — Германию, Францию и Италию. И здесь на скрижалях истории появилось имя, которое более подходило бы какому-нибудь объявлению для ращения волос: Карл Лысый. А между тем он управлял Францией!

В Германии династия Каролингов прекратилась со смертью Людовика Дитяти. Историки повествуют, что «Людовик Дитя не оставил после себя потомков мужского пола», но можно с уверенностью сказать, что он не оставил также и потомков женского пола, так как умер ребенком, а пьеса «Пробуждение весны»[17] появилась гораздо позднее.

Во Франции Каролингам с самого начала не повезло. Народ взглянул на них, как на богом ниспосланный объект для остроумия. Они получили целый ряд курьезнейших наименований, как-то: Косноязычный, Толстый, Простоватый, Ленивый... Людовик Ленивый был настолько ленив, что умер бездетным. Герцог Парижский Гуго Капет воспользовался этой стороной его характера и провозгласил себя королем. Таким образом, началась новая династия — Капетингов.

В первой половине IX века семь англосаксонских владений в Британии были соединены неким Эгбертом в одно государство. Этот Эгберт был очень скромный малый, так как до сих пор неизвестно: называл он себя коро-

лем Англии или не называл? Около того же времени начались опустошительные набеги норманнов на этот остров.

Норманнами назывались германцы, поселившиеся на полуостровах Скандинавии и Ютландии. Обычай был таков, что старшие сыновья князей наследовали отцовские владения, а младшие набирали дружины удальцов и на легких судах отправлялись в другие страиы нскать добычи. Подобные предприятия развивали в народе воинствеииость, так что духовенство в некоторых местиостях настаивало иа том, чтобы в семьях рождались исключительно младшие братья. В Западной Европе настолько не любили этих пиратов, что была создана молитва: «Господи, избави иас от норманнов».

При скромном малом, короле Эгберте с вопросительным знаком, почти вся Англия подпала под власть датчан. Альфред, великий внук Эгберта, освободил Англию.

Альфред был удивителен уж тем, что любил книжные занятия и чрезвычайно заботился о правосудии. Летописцы утверждают, что в его время путник, потерявший на дороге кошелек с золотом, мог быть совершенно уверен, что никто не прикоснется к нему. К сожалению, такие случаи бывали очень редко, потому что у путников не бывало лишних кошельков с золотом, ибо страна была достаточно разорена набегами датчан.

При иаследниках Альфреда датчаие возобновили свои набеги. Король датский Канут Великий соединил под своей властью Данию, Англию и Норвегию. От природы ои был

очень жестокий человек, но как только почувствовал, что его трон крепок, сделался набожен и крайне справедлив. Сердце человеческое — загадка, а королевское — вдвойне!..

В XI веке вся Англия после Гастингской битвы попала в руки Вильгельма Завоевателя. Он не отличался скромностью, а вступив в Лондон, торжественно венчался золотой короной. По его приказу была произведена перепись населения: оказалось, что во всей Англии всего-навсего нашлось два миллиона душ! И этим-то несчастным двум миллионам, которые могли бы разместиться в любой современной столице, было тесно на всем пространстве Британии!.. Поистине, волчьи аппетиты были у наших предков, царствие им небесное!

Из смешения французского языка с германским впоследствии произошел английский — тот самый язык, который значительно позднее привел в ужас эстетическое ухо Генриха Гейне.

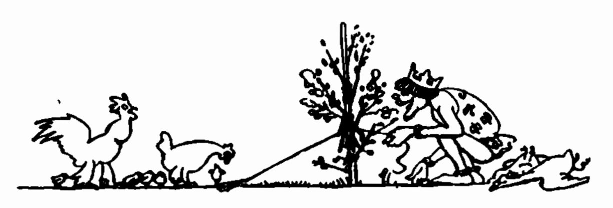
БОРЬБА ИМПЕРАТОРОВ С ПАПАМИ. ГВЕЛЬФЫ И ГИБЕЛЛИНЫ

По смерти Людовика Дитяти королем в Германии был избран герцог франконский Конрад. Надо думать, что князья выбрали его специально для того, чтобы не слушаться. В этом смысле их выбор был очень удачен: короля никто не слушался. У Конрада был заклятый враг Генрих Саксонский. Лежа на смертном одре и желая как можно сильнее досадить Генриху, бедный Конрад посоветовал немецким князьям выбрать последнего королем. Простодушные князья, взглянув на эту

Борьба пап с королями.

предсмертную волю как на акт великодушия, так и поступили. Генрих, не ожидая подобного коварства со стороны Конрада, спокойно предавался своему любимому занятию: ловил синиц и чижиков. Послы германских князей застали его в лесу, окруженного клетками, капканами и западнями; он был похож на учителя из рассказа Чехова «В Москве на Трубной площади», которого торговцы называли «ваше местоимение». История увековечила эту своеобразную фигуру под именем Генриха Птицелова.

Коварство Конрада не оправдалось: «его местоимение» Генрих заставил смириться непокорных герцогов и князей, причем птичек, разумеется, пришлось бросить. Это был гигантский подвиг, и перед ним, конечно, блед-



Генрих Птицелов.

неют победы над венграми и славянами. Венгры по своей скверной привычке сильно тревожили Германию. Генриху Птицелову удалось выговорить девятилетнее перемирие, в течение которого ои исправио платил венграм дань. К концу девятого года Геириху почему-то показалось, что венграм будет приятно получить от него вместо обычной дани собаку без хвоста, с выколотыми глазами и на двух ногах. Но венгры интересовались фауной менее Генриха. Этот способ платить дань им не понравился. Они напали на Генриха, но после битвы были принуждены обратиться в бегство. Гермаиия перестала платить дань, и здесь была зарыта собака.

Сыи Генриха Птицелова Оттон I Великнй окончательно победил венгров. Чтобы как-нибудь оправдать эпитет «Великий», он присоединил к своим владениям северную Италию и принял императорскую корону. В Риме тогда папствовал очень иеприятный папа Иоанн XII. Он даже толком короны ие мог держать. Оттон уволил его без прошения, и его преемник возложил на Оттона корону Свя-

щенной Римской империи. Таким образом, буквально повторилась история с коронованием Карла Великого.

С прекращением Саксонской династии была избраиа такая, какая могла бы жить на свете ровно сто лет. (Известно, что в то время были склонны к мистике.) Такой дииастией оказалась Фраиконская. При первых представителях этого дома распространился странный приказ: не драться по пятницам, субботам и воскресеньям, в остальные дни — сколько угодно. Это называлось «божий мир». Впрочем, у иных бывало семь пятниц на неделе.

Царствование Генриха IV ознаменовалось борьбой императора с папою, что весьма поучительно.

С давних времен папы стремились захватить в свои руки светскую власть. Для подкрепления этих притязаний в IX веке был создан специальный сборник подложных церковных постановлеиий, или декреталий. Все знали, что этот сбориик подложный, и даже откровеино называли его «лжеисидоровым», но все ему верили. Это также подияло значение пап. Однако иадо сознаться, что в X и XI веках дела пап были из рук вои плохи. Недостаток в хороших папах был так велик, что на папском престоле очутилась жеищиia — Иоаниа из Майнца. Последиее обстоятельство имело и свои хорошие последствия. Латииское духовеиство, справедливо опасаясь, что должиостн пап, епископов, настоятелей и т. п. мало-помалу будут замещеиы жеищинами, энергичио взялись за реформы. Одним из ярких реформаторов и убежденнейших жеио-

С той поры католическое духовенство совершенно чуждается женщин.

ненавистников был Гильдебрант, он же Григорий VII.

Гильдебрант был сыном простого земледельца, но, как выражается Иловайский, «с детства усвоил себе необыкновенную твердость воли». Усвоив ее, он немедленно сделался папой. Чтобы раз навсегда ослабить вмешательство императоров в избрание пап, он посоветовал кардиналам носить красные шляпы. При этом кардинал ни в коем случае не должен быть женщиной.

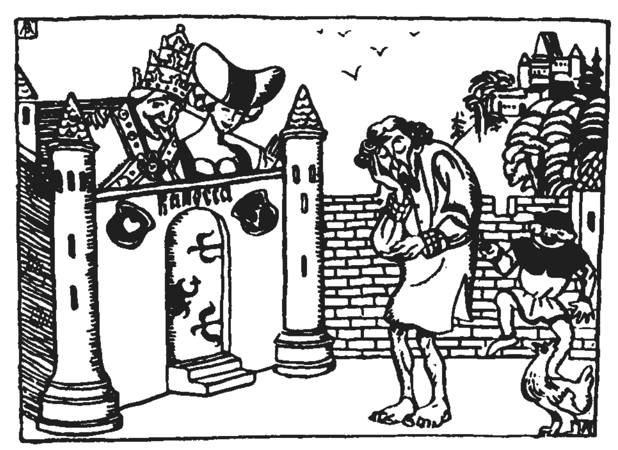
Продолжая вдумываться в сущность вещей, Григорий VII очень скоро разобрал, что «все зло от женщин». Поэтому он категорически запретил духовенству вступать в какие бы то ни было браки. С той поры католическое духовенство совершенно чуждается женщин, и потому все, что пишется и рассказывается пикантного о священниках, надо считать абсолютным вздором.

Грозным средством воздействия на светских князей Григорий VII избрал интердикт, то есть отлучение от церкви. Отлученный чувствовал себя скверно: если он хотел родиться, его не крестили, если умирал — не хоронили, если был холост — не женили, а женатого не разводили. Одним словом, он как бы застывал в своем бытии на месте и никуда не мог двинуться.

Саксонские князья, обиженные Генрихом IV, пожаловались на своего короля папе. Папа и сам имел зуб против Генриха. Он позвал его в свой кабинет для объяснений, но Генрих не пошел. Тогда папа отлучил Генриха, а Генрих папу. Но оказалось, что папа сильнее отлучил короля, чем король папу, и Генрих должен был смириться. Немецкие князья объявили королю, что если до такого-то и такого-то срока папа его не простит, то они выберут другого короля — у них-де запас большой.

Генрих отправился в кабинет папы и, чтобы доказать свое раскаяние, захватил с собой жену Берту, которую в обыкновенное время терпеть не мог. В лютую зиму, в вьюгу и холод пришлось переправляться через Альпы, потому что кабинет папы находился по ту сторону Альп. Раскаивающийся король скатывался на спине, ходил на руках, ползал на четвереньках. Можно вообразить, какими милыми словечками при этом величался папа! Вероятно, папе доставалось еще больше, чем нелюбимой жене, которая все время торчала тут же.

Наконец Генрих с женой и ребенком, который путешествовал по детскому билету, скатился в Верхнюю Италию. По непонятным



Генрих IV в Каноссе.

причинам папа в это время гостил в замке Каносса, который принадлежал тосканской маркграфине Матильде. Что делал у Матильды папа, этот женоненавистник, до сих пор историей не выяснено. Генрих предполагал отдохнуть после путешествия, но папа заставил его три дня простоять на дворе в рубашке, без шляпы и босиком. Между тем мостовые в те времена вовсе не располагали к тому, чтобы короли шли босиком. Тут опять выступила на сцену таинственная графиня Матильда — дама под вуалью: она упросила папу принять Генриха. Папа снял отлучение, предложив Генриху закусить вместе с ним. Но тот отказался. Мир был заключен.

Генрих вернулся в Германию и здесь узнал, что невеселое и уиизительное путешествие

к папе через Альпы было совершенно излишне: князья отложились от него. Генрих пришел в справедливое негодование, но он ахнуть не успел, как папа опять отлучил его от церкви. Это было уже слишком. Добрая дружба, установленная в Каноссе, была порвана. Генрих пошел на Рим войной, на этот раз уже в сапогах, и папа должен был бежать в Салерно, где скоро и умер. Что сталось с таинственной графинией под вуалью — неизвестно.

С тех пор папы перестали держать королей по три дня на солнце с непокрытой головой. Они проклинали их издали — медленно, но верно.

В необыкновенно трогательных, хватающих за сердце выражениях Иловайский рассказывает о дальнейшей судьбе злополучного Генриха. «Смерть окончила его бурную жизнь, исполненную превратностей.* Несчастье преследовало его и после смерти: как отлученный от церкви, он был лишен погребения».

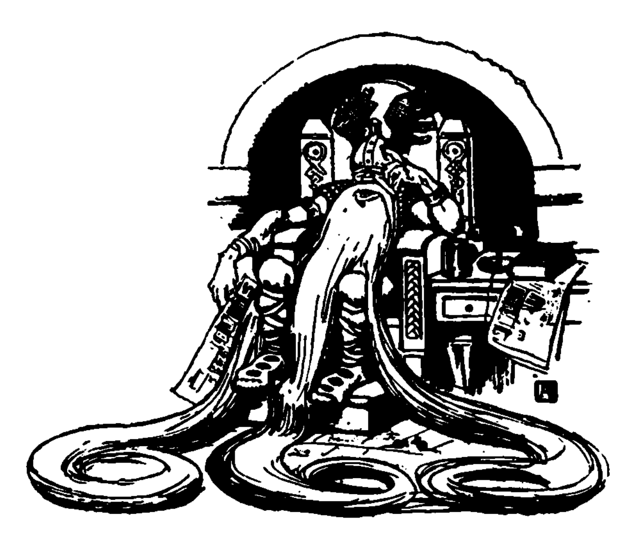
Только через шесть лет «счастье» осенило Генриха IV: его похоронили в Шпейеском соборе. Что он делал эти шесть лет — никто не знает.

Нечто вроде худого мира с папой вместо доброй ссоры было заключено уже сыном покойного, Генрихом V, в Вормсе. Это называется Вормсским конкордатом (1122 г.), и на нем в течение XIX и начале XX века срезалось немало гимназистов.

На германский престол была возведена фа-

---

* «И коловращения людей» — обыкновенно добавлял Чичиков (необходимое примечание.)



Фридрих I Барбаросса.

милия швабских герцогов Гогенштауфенов. Это называется: не было печали, так черти накачали. Немедленно же начались междоусобные войны. Почти вся Германия разделилась на две партии — баварскую и швабскую, или гвельфы и гибеллины.* Папы долго раздумывали, кем им быть: гвельфами или гибеллинами, — и остановились на гвельфах, так как это название гораздо легче запоминалось.

Выдающимся правителем из дома Гогенштауфенов был Фридрих I Барбаросса. Барба-

* Не смешивать с гобеленами: это совсем из другой оперы.

росса значит — рыжая борода. Предполагают, что он ее красил, так как народ ее полюбил. Из тех же причин он никогда не брился и не стригся. В Берлине полагают, что Фридрих Барбаросса не умер. Он сидит, облокотившись о каменный стол, в одном из тюрингийских замков и спит, и его длинная рыжая борода обвилась вокруг стола. Каждый раз, когда император Вильгельм II открывает рот и начинает держать речь, спящий Барбаросса тяжело вздыхает и сон овладевает им сильнее. Оптимистически настроенный народ все же верит, что спящий император проснется. Но дипломаты полагают, что после речей Тэдди Рузвельта[18], произнесенных в Берлине, Фридрих Барбаросса уже никогда не сможет проснуться.

Последним императором из дома Гогенштауфенов был Конрад V, личность малоопределенная. Его сын Конрадин был казнен в Неаполе Карлом Анжуйским. Историк называет этот варварский поступок Карла «дурным поведением». С этим метким определением нельзя не согласиться.

ГОСУДАРСТВА, ОСНОВАННЫЕ СЛАВЯНАМИ

Славяне жили на огромной равнине от реки Эльбы до Волги и Дона и от Балтийского моря до Адриатического залива и Архипелага. У них было много псевдонимов: сарматы, венды и даже анты. Под псевдонимом «гунны» они во времена Аттилы набросились на Европу. Историки дают следующую меткую характеристику славян: они были многочисленны, румяны, жили друг от друга на большом

расстоянии, почитали стариков и имели деревянные щиты. Таковы были их достоинства. А недостатки заключались в следующем: излишняя впечатлительность, отсутствие единодушия и отсутствие конницы. Впрочем, некоторые историкн несколько расходятся в своих показаниях, путая недостатки с достоинствами. Следы этой неопределенности и неустойчнвости в характеризации славянской души мы находим еще и теперь в знаменательной фразе: особых примет нет.

Славяне поклонялись божествам разных рангов. Верховное существо называлось различно: Перун, Сварог, Святовит и т. п. В иаше время славян иазывали бы декадентами, а тогда называли язычниками. Все зависит от моды!

Своим богам славяне приносили в жертву плоды и животных. «У некоторых племен, — сообщает историк, — встречаются и человеческие жертвы; например, в Киеве Перуну». Эти слова надо понимать буквально.

Нравы славян допускали многоженство, н, когда муж умирал, одна из жен — особенно любимая — должна была сжечь себя на костре вместе с трупом. Это и была та «верность до гроба», о которой так много пишут поэты. В позднейшнх веках истории она вообще не встречается.

Славяне делились на несколько групп, и каждая группа с редкой настойчивостью отстаивала свою самобытность. Чем более походили одна на другую две соседнне группы, тем сильнее была нх вражда. Обозревая бесчислеиные войны прошедших веков, нетрудно

вывести такое историческое правило: «Сила, с какой отталкиваются два соседних народа, прямо пропорциональна квадрату их родственности».

В Богемии жили чехо-моравы.

В династии Пшемыслевичей, утвердившейся в Чехни, мелькают ряды имен. Все они отстаивали свою независимость от немцев н в пылу отстанвания не замечалн, что все более и более начинают походнть именно на немцев. Уместно помянуть добрым словом Отокара II, память которого должна быть особенно почтена петербургскими дачниками: он первый додумался до того, чтобы продавать (в рассрочку) поземельные участки, как то делается теперь на станции Вырица и по Финляндской железной дороге. Участки эти он продавал немецким колонистам, разумеется продолжая «отстаивать самобытность».

Из славян, обитавших в бассейне рек Вислы и Одера, составилось Польское государство. Блистательный период польской истории составляет царствование Болеслава Храброго. Он пытался завладеть Чехией н создать великое западно-славянское государство. Но это осталось прекрасной мечтой о несбыточном. Иловайский вполне серьезно полагает, что если бы поляки и вообще западные славяне остались православнымн, им жилось бы прекрасно. А теперь они самн виноваты в своей судьбе, полагает он.

Полабские и балтийские славяне не составилн нн одного значительного государства. Они только н знали что делнться на мелкие княжества и общины. За это былн оставлены на вто-

рой год по классу политического преуспеяния.

Метрическое свидетельство дуиайских болгар неясно. В нем не то подчистки, не то пробелы. Историки, однако, настаивают на их славянском происхождении; доказательство этому видят в том, что болгары носили усы. Во времена царя Симеона Болгария считала себя счастливой. Народ воевал с венграми, а в свободное время занимался переводами книг. Надо думать, что в то время переводы оплачивались значительно лучше, чем в XX веке, у нас.

С болгарами воевали сербы, которые тоже носили усы. Основатель династии Неманей, великий жупаи Стефан, был очеиь иедуриым дипломатом и партериым акробатом: побеждеииый византийским императором Маиуилом Компеиом, он явился к нему и, «растяиувшись во всю длииу своего огромиого роста», вымолил себе пощаду. Иловайский мудро называет такой образ действий «умеиием подчиняться обстоятельствам».*

КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ

Крестовые походы—своеобразнейшая полоса в истории человечества. Можно с уверениостью сказать, что если луна имеет или имела свою историю, то Каталаунская битва там могла быть, и гвельфы и гибеллины — также, и «его местоимение» Генрих Птицелов—также, но крестовые походы — иикогда.

---

* Рекомендовано Мин. нар. прос. для реальных училищ, гимназий и прогимназий.

Прежде всего, откуда на луне взяться евреям? А для того, чтобы осуществить настоящий священный крестовый поход, иеобходимо убивать евреев. Это во-первых. Во-вторых... Впрочем, по порядку.

Начать с того, что цель крестовых походов была вовсе ие в том, чтобы убивать встречных евреев, а в том, чтобы освободить гроб господень из рук магометаи. Евреи же просто попадались по дороге, и их убийство иисколько не утомляло благородных рыцарей, имеющих на одежде изображеиие красного креста. В конце концов, это была обычиая еврейская замашка: надоедать своим присутствием господам и беспокоить занятых людей, которые их и знать не хотят.

О первом крестовом походе рассказывают так: пустынник Петр Амьенский, вернувшись из Иерусалима, босиком обошел Италию и южную Францию, всюду рассказывая об издевательствах турок над гробом господним и подстрекая к походу. На самом же деле это был не Петр, а Урбан, и не пустынник, а папа, и не босиком, а в туфлях, и не обходил рыцарей и духовенство, а позвал их к себе в Клермон. Папа, подготовляясь в течение месяца, экспромтом произнес замечательную речь и авансом выдал всем участвующим прощение в тех грехах, какие они несомненно совершат на пути в Иерусалим.

Сначала выступили в поход толпы простого народа под предводительством Петра Амьенского (уже настоящего) и рыцаря Вальтера, у которого за душой не было ни гроша и которого не то насмешливо, не то добродушно

Крестовые походы.

называли Вальтер Голяк. Когда вдали показывался какой-нибудь город, крестоносцы спрашивали:

— Послушайте, это Иерусалим?

— Нет.

— Нет? А евреи в нем есть?

— Есть.

— А можно их перебить?

— Да сделайте ваше одолжение.

И шли дальше, стараясь как можно обстоятельнее использовать высокое доверие папы, заранее давшего отпущение грехов. Почти все они были перебиты венграми и погибли от болезней.

Но это была, так сказать, только генеральная репетиция. Настоящее крестовое ополчение поднялось несколько месяцев спустя. Здесь, между прочими рыцарями, был и Гот-

фрид Бульонский — имя, которое по неизвестной мнемонической причине остается в памяти русского интеллигента даже тогда, когда все прочие имена и цифры древней, средней и новой истории им давно забыты. Собственно говоря, одним этим и замечателен благочестивый герцог. Но популярность его в среде русской интеллигенции огромна.

Крестоносцы по дороге завоевывали города. А дорога была длинная — три года прошло прежде, нежели войско достигло Иерусалима. Важнейшим из завоеванных городов была Антиохия, прежняя столица Сирии. Здесь, между прочим, нашли копье, которым было прободено ребро Спасителя. Подлинность копья была под большим сомнением. Священник Петр, нашедший его, предложил подвергнуть себя суду божьему — через испытание огнем. Сложили два огромных костра, оставив между ними промежуток в фут шириною. Петр с копьем в руке медленно прошел между пылающими кострами. Толпа пришла в восторг и, накинувшись на него, стала рвать в клочья его одежду — на память. Более глубокие почитатели в качестве сувенира отрывали от несчастного Петра куски мяса. Через несколько дней Петр, не выдержав подобной любви, умер. Тогда было решено, что копье, конечно, подлинное, но он сам был подложный.

Наконец подошли к Иерусалиму. После упорного сопротивления город был взят, причем крестоносцы, пылая неукротимым желанием попасть в рай, без пощады избивали магометан и евреев. Кони рыцарей ходили по колена в крови — так облагородило кресто-

носцев величие высокой идеи. На третий день войско, собравшись у гроба господня, плакало от умиления: это были чувствительные и мягкие сердца.

Из завоеванных земель было составлено особое Иерусалимское королевство. Оно существовало около двухсот лет. Увы, там все было как и дома: короля не слушались, рыцари ссорились, духовенство было невежественно, законы несправедливы и народ находился в угнетении. Старая сказка про белого бычка рассказывалась сначала. На помощь государству были образованы рыцарские ордена: иоанниты, тамплиеры и тевтоны, которые усердно сражались с неверными. Но от их усердия было мало проку.

Второй крестовый поход был очень несчастлив: войско изнемогало от болезней и голода; изредка только удавалось поймать какого-нибудь еврейчика и зарезать. О крови неверных, доходящей до колен лошадей, нечего было и мечтать. Миновали счастливые дни Аранжуэца! Уныние охватило благочестивых рыцарей, и они, неутешенные, обманутые в своих ожиданиях, умирали в непроходимых горах.

Через сорок лет стало известно, что Иерусалим находится в чужих руках. Султан Саладин, взяв город, пощадил христианских жителей, без нужды никого не убивал, а иерусалимскому королю Гвидо возвратил свободу. По этим-то поступкам христианская Европа и узнала, что святым городом овладели не кто иные, как неверные. Папа, испуганный за судьбу города, велел проповедовать третий

крестовый поход. Первым поднялся Фридрих Барбаросса, но утонул в Малой Азии; вслед за ним отправился французский король Филипп-Август н английский король Ричард Львиное Сердце. У Ричарда, кроме огромной физической силы, не было никаких дарований. Он только умел драться, рычать и сердиться. В наше время его не пустили бы в порядочный чемпионат борцов. Вернуть Иерусалим Ричарду Львиному Сердцу, разумеется, не удалось, но зато он навел страх на детей всей округи.

Стали готовиться к четвертому крестовому походу, но он окончился скорее комически, нежели трагически. Крестоносцы собрались в Венеции, чтобы на венецианских кораблях переправиться в Палестину. Во главе ополчення стал старенький старичок дож Дандоло. Так как старнчок этот был совершенно слеп, а отчасти также глух, он город Зару (в Далмации) принял за Палестину. Крестоносцы осадили город и, только взяв его, убедились в своей ошибке. Сконфуженные, они пошли дальше и, увидев Иерусалим, бросились на него, стали грабить и жечь.

— Где тут гроб господень? — спросили они после тщетных поисков.

— Опять не попали! — ответили им. — Это вовсе не Иерусалим, а Константинополь.

Вторичная ошибка сильно охладила рыцарей. Они решили не гнаться за этим неуловимым Иерусалимом, а пока что основать здесь же, на месте, Латинскую империю. Впрочем, эта новоиспеченная империя просуществовала всего неделю.

После этих неудач многие решили, что Иерусалим вообще куда-то затерялся и найти его немыслимо. Было предпринято еще несколько походов, но неудачно. Дошли до того, что в существование Иерусалима стали верить только дети (поход детей...). Да было уж и не до того: с востока явилось совершенно новое племя — монголы — и двигалось на Европу. Надо было шкуру спасать, а не увлекаться фантазиями. Однако на короткое время Иерусалиму повезло: во Франции заболел Людовик IX Святой. Он принимал различные лекарства: ел мел, пил настой трав и мазал себя медом с солью. Но средства эти не помогали. Оставалось последнее, сильнейшее средство — крестовый поход. Людовик дал обет предпринять поход, и, действительно, на другой же день ему полегчало. Но из этого похода, дважды повторившегося, решительно ничего не вышло: король умер, а святая земля очутилась в руках Мамелюков; медицина же раз навсегда отвергла крестовые походы как средство от королевских болезней.

В наше время даже самые наглые шарлатаны-доктора не решаются никому предложить это лекарство.

ФРАНЦИЯ И АНГЛИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ СРЕДНИХ ВЕКОВ

В конце X века французский престол заняла линия Капетингов. Нелегко было этой династии пробиться в люди; в те времена можно было быть королем, но не быть принятым в обществе. Капетинги решили расширить свое

дело. Оии ие стыдились своего королевского достоинства, но не брезговали и другими заиятиями: покупали земли, воевали, строили, занимались судебиыми и общественными делами. Своих бедных родственников выгодно женили и выдавали замуж и, в конце концов, стали на ноги. Надменные бароны, разумеется, свысока смотрели на это сборище королей и, где могли, обижали их.

Хитрая династия стала играть в социал-демократизм и этим расположила к себе французский народ. Разумеется, полиция стала коситься на династию, ио на стороне королей по счастливой случайиости было духовенство. Полиции пришлось смириться.

Известен Людовик VI, по неделикатному прозванию «Толстый». Ему доктора прописали усиленный моцион, и потому он без устали сражался со своими же баронами. К концу своей жизни он настолько похудел, что умер.

Сын его Людовик VII также был монархистом. Он вступил в брак с принцессою Элеонорою, но скоро развелся с ней. Элеонора была наследннцей обширных владеннй в юго-западной Францин. Она вторично вышла замуж, на этот раз за Генрнха Плантагенета, графа Анжуйского. Генриху повезло: он наследовал английскую корону. И вышло, что английский король, владея французскимн землями, считался вассалом первого мужа своей жены. Чтобы распутать этот политико-матрнмониальный узел, началась война, которая окончилась только через сто лет, то есть тогда, когда кости первого мужа и второго мужа и первой жены

и их детей и внуков давным давно истлели в могиле.

Из Капетингов замечателен Людовик IX, он же Святой. Людовик прославился тем, что любил сидеть под дубом. Другие деревья он менее любил. Он реформировал судопроизводство и был так справедлив, что одного бедного барона, повесившего трех человек, приговорил к штрафу. Эта строгая мера повергла в ужас французских баронов, и с тех пор жизнь человеческая вздорожала.

Внук Людовика IX Филипп IV Красивый вступил в борьбу с папой Бонифацием VIII. В Европе очень интересовались, кто кого из них переотлучит? Оказалось, что победил Филипп; были этим особенно довольны женщины, так как Филипп был красив, а Бонифацию шел восемьдесят шестой год. Папа вскоре умер — как показало медицинское вскрытие — «от стыда и позора» (Иловайский).

Филипп возвел на папский престол Климента V, очень покладистого и послушного наместника Петра на земле. Филипп уговорил папу, что для его здоровья полезнее жить в Авиньоне, чем в Риме. Семьдесят лет подряд папы, поправляя здоровье Климента V (впрочем, давно умершего), прожили в Авиньоне, и это почему-то называется «вавилонским пленением пап».

Во время спора с Бонифацием Филипп созвал «государственные чины». Здесь впервые в совете короля явились горожане — «третье сословие». Это были предки той самой французской интеллигенции, которой впоследст-

вии известиый русский писатель Максим Горький плюнул в лицо.[19].

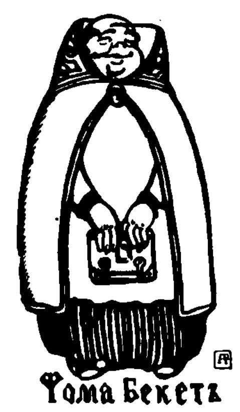
При иаследнике Филиппа IV Филиппе Валуа началась знаменитая Столетияя война с Англией, которая, в отличие от Тридцатилетией, продолжалась ровно сто лет.

Генрих II Плаитагенет с большим умом управлял Англией. Так, по крайней мере, утверждают. Немало огорчений приносило ему духовеиство. В Аиглии духовенство, между другими привилегиями, пользовалось также правом не подлежать светскому суду, а также не садиться под дубом или другим какимнибудь деревом, как то было во Фраиции при Людовике Святом. Благочестивые моиахи, убив крестьянина или ограбив дворяниина, обесчестив женщину или обокрав горожаниина, оставались почти безиаказаиными. Отсюда иарод стал выводить заключение, что жизиенное назначение духовенства — это убивать, грабить и воровать, а не молиться. Чтобы искореиить подобное, во всяком случае преувеличеиное миеиие, Генрих II стал вмешиваться в церковиые дела. Но встретил опасного противника в лице своего прежнего друга, кентерберийского архиепископа Фомы Бекета. Этот Фома, прежде чем сделаться архиепископом, много ел и пил, но когда им сделался — мало ел и мало пил.

После его смерти, в которой был повинен Геирих II (и что он, между прочим, клятвеино отрицал), около гроба стали совершаться чудеса.

Оба сына Генриха прославились каждый посвоему. Первого называли Львиное Сердце,

а второго — Иоанн Безземельный. У Ричарда было хоть львиное сердце, а у Иоанна — никакого. Кроме того, у него отняли все земли, и он, таким образом, очень походил на шахматного короля. Английские бароны и горожане вскоре объявили ему шах и мат, заставив подписать «Великую хартию вольностей» (1275 г.). В этой хартии между прочим были такие параграфы:



Фома Бекет.

§ 1. Не могут быть налагаемы новые подати без согласия представителей духовенства и вельмож.

Примечание: Допускаются исключения.

§ 2. Никакой свободный человек не может быть посажен в тюрьму иначе как по приговору суда.

Примечание: Допускаются исключения.

§ 3. Подданные получают право силою воспротивиться нарушению законов.

Примечание: Но за это их наказывают по примечанию § 2.

При Иоанне Безземельном еще, слава богу, не было парламента, но при преемниках его уже, слава богу, были и конституция и парламент. Английский парламент был составлен по образцу биплана Райта: он состоял из двух

палат — верхней и нижней. Значение английского парламента так велико, что до сих пор русские прокуроры разъясняют его многим общественным деятелям, предлагая поразмыслить о нем в одиночестве и на досуге.

«Таким образом, — рассказывает Иловайский, — в Англии и во Франции история королевской власти приняла два противоположных направления. Во Франции короли, соединившись с горожанами, усилили свою власть и потеряли дворянство, в Англии горожаие соединились с дворянством и ослабили значение короля». Это совсем как в сказке: пойдешь налево — дворянство потеряешь, пойдешь направо — горожан потеряешь. А останешься на месте — Иловайский о тебе некролог напишет.

В начале Столетней войны французы хвастливо говорили:

— Англичане пороху не выдумают.

Но они выдумали, и в сраженин при Креси впервые со стороны англичан в дело был пущен порох. Французы, ошарашенные неожиданностью, бежали.

Вообще, вначале французам не повезло. Их били со всех сторон. Против дворянства поднялось сельское население. Произошло страшное восстание, известное под именем Жакерии. Крестьяне жгли замки и убивали баронов. Одновременно с этим в Париже поднялось торговое и ремесленное сословие. Восстание было скоро подавлено, и с тех пор во всех странах строжайше запрещены всякие бунты и восстания, как в деревиях, так и в городах. Запрещение это сохраняет силу по сей день. С Англией

был заключен мир, причем французам удалось перехитрить своих врагов.

— Мы вам вернем короля, а вы нам уплатите столько-то и столько, — предложили англичане.

— Королей у нас достаточно, а денег мало, — ответили французы. — Берите себе короля на здоровье.

И англичане удержали Иоанна Доброго, который им абсолютно ни на что не был нужен. Но он был так добр, что скоро умер.

При сыне его Карле Мудром дела французов улучшились. Выгодно сбыв своего отца англичанам, Карл этим поправил государственный бюджет. Кроме того, под рукой случился рыцарь Бертрен Дюгеклен, который, по причине своего безобразия, был очень храбр и вернул Франции почти все юго-западные провинции.

Сын Мудрого оказался сумасшедшим, однако не настолько, чтобы не иметь детей. При его сыне Карле VII появилась удивительная личность, которая до сих пор не перестает провоцировать актрис и даже актеров (впрочем, только русских), подстрекая их на подвиг; это — Жанна д'Арк.

Франция находилась на краю гибели, а Жанна д'Арк сидела под дубом. Но она там никого не судила, а только мечтала. Город Орлеан был осажден англичанами, и покойная Благочестивая Екатерина и Маргарита, следившая за внешней политикой, четыре года подряд толковали Жанне, что они помогут ей спасти Францию — по два года на каждую покойницу. Но родители Жанны и слышать не

Жанна д'Арк.

хотели, чтобы дочь в подобном обществе пошла на Орлеан. Это были люди невежественные, не читавшие истории и потому не знавшие, чем закончится этот поход. Наконец покойные благочестивицы так пристали к Жанне, что она без спроса ушла к парикмахеру. Это был добрый человек и патриот. Он в долг отрезал ей волосы и даже достал ей мужское платье. Впрочем, прекрасные волосы Жанны он потом с выгодой продал одной немолодой даме, нуждавшейся в накладке.

Жанна отправилась в замок Шинон, где в то время находился король. Она просила вверить ей отряд. Но двор, вместо того чтобы немедленно удовлетворить ее просьбу, стал донимать ее экзаменом по богословию. Бедная девушка, как выяснилось, больше всего в жизни терпела от экзаменов. Часть епископов и бо-

гословов уже готовы были назначить ей переэкзаменовку иа осень, но король сжалился над Жанной и дал отряд воинов.

Жанна с белым знаменем в руке пробралась в Орлеан, воодушевила французов, и англичане былн отбнты. По этому поводу даже написаны стихи, которые все хвалят и ннкто не читает.

Жанна счнтала свою миссню оконченной. Боясь возможности повторения экзаменов, она хотела удалиться в деревню. Но по настоянию короля осталась в войске. Это был очень неосторожный шаг. Начались неудачи. Она повела войско на Париж, но нападение было неудачно, она была ранена и попалась в руки англичан. Здесь оправдалнсь ее самые мрачные предчувствия: ее действительно стали экзаменовать!

— Любит ли праведная Маргарита англнчан? А праведная Екатернна? А господь бог?

Бедную Жанну д'Арк срезали! О переэкзаменовке не могло быть и речи. Англичане решили сжечь ее на площади. Но ее смерть повреднла англичанам больше, чем ее жнзнь. Французы, н без того ненавидевшне своих врагов, понатужились и сталн их еще больше ненавидеть. Борьба продолжалась до 1456 года и окончилась изгнанием англнчан из Францин.

Карл VII, герой, о судьбе которого заботились давно умершие праведницы Екатерина и Маргарита, тот, ради которого Жанна д'Арк пожертвовала свонмн волосами и жнзнью, оказался самым обыкновенным, заурядным, толстым, вялым н ленивым человеком. Он скоро сообразил, что ждать каждый раз помощи от

Людовик XI.

праведниц не совсем благоразумно, а лучше завести собственное постоянное войско. Увы, с первого же дня своего существования это регулярное войско стало называться «жандармами»! Вот какие неожиданные последствия имел романтический подвиг прекрасной Жанны д'Арк!

Сын этого первого шефа жандармов, Людовик XI, был большой оригинал. К феода-

лам он испытывал нечто вроде идиосинкразии, преследуя их где и как мог. Смирнейших из них он не подпускал ко двору. Его лучшими друзьями были цирюльник и палач. В последние годы жизни он превратился в маньяка. Жил среди болот и лесов в укрепленном замке, занимаясь тем, что мучился угрызениями совести. Ему мерещились заговоры и бунты. Он держал целую армию шпионов, и азефы того времени хорошо наживались. Чтобы скрыть свое болезненное состояние, он посылал покупать дорогих собак, львов и коней: пусть-де говорят, что король интересуется охотой. При нем состояли какие-то подозрительные астрологи, спириты, маги... Однако при нем же впервые завелась правильная почта, он заботился о судопроизводстве и о шоссейных дорогах, почему-то сближая эти два понятия.

Между тем в Англии вспыхнули жестокие междоусобия; причиной этому было то, что у одной стороны воюющих в гербе находилась алая роза, а у другой — белая. Война Алой и Белой розы имела целью уменьшить число представителей королевского дома и феодального дворянства, а уцелевших — разорить. Цель эта, после долгих эволюций, была блестяще достигнута. Особенно много пришлось повозиться с добродушным королем Генрихом VI. Его добродушие и незлобивость были так велики, что он не обижался, когда его свергали с престола. Он только отряхивался и опять усаживался на троне. Ему никак не могли втолковать, что в порядочной истории так не поступают, и его друг, граф Варвик, недо-

уменно пожимая плечами, возвращал ему корону Англии. Этот Варвик вообще занимался тем, что приискивал короны желающим, за что его прозвали «делатель королей». Он даже готовился заказать особую вывеску, на которой был изображен господин в королевском одеянии с двумя розами в руках — белой и алой — и внизу подпись: «Сих дел мастер. Вход рядом, через акушерку».

Но вывеска эта не увидела света, так как граф был убит, сражаясь за одного из своих протеже.

Борьба шотландцев с англичанами за свою независимость происходила мелким шрифтом и имела непосредственной целью дать материал одному английскому драматургу, который по мнению таких авторитетов, как Лев Толстой и Бернард Шоу, лишен был всякого дарования. Драматург этот писал стихами, но не имел никакой фантазии, и поэтому английские и шотландские короли и полководцы Ричард II, Ричард III, Макбет и другие должны были прийти ему на помощь. Полагают, что этого драматурга звали Вильям Шекспир. В русских провинциальных театрах его почтительно называют Василий Иванович[20] и в бенефис заезжего трагика любознательная публика его громко вызывает.

ГЕРМАНИЯ ВО ВРЕМЯ ГАБСБУРГОВ И ЛЮКСЕМБУРГОВ

Когда прекратилась династия Гогенштауфенов, в Германии настало время междуцарствия. В эту смутную эпоху у князей была

тенденция выбирать королей — гастролеров. Таковы английский принц Ричард и кастильский король Альфонс X. Эти гастролеры только носили титул, а в Германию почти не являлись. Силой гнать их туда было неловко; и если взглянуть по-человечески, оии по-своему были правы. В Германии жилось невесело. Бароны и рыцари грабили по дорогам купеческие обозы, захватывали проезжающих и требовали выкупа. Правосудия искать было не у кого: оно, как и короли, было в безвестном отсутствии. Его даже не было под дубом. Возник совершенно своеобразный вид судопроизводства — тайные судилища. Рыцари собирались вместе в каком-нибудь подземелье и с масками на лицах составляли приговоры — большей частью заочные.

— Кто ты, прекрасная маска?

— Прокурор. А ты, прекрасная маска?

— Палач.

— Палач? Я не узнал тебя.

Около трехсот лет существовали эти суды, да и теперь еще, хотя маски сняты, в некоторых диких странах продолжаются подобные суды.

Вначале это еще было очень весело, полагает Иловайский, потому что пишет: «Смуты междуцарствия наскучили князьям». Повеселившись вдоволь, князья решили выбирать из своей среды какого-нибудь захудалого правителя. Кандидат должен был быть не очень умен, в меру справедлив и в меру набожен. Таковой нашелся в лице Рудольфа Габсбургского. Однако, вступив на престол, он стал более справедлнв, чем это от него требовалось: преследовал хищных рыцарей, наказывал за

убийства и грабежи, разрушал гнезда разбойников. Все это вызывало вполне понятное удивление и ропот. Богемский король Отокар, считая подобный образ действия несовместимым с достоинством правителя, поднял на Рудольфа оружие. Но был побежден, и его земли — герцогство Австрия, Штирия и Крайна — перешли к сыновьям страшного императора.

Габсбурги, как и Капетинги во Фраиции, решили во что бы то ни стало сделать карьеру на троне. Они ие раздавали своей земли, а исподволь собирали ее. Но при сыие Рудольфа Альбрехте I пришлось вписать в пассив Швейцарию.

Швейцария в древности иазывалась Гельвеция и, судя по последующим событиям, была богата яблоками. Ее населял храбрый пастушеский народ, который умел исковеркать любой язык так, что его никто уже не мог понять. В средние века Швейцария входила в состав Германии. Три лесных кантона: Швиц, Ури и Унтервальден, лежащие вокруг прекрасного Фирвальдштедского озера, сохраняли свою независимость. Альберт I вздумал подчинить их. Тогда вспыхнуло восстание. Уполномоченные от каждого кантона глубокой ночью собрались на горе Рили, где заключили клятвенный союз общими силами отстоять свободу и родные яблоки. Немецкий писатель Шиллер написал по этому поводу прекрасную драму, а благодарные потомки швейцарцев в увековечение события построили на этом месте гостиницу.

Далее события шли со сценической быстро-

той. Злой Фогт Гесслер велел на площади Альторфа поставить шест и повесить на нем старую шляпу австрийского герцога: все проходившие должны были ей кланяться. Но крестьянин Вильгельм Телль, имея двоих детей и жену, не поклонился. Его схватили, и в наказание он должен был стрелять в яблоко, положенное на голову его сына. Телль попал в яблоко, но сообщил, что если бы не попал, то следующей стрелой пронзил бы самого Гесслера. Никто, собственно, не тянул его за язык. За эти слова его заковали и повели с собой. А на том месте, где он стрелял в сына, построили гостиницу.

Вильгельма Телля посадили в лодку, и по дороге началась буря. Его расковали, чтобы дать возможность править лодкой. Но Телль—не будь дураком—выскочил на берег и скрылся. Теперь на этом месте гостиница. Через некоторое время он подстерег Гесслера и убил его стрелой. Теперь там гостиница.

Через несколько лет сильное австрийское войско явилось в Швейцарию, но их встретили камнями, алебардами и, вероятно, гнилыми яблоками. Долго и упорно пришлось бороться швейцарцам и выказывать чудеса храбрости. Поэтому не надо удивляться тому, что в Швейцарии теперь так много гостиниц, и часто скверных. Они выказали себя превосходными защитниками своей свободы и потому, впоследствии, стали одалживаться для защиты уже чужой свободы. Эти подряды на защиту свободы они исполняли храбро и выгодно.

Чтобы ввести в жизнь двора некоторое разнообразие, князья стали выбирать императо-

ров из других фамилий. Особенно хороших правителей поставлял Люксембургский дом. Карл IV из этого дома основал в Праге первый германскнй уннверситет. Кроме того, он особой золотой буллой определнл, в каком порядке должны избираться правители. Но как от них освобождаться, он не пояснил. Впрочем, руководством его ныне инкто ие пользуется.

При Сигизмуиде имело место так называемое гуситское двнжение, порожденное велнким расколом в католнческой церкви. Эту эпоху раскола можно смело назвать «эпохой перепроизводства пап». Пап оказалось гораздо больше, чем требовалось для этого случая. Один папа сндел в Авнньоне, другой в Риме, а третий папа пока что гастролировал в провннции, в Пизе. Еслн припомннть, что папам, как и всему духовенству,* было предписано безбрачие, то надо прийти к заключению, что папы в эту смутную эпоху появлялись нменно вегетативным путем.

Против подобного способа, а также против многого другого восстал Ян Гус, профессор богословия Пражского университета. За Гусом пошли преимущественно чешские профессора и студенты. Немецкие же студенты в количестве 5000 ушли из Праги. Таковы были первые студенческие беспорядки в молодом университете. Некоторые нсторики полагают, что если бы в это время правнтельство энергнчно взялось за лнквидацню студенческнх беспо-

---

* Епископ Генрих фон Люттих оставил после себя более шестидесяти детей (см. рис. стр. 106).

рядков, то никакого гуситского движения не было бы и все уладилось бы домашним способом. Трудно сказать, насколько они правы, но Гус, между прочим, был сожжен.

Чтобы прекратить противоестественное и нежелательное увеличение пап, был созван Констанцский собор. Но собор этот дал самые неожиданные результаты: появился четвертый папа. Дело начинало не на шутку беспокоить Европу. Стали подозревать какое-то колдовство и ересь. Подозрение пало на Яна Гуса, и ученые мужья потребовали его в Констанцу. Он получил охранную грамоту от императора, в которой тот ручался за его безопасность. Увы, бедный профессор еще не знал, что его так бессовестно подведут... Гуса и его сочинения решено было сжечь. После этого размножение пап действительно прекратилось.

Но зато Чехия, взволнованная мученической смертью Гуса, поднялась на немцев. Предводителем восстания явился Ян Жижка, жестокий, смелый старик. В каждом сражении — рассказывает история — он терял по глазу, а таких сражений было множество. С большим трудом Сигизмунду удалось восстановить спокойствие в Богемии.

Люксембургский дом прекратился, и на престоле вскоре очутился представитель Габсбургов — Фридрих III. Это было апатичнейшее существо, совершенно не интересовавшееся тем, что происходило в стране. Спокойная семейная жизнь и кружка доброго пива вполне его удовлетворяли. Ему говорили:

— Послушайте, от вас отложились чехи!

— А? Что? Да, я слышал.

— От вас отложились венгры!

— Слышал... слышал, — бормотал апатичный император. — Не хотите ли кружку?

— Послушайте, от вас...

— Да отстаньте! Как вам не надоест?

Его сын Максимилиан I считался «последним рыцарем». Кроме того, он был превосходнейшим сватом, выгодно пристроив всех своих родственников. Если бы он издавал «Брачную газету», то имел бы несомненный успех и, конечно, не раз был бы оштрафован. Он учредил особое бюро, где решались взаимные распри немецких областей. Бюро это носило название «Рейхскаммергерихт», или «Верховный императорский суд». Вначале бюро это посещалось неохотно, но потом дела поправились и бюро процветало.

ИТАЛИЯ И ИСПАНИЯ. ПАДЕНИЕ ВИЗАНТИИ

1. Италия раздробилась на многие владения, причем политическое устройство их было так разнообразно, что можно думать, будто человечество здесь делало ряд социальных опытов: от монархии переходили к вольным городам, к республикам демократическим, аристократическим и чуть ли не к анархическим коммунам. Почему именно в таком-то городе учреждалась монархия, а в другом республика, а не наоборот, — никто не мог сказать. Некоторые историки предполагают, что здесь была устроена особая лотерея.

Городу Милану по этой лотерее досталась аристократическая республика, причем городской императорский наместник волею судеб

превратился в республиканца. Но богатые миланские фамилии то и дело захватывали власть над республикой. Некий юноша Франческо Сфорца, обладая красивой внешностью, решил сделаться предком, а именно — родоначальником новой герцогской фамилии. Это рискованное предприятие ему удалось, и с той поры в истории появилась фамилия Сфорца.

Между тосканскими республиками возвысилась Флоренция. Здесь укрепилась, так сказать, перемежающаяся республика, то есть правление было то в руках демократии, то аристократии. В XII веке правительственный совет был составлен из представителей торговых и ремесленных цехов. Дворяне вели себя плохо, но, убедившись, что дурным поведением они ничего не достигнут, стали вести себя хорошо и швырять деньгами во все стороны. Последнее обстоятельство очень понравилось народу, и некий Кузьма, глава банкирского дома Медичи и К°, сделался полновластным лицом в республике. Он, как и Франческо Сфорца, также стремился стать предком и для этой цели распорядился возродить науки и искусства. Особенно хорошо возродились искусства, так что до сих пор эпоха Медичи вызывает в потомках справедливую и благородную зависть. Разумеется, дело не обошлось без заговоров, но, по мнению Иловайского, заговоры эти ясно доказывали, что в каждой республиканской стране народное большинство всегда на стороне монархии. Имеет ли это положение обратную силу, неизвестно.

Два важнейших города северной Италии —

Венеция и Генуя — сохранили у себя республику и больше нуждались в потомках, чем в предках. Вообще можно взять за правило: монархия жива предками, а республика — потомками. В конституционных же странах — смесь того и другого.

Венеция своим происхождением обязана Аттиле: жители, спасаясь от этого хищника, бежали на низменные песчаные острова лагун Адриатического моря, и здесь мало-помалу образовался народ. Управлением заведовал Верховный Совет. Чтобы попасть в него, надо было предварительно быть записанным в золотую книгу. А в золотую книгу вносились только члены Верховного Совета. «Вот тут и вертись», — как говорит Медведенко в «Чайке». За тишиной улиц никто не наблюдал, потому что улиц не было. Но за политическим спокойствием, или, как теперь выражаются, за «внутренними врагами», имел наблюдение «Совет десяти», который, по остроумной догадке историков, большей частью состоял из десяти человек. Это было тайное судилище, облеченное неограниченной властью. Человек, заподозренный в политической неблагонадежности, вдруг исчезал неизвестно куда и о нем даже не смели расспрашивать. Следует заметить, что тогда политической неблагонадежностью считалось приверженство к монархизму, между тем как теперь... Так меняются времена!

Генуя была постоянной соперницей Венеции и не раз с ней ссорилась. Но Генуя не имела такого решительного правительства и в вопросе, что лучше — монархия или республика,

часто колебалась. Поэтому бог скоро наказал ее.

2. Пиренейский полуостров в VIII веке был покорен маврами. Но, поселившись в Испании, они скоро потеряли свою воинственность и стали заниматься торговлею. Полагают, что многие из них уже тогда ходили по дворам и кричали: «Халат! Халат!» Это было апогеем развития испанского халифата. После этого пресеклась династия Омайядов и халифат раздробился на мелкие государства: Гренада, Севилья, Валенсия и др. Отчасти об этом событии повествует известное стихотворение в знаменательных строчках: «От Севильи до Гренады в темном сумраке ночей». Эти строки интересующиеся могут услышать на любом благотворительном концерте в Петербурге.

Это раздробление было сделано историей для того, чтобы облегчить христианам* борьбу с маврами. И действительно, арабские владения одни за другими стали переходить в руки христианских государей. Самую решительную войну с маврами вели кастильцы: из рыцарей в этой борьбе прославился Родриго Диас, более известный под псевдонимом Сид. Сид — любимый герой испанских песен, и большую ошибку делают те, кто путает Сид и «сидр».

Король арагонский Фердинанд II, прозванный Католиком, вступил в брак с наследницей кастильской короны Изабеллой. Этим было

---

* К сожалению, они были католиками (примечание за Иловайского).

положено основание Испанскому королевству. Фердинанд взял Гренаду — последний оплот мусульманских владений. Великолепный город был предан разграблению.

Фердинанд спал и видел единую нераздельную монархию. Эта мрачная фигура средневековья смотрела на религию как на обязательное полицейское постановление, а на духовенство как на жандармов. Папа же, по понятию этого благочестивого и богобоязненного короля-католика, должен был представлять нечто среднее между обер-прокурором и шефом жандармов. По желанию Фердинанда папа учредил инквизицию, то есть высшее духовное судилище, которое имело целью, во-первых, славить бога, а во-вторых, преследовать еретиков и отступников. От святой инквизиции особенно жестоко страдали мавры и евреи. Евреев почтенный Иловайский рассматривает в одной главе с торговыми путями, вероятно полагая, что это тоже нечто вроде дорог или водяного сообщения. Но евреи были не дороги, а особый народ, который при любом обороте колеса истории всегда являлся страдательным лицом.

Святая инквизиция, зажигая костры во имя славы божией, не делала для евреев никаких ограничений, и идея католичества совершенно одинаково утверждалась пеплом сожженных мавров, евреев и христиан — политических врагов Фердинанда.

Этот благочестивый монарх, к слову сказать, умер ужасной смертью: его живьем заели вши.

3. Между тем дни Византии были уже сосчитаны. Надо полагать, что история очень считалась с Византией, уважая и высоко ставя ее заслуги, ибо для того, чтобы с нею покончить, судьба выбрала очень сложную систему.

Началось это издалека, еще при Чингисхане. Одна турецкая орда покинула свои кочевья в Хорасане (северо-восточная часть Персии) и перешла на запад, в Армению. По имени своего предводителя Османа эти турки впоследствии стали называться османскими. Тогда еще никто не понимал, для чего это делается, это было, так сказать, первым предостережением. Турки, вероятно посвященные в хитрый план исторической судьбы народов, стали уверенно завоевывать малоазийские провинции Византии. При Баязете I Византия уже готовилась к смерти, ибо он, опустошив Сербию, шел на Константинополь. Но успехи Баязета неожиданно были остановлены совершенно новым монгольским завоевателем — Тамерланом. Вычислено — и с достаточной точностью, — что вследствие удара, нанесенного Тамерланом Турецкому государству, христианский Константинополь просуществовал лишних ровно пятьдесят лет. В этом опять-таки нельзя не видеть проявления особого внимания истории к заслугам византийских царей.

Тамерлан по справедливости считается архистрашилищем. Во-первых, он родился с куском запекшейся крови в руках, а во-вторых, с седыми волосами, как у нынешнего К. С. Станиславского. Но этот архиварвар

(не Станиславский, а Тамерлан) питал уважение к ученым людям и щадил памятники культуры. В Малой Азии при Ангоре он разбил турок, Баязет был захвачен в плен, где и умер. Скоро умер и Тамерлан, готовясь к походу в Китай. В диких монотонных песнях кочующих монголов еще можно услышать воспоминания о былой славе давно угасших времен.

Но отсчитанные льготные пятьдесят лет подходили к концу. Царствование преемников Михаила Палеолога на византийском троне было эпохою постепенного падения Византии. Наступали последние дни; дошло до того, что Палеологи соглашались — о ужас! — на подчинение греческой церкви папе, только бы тот помог им. Но папа, прежде чем прислать помощь против турок, стал бесконечно рассказывать о чистилище, о рае, апостолах... Все это, конечно, было очень интересно, но не теперь, когда турки стояли под самым Константинополем. Иоанн VI, почти не торгуясь, согласился, что латинские святые были святее греческих и что апостол Петр был рожден католиком. В подтверждение этого был составлен протокол под именем Флорентийской унии. Но греческий народ не согласился с протоколом, и это произведение страха и трусости позорно провалилось.

Последним византийским императором был Константин XI Палеолог. Империя тогда достигла минимальных размеров, некоторые острова и небольшие византийские владения в Пелопоннесе управлялись братьями им-

ператора, которые носили необыкновенно мягкий титул — «деспотов», но это была не характеристика их, а занятие.

Магомет II решил, не дожидаясь окончания спора о рае и чистилище, покончить с Константинополем. Двухсоттысячное войско осадило столицу. Генуэзцы и венециане, желая выказать свое сочувствие, прислали на помощь Византии несколько галер. По сравнению с превосходящими силами неприятеля это было не более как красивый жест. Вход в константинопольскую гавань — Золотой Рог — был заперт железными цепями, и турецкие суда не могли проникнуть в нее. Султан велел перетащить их сухим путем по доскам, намазанным свиным салом, хотя как магометанин чувствовал инстинктивное отвращение к свинине. Город был взят. Константин, сражаясь как простой солдат, был убит. Его голову выставили на высоком шесте. Три дня продолжались грабежи, причем турки обнаружили себя совершенными профанами в области искусства: разбили множество статуй и уничтожили ценные картины и украшения. Это, во всяком случае, чести им не делало. Софийский собор был обращен в мечеть, и на место креста был водворен полумесяц...

Чехи, литовцы, поляки, болгары и сербы спешно доканчивали свою среднюю историю, потому что средние века уже подходили к концу и было известно, что, как только откроют Америку, сейчас начнутся новые века, а ждать никого не будут.

И действительно, уже приближались новые

века с новыми идеями и новыми богами, которые для своего утверждения требовали совершенно новых потоков крови.

А прежняя кровь, океанами пролитая в честь старых или, правильнее сказать, средних богов, давным давно высохла, и про нее вспоминали только в учебниках, составленных для лиц младшего возраста.

НОВАЯ ИСТОРИЯ

ВВЕДЕНИЕ

История средних веков постепенно и незаметно переходила в «новую историю». Различие между этими двумя периодами заключается в том, что человечество, покончив со средними веками, сразу как-то поумнело и, устыдившись своей средневековой дикости, поспешило сделать ряд шагов, которым нельзя отказать в сообразительности и здравом смысле.

В средние века поступательное развитие культуры измерялось лишь количеством сожженных на площадях колдунов да опытами над превращением живых людей в кошек, волков и собак (опытами, принесшими ученым того времени полное разочарование). Новая история пошла по другому, более просвещенному пути. Правда, колдунов на кострах все еще продолжали сжигать, но делали это уже безо всякого одушевления и подъема, с единственной целью заполнить хоть какимнибудь развлечением зияющую пустоту пробуждающегося ума и души.

Таким образом, великие люди, положившие своим гением начало «новой истории»,

имели уже благодарную почву в жаждущих чего-то нового душах простых людей... Изобретатели и открыватели могли уже начать свое дело без жгучего риска быть сожженными на приветливых огнях костров во славу божию.

Человечество сделалось сразу таким культурным, что ни Гуттенберг, ни Колумб не были зажарены на костре: первый скончался просто от голодухи и бедности, второй — от тяжести тюремных оков, в которые заключил его удивленный его открытиями король Фердинанд.

В религиозных верованиях тоже пошла коренная ломка: как из мешка посыпались разные реформаторы, протестанты, Эразмы Роттердамские и Мартины Лютеры.

Монахи были в большой моде, а один из них — Бертольд Шварц — ухитрился даже выдумать порох, что не удавалось до него даже самым интеллигентным людям того времени.

Таким образом, при веселом грохоте пушек, скрипении печатных станков и воплях новооткрытых краснокожих человечество вступило в период «Новой Истории»!

ЭПОХА ИЗОБРЕТЕНИЙ, ОТКРЫТИЙ И ЗАВОЕВАНИЙ

1. КНИГОПЕЧАТАНИЕ И БУМАГА

Раньше, до изобретения книгопечатания, люди писали черт знает на чем: на коже животных, листьях, кирпичах — одним словом, на первом, что подвертывалось под руку.

Сношения между людьми были очень затруднительны... Для того чтобы возлюбленный мог изложить как следует предмету своей любви волнующие его чувства, ему приходилось отправлять ей целую подводу кирпичей. Прочесть написанное представляло такую тяжелую неблагодарную работу, что терпение девицы лопалось и она на десятом кирпиче выходила замуж за другого.

Кожа животных (пергамент) тоже была неудобна, главным образом своей дороговизною. Если один приятель просил у другого письменно на пергаменте взаймы до послезавтра сумму в два-три золотых, то он тратил на эту просьбу всю полученную заимообразно сумму, так как стоимость пергамента поглощала заем. Отношения портились, и происходили частые драки и войны, что ожесточало нравы.

Таким образом, можно с полным основанием сказать, что появление на рынке тряпичной бумаги смягчило нравы.

Первыми, кто научил европейцев делать бумагу, были — как это ни удивительно — арабы, народ, прославившийся то дого лишь черным цветом лица и необузданным, лишенным логики поведением.

Кстати, у арабов же европейцы позаимствовались и другой очень остроумной штукой — арабскими цифрами. До этого позаимствования в ходу были лишь римские цифры, очень неудобные и громоздкие. Способ начертания их был насколько прост, настолько же и неуклюж. Если нужно было написать цифру один, писали I, два — II, три —

III и так далее, по величине цифры количество палочек. Оперирование с однозначными цифрами еще не представляло затруднений... Но двухзначные и трехзначиые занимали целую страницу единиц, и, чтобы сосчитать их, приходилось тратить непроизводительио уйму времени. А цифру «миллион» и совсем нельзя было написать: она заиимала место, равное расстоянию от Парижа до Марселя.

Таким образом, ясно, какое громадиое значение для культуры и торговлн имели арабские цифры, н можно вообразить, как гордилнсь своей выдумкой арабы, задирая кверху свон черные, сожженные солнцем носы...

Книгопечатание на первых порах стояло на самой жалкой низкой ступени. Если бы Иоганна Гуттенберга, изобретателя книгопечатання, привести теперь в самую ординарную типографию, печатающую свадебные приглашения и меню, и показать ему обыкновенную типографскую машину, он ничего бы в ней не поиял и, пожалуй, выразил бы желание «покататься» иа маховом колесе.

Во времена Гуттенберга печатали книги так: на деревянной доске вырезывали выпуклые буквы, намазывали черной краской и, положив на бумагу доску, садились на нее в роли подвижного эиергичного пресса. От тяжести типографа н зависела чистота и четкость печати.

Вся заслуга Гуттенберга заключалась в том, что он напал на мысль вырезывать каждую букву отдельно и уже из этих подвижиых букв складывать слова для печати. Кажется,

Типограф играл роль пресса при книгопечатании.

мысль пустяковая, а не приди она в голову Гуттенбергу, книгопечатание застряло бы на деревянных досках и человечество до сих пор сидело бы в каком-нибудь семнадцатом веке, не догадываясь о причине своей отсталости. Ужас!

Будучи сообразительным человеком по части книгопечатания, Гуттенберг в жизни был сущим ребенком, и его не обманывал и не обсчитывал только ленивый... История говорит, что он вошел в компанию с каким-то золотых дел мастером Фаустом. Тот типографию забрал себе, а Гуттенберга прогнал. Гуттенберг опять нашел какого-то, как гласит история, «очень богатого отзывчивого человека». Отзывчивый человек тоже присвоил

себе типографию, а Гуттенберга прогнал. В это время нашелся еще более отзывчивый человек — архиепископ майнцский Адольф. Он принял Гуттенберга к себе, но не платил ему ни копейки жалованья, так что Гуттенберг избавился от голодной смерти только поспешным бегством. Так до конца жизни Гуттенберг бродил от одного мошенника к другому, пока не умер в бедности.

2. МАГНИТНАЯ СТРЕЛКА

Что касается другого важного изобретения в истории человеческой культуры — магнитной стрелки, — то пишущий эти строки так и не добился толку: кем же, в сущности, магнитная стрелка выдумана?

По одним источникам, ее изобрел какой-то Флавио Джойо из Амальфи, по другим — она была известна еще во времена крестовых походов.

Вот и разберись тут.

На всякий случай Джойо соотечественники поставили памятник, и так как патент на эту остроумную выдумку (не на памятник, а на магнит) никем не заявлен, то магнитные стрелки теперь может изготовлять всякий, кому придет охота.

По мнению пишущего эти строки, все-таки для историков остался один путь, с помощью которого можно легко проверить, изобрел ли магнитную стрелку действительно Флавио Джойо.

Стоит только выяснить — умер ли он в нищете? Если это так, значит, он и изобрел компас.

Примеры Гуттенберга, Колумба и других в достаточной мере подтверждают это правило.

3. ПОРОХ

Не менее загадочна история с изобретением пороха. Молва приписывает эту заслугу монаху Бертольду Шварцу, но так как нет данных, свидетельствующих о том, что он умер в нищете, то и причастность Шварца к делу «об изобретении пороха» довольно сомнительна.

Предлагаем читателю на выбор: Бертольда Шварца или еще одного монаха, Роджера Бэкона, которому приписывалось изобретение пороха еще в XIII веке. О последнем в истории сказано: «...Он умел составлять порох, заподозрен в ереси, подвергся преследованию и умер в тюрьме».

Это показывает, что уже и в те времена всеми сознавалась разрушительная сила пороха и против нее принимались радикальные меры.

Изобретение пороха произвело коренной переворот в военном искусстве.

Раньше опытные, закаленные в боях воины поступали так: заковывали себя с ног до головы в железо, вскарабкивались с помощью слуг на лошадь и бросались в битву. Враги наскакивали на такого воина, рубили его саблями, кололи ножами, а он сидел как ни в чем не бывало и иронически поглядывал на врагов. Если его стаскивали за ногу с лошади, он и тут не терялся: лежал себе на земле и иронически поглядывал на врагов.

Те долго и тщетно хлопотали вокруг этой гигантской замкнутой устрицы, не зная, как открыть ее, как достать из-под железа хоть кусочек живого человеческого мяса... Провозившись бесплодно несколько часов над рыцарем, враги почесывали затылок и, выругавшись, бросались на других врагов, а к победителю приближались верные слуги и снова втаскивали его на коня.

Так и возили это бронированное чучело с места на место, пока враги не обламывали об него свое холодное оружие и не сдавались в плен.

С изобретением пороха дела храбрых замкнутых рыцарей совсем пришли в упадок. Стоило стащить такого рыцаря с лошади и подложить под него фунта два пороху, как он сейчас же размыкался, разлетался на части и приходил в совершенную негодность.

Таким образом, изобретение пороха повело к упразднению личной храбрости и силы. Военное дело было реорганизовано, появились ружья, пушки, укрепленные города затрещали, а дикари, незнакомые с употреблением огнестрельного оружия, впали в совершенное уныние. Европейцы их били, колотили и презирали на том основании, что они: пороху не выдумали!

4. ОТКРЫТИЕ АМЕРИКИ

Очевидцы утверждают, что Америка была открыта Христофором Колумбом, прославившимся кроме того своей силой и сообразительностью: во время диспута с учеными Колумб в доказательство шарообразности

земли раздавил на глазах присутствующих — без всяких приспособлений — куриное яйцо. Все ахнули и поверили Колумбу.

Разрешение на открытие Америки Колумб получил условно, то есть в договоре правительства с Колумбом было сказано буквально так: «Мы, Фердинанд Арагонский с одной стороны и Христофор Колумб с другой, заключили настоящий договор в том, что я, Фердинанд, обязуюсь дать ему, Колумбу, денежные средства и корабли, а он, Колумб, обязуется сесть на эти корабли и плыть куда придется. Кроме того, упомянутый Колумб обязуется наткнуться на первую подвернувшуюся ему землю и открыть ее, за что он получает наместничество и десятую часть доходов с открытых земель».

Относясь чрезвычайно почтительно к памяти талантливого Колумба, мы тем не менее считаем себя обязанными осветить эту личность с совершенно новой стороны, непохожей на ту, которая была создана исторической рутиной.

Вот что мы утверждаем:

1) выезжая впервые из гавани Палоса (в Испании), Колумб думал только об отыскании морского пути в Индию, не помышляя даже об открытии какой-то там Америки. Так что тут никакой заслуги с его стороны и не было;

2) во-вторых, никакой Америки даже нельзя было и «открыть», потому что она уже была открыта в X веке скандинавскими мореходами;

3) и, в-третьих, если бы даже скандинавские

мореходы не забежали вперед, Колумб все равно никакой Америки не открывал. Пусть проследят читатели все его поведение в деле «открытия Америки». Он плыл, плыл по океану, пока один матрос не закричал во все горло: «Земля!» Вот кто и должен был бы по-настоящему считаться открывателем Америки — этот честный, незаметный труженик, этот серый герой... А Колумб оттер его, выдвинулся вперед, напялил адмиральский мундир, вылез на берег, утер лоб носовым фуляровым платком и облегченно вздохнул:

— Ффу! Наконец-то я открыл Америку!

Многие будут спорить с нами в этом пункте, многие отвергнут нашего матроса... Хорошо-с. Но у нас есть и другое возражение: в первый свой приезд Колумб никакой Америки не открывал. Вот что он сделал: наткнулся на остров Сан-Сальвадор (Гванагани), вызвал в туземцах удивление и уехал. Едучи, наткнулся на другой остров — Кубу, высадился, вызвал в туземцах удивление и уехал. Сейчас же наткнулся на третий остров, Гаити, по своей, уже укоренившейся, привычке высадился, вызвал в туземцах удивление и уехал домой, в Испанию. Спрашивается, где же здесь открытие нового материка, если тщеславный моряк повертелся среди трех островов, вызвал в туземцах удивление и уехал?

Наш скептицизм разделялся многими даже в то время. По крайней мере, когда Колумб вернулся в Испанию и сообщил о своем открытии, некоторые просвещенные люди, знавшие о посещении скандинавами новой

страны еще в X веке, пожимали плечами и, смеясь, язвили Колумба:

— Тоже! Открыл Америку!

С тех пор эта фраза и приобрела определенный смысл иронии и насмешки над людьми, сообщавшими с торжественным видом об общеизвестных фактах.

Что можно поставить Колумбу в заслугу — это его умение производить на туземцев впечатление и вызывать в них искреннее удивление. Правда, нужно признаться, что удивлялись обе стороны: красные индейцы при первой встрече с диким видом рассматривали белых европейцев, а белые европейцы с ошеломленными лицами глядели на красиых безбородых людей, у которых вся одежда состояла из собственного скальпа, лихо сдвинутого набекрень.

Налюбовавшись в достаточной мере друг на друга, белые и красные приступили к торгу. Обе расы искренне считали друг друга круглыми дураками.

Белые удивлялись втихомолку:

— И что за идиоты эти дикари! Золотые серьги, кольца и целые слитки они отдают в обмен на грошовое зеркальце или десяток разноцветных стеклянных бус.

А дикари тоже тихонько подталкивали друг друга локтями, хихикали и качали головами с самым безнадежным видом:

— Эти белые смешат нас до упаду своей глупостью: за простой желтый кусочек, величиной не более кулака, они отдают целое неразбитое зеркало или целый аршин красного великолепного кумача!

Открытие Америки и меновая торговля.

С последующими посещениями Колумбом Америки меновая торговля росла и развивалась.

Испанцы привезли индейцам ножи, ружья, порох, рабство и склонность к грабежам и пьянству.

Благодарные индейцы отдарили их картофелем, табаком и сифилисом.

Обе стороны поквитались, и никто не мог упрекнуть друг друга в отсутствии щедрости: ни Европа, ни Америка.

После третьего плавания в Америку Колумб стал уже подумывать о тихой спокойной жизни без тревог и приключений. В этом ему пришел на помощь сам испанский король Фердинанд: он заковал Колумба в цепи и посадил в тюрьму. Так как в то время всех выдающихся чем-либо людей обыкновенно сжигали, то эта королевская милость Колумбу вызвала у последнего много завистников.

Из них в истории известен Кортес, завоевавший Испании Мексику и снискавший у добродушного короля такое же расположение, как Колумб...

5. ЗАВОЕВАНИЕ МЕКСИКИ И ПЕРУ

Завоевание Мексики и Перу считалось в то время очень значительным событием, но совершилось оно не очень просто.

Один храбрый офицер по имени Фердинанд Кортес несколько раз приставал к испанскому королю Карлу с просьбой послать его в какую-нибудь экспедицию. Кортес так надоел королю своим беспокойным характером, что тот однажды послал его к черту.

Придравшись к этому случаю, храбрый Кортес назвал себя посланником короля, взял отряд из 500 человек и явился в Мексику.

Дальнейшее пошло как по маслу: сначала испанцы поубивали многих туземцев, потом туземцы порядочно пощипали испанцев, убив мимоходом в увлечении дракой даже собственного короля Монтесуму. Убедившись, что Монтесума не оживет, племянник его Гватемозин перескочил через мертвого дядю и уселся на престол с видом завзятого короля... Испанцы осадили столицу Мексики, взяли ее приступом, туземцев снова поубивали, а Гватемозина изжарили на угольях, чего он не мог простить победителям до самой смерти.

В то же время завоевательная лихорадка распространилась повсюду: завоевывал туземцев и новые страны всякий, кому было не лень.

Обыкновенно, если несколько друзей собирались за выпивкой, кто-нибудь сейчас же предлагал:

— А что, господа, не завоевать ли нам какую-нибудь страну?

— Ну что ж... можно, — соглашались гуляки, и все немедленно гурьбой ехали к робким запуганным индейцам.

Десяток нахальных развязных завоевателей без труда убеждал многотысячное индейское войско, что для них самое лучшее — покориться.

Почему? — в это никто не входил. И, конечно, индейцам ничего не оставалось, как покоряться. И они покорялись.

Таким образом Писсаро завоевал Перу, а его компаньон по выпивке какой-то Альмагро отбился по пути от компании, заблудился и, наткнувшись на страну Чили, покорил ее один-одинешенек. И страшно-то ему было, и странно, и скучно, да ничего не поделаешь — пришлось покорять.

6. ТОРГОВЛЯ НЕГРАМИ

Открыв Америку, испанцы стали заставлять индейцев работать в рудниках и плантациях. Нежные, не привыкшие к работе индейцы (до сих пор вся их работа сводилась к взаимному сдиранию скальпов, в чем некоторые отличались замечательным проворством и трудоспособностью) умирали как мухи.

Сердце одного доброго человека по имени Лас-Казас разрывалось от жалости к несчастным индейцам. Добрый Лас-Казас стал усиленно хлопотать об освобождении индейцев.

— Какой вы чудак! — возразили ему плантаторы. — Кем же мы их заменим?

— Да африканскими неграми. Очень просто!

Совет был принят к сведению. Его исполняли так рьяно, что вся Африка скоро затрещала и почти опустела.

Освобожденные индейцы все равно вымирали, но теперь к ним присоединились и негры: они тоже вымирали.

Добрый находчивый Лас-Казас особенной популярностью среди негров не пользовался, хотя история навсегда сохранила за ним титул «защитника угнетенных».

Теперь он уже умер.

РАЗДОРЫ И ДРАКИ ИЗ-ЗА ИТАЛИИ И ПРОЧ.

Французские короли, начиная с Карла VIII, давно уже точили зубы на Неаполитанское королевство. Дело в том, что с незапамятных времен в этой стране почему-то королевствовали французы. Гораздо проще было, конечно, если бы на итальянском престоле сидел итальянец, но народы того времени были так простодушны, что не входили в подобные тонкости:

— Сидит себе на престоле какой-то человек, ну и пусть сидит. Лишь бы не драл семи шкур с жителей, а довольствовался двумя-тремя...

Таким образом, однажды на престол сел француз Карл Анжуйский и немедленно сделал вид, что иначе и быть не может. Так тянулось много лет, но однажды какой-то его наследник отлучился на минутку, и этого было

...Но однажды неаполитанский король отлучился куда-то на минутку и, вернувшись, увидел, что на престол уже села Арагонская фамилия.

достаточно, чтобы на престол сейчас же села Арагонская фамилия. Французскому королю Карлу VIII это показалось обидным. Он набрал войско и пошел на Италию; Арагонская фамилия, видя, что дело нешуточное, убежала в Испанию, а неаполитанцы ограничились тем, что лениво осмотрели нового короля и пожали плечами:

— Ну, садись ты. Тот король, правду сказать, был неособенный.

Но французский король оказался еще хуже: он грабил и притеснял неаполитанцев вовсю,

как будто его готовили к этой профессии с детства.

Пришлось изгонять нового короля, возвращать старого.

Эта канитель тянулась довольно долго. Следующий король, Людовик XII, тоже косился на неаполитанский престол и даже заключил с Фердинандом Католиком договор с целью сообща стянуть у Арагонской фамилии этот престол.

Но Фердинаид Католик оказался таким пройдохой, которого свет не производил. При разделе завоеванного неаполитанского королевства он обсчитал Людовика и вступил с ним в драку. Испанцы со стороны подошли, посмотрели на эту драку и потихоньку уселись сами на злосчастный неаполитанский престол.

Неаполитанцы согласились и с этим:

— Испанцы так испанцы.

Во время этих взаимных затрещин и потасовок выдвинулся один французский рыцарь — Баярд. Выдвинулся он своей храбростью и, главным образом, честностью.

Впрочем, выдвинуться последним качеством в то время было легко, так как мошенничество считалось самым обыкновенным делом и сидело даже в королевской крови(см. Иловайского «Новая история»).

Например, Людовик XII упрекал Фердинанда Католика в том, что тот обманул его два раза!

Самолюбивый Фердинанд обиделся, королевская его кровь закипела, и он воскликнул:

— Лжет он, пьяница! Я обманул его не три, а десять раз!

Конечно, Баярду легко было выдвинуться и прославиться при этих условиях... А в наше время был бы он обыкновенным, ординарным порядочным человеком, как мы с вами...

Людовику XII наследовал Франциск I. Жестоко ошибется тот, кто подумает, что Франциск не завоевывал Италии. История даже говорит так: первым делом его был поход на Италию.

До сих пор непонятно, что, собственно, нужно было французским королям от Италии?

Конечно, Франциск взял Милан, конечно, новоиспеченный император германский Карл V сейчас же выгнал его оттуда с целью самому завладеть итальянским престолом. А Франциск снова вернулся в Милан и выгнал Карла. А Карл опять выгнал Франциска, разбил его наголову и захватил в плен.

Ну, хорошо ли все это? Спрашивается, при чем здесь были все время несчастные посторонние итальянцы?

В истории эта неразбериха называется очень громко: «борьба за Италию»!

Подводя итоги «борьбы за Италию», мы удивляемся только одному: как присяжные историки разбираются во всех этих однообразных неинтересных именах. У народов того времени фантазии не было никакой: всякого короля они называли Карлом или Людовиком и разбирали их только по ничего не говорящим римским цифрам позади имени. Изредка давали им прозвища, и то самые нехарактерные: Фердинанд Католик, Филипп Красивый, Карл Испанский.

Что типичного в том, что Фердинанд был католик? А другие короли разве не были католиками? Филипп назывался Красивым. А остальные как же? Были, значит, некрасивыми. Тем более что одного Людовика тоже называли Красивым.

Можно было бы еще разобраться по национальностям, которые указывались около имен, но это было совсем рискованно и очень нескладно. Например, Карл Испанский на самом деле был не испанским, а германским императором. Почему он в таком случае Испанский? Почему Анна Австрийская была на самом деле французской королевой?

И много, много еще странного есть во всеобщей истории...

РЕЛИГИОЗНАЯ ПУТАНИЦА В ГЕРМАНИИ

Начало коренной ломки католичества положили так называемые гуманисты, прямой противоположностью которых являлись так называемые обскуранты.

Для ясности попробуем в двух-трех обыкновенных, понятных словах охарактеризовать тех и других, руководствуясь при этом тем впечатлением, которое осталось у нас после тщательного штудирования эпохи реформации.

Так называемые гуманисты: порядочные, умные, интеллигентные люди, без косности и предрассудков.

Так называемые обскуранты: невежественные глупцы, темные и злые дураки.

Из этих душевных свойств вытекали и поступки тех и других.

Одни писали умные книги, другие сжигали их; одни говорили здравые человеческие слова, другие, возражая им, несли невозможную чушь, так что, по словам летописца того времени: «Уши вянут, когда слушаешь обскуранта».

Правда, гуманисты тоже иногда впадали в ненужную крайность. Каждый гуманист думал, что умнее его никого и нет, и сейчас же выдумывал новое религиозное усовершенствование, проповедовал новую свою собственную (остерегаться подделок!) веру.

Повторилась та же история, что с изобретениями и открытиями: появилась мода на изобретения — все бросились изобретать что попало: книгопечатание, порох, магнитную стрелку... Эту моду сменила другая — открывать. Все лихорадочно ринулись открывать что подвернется под руку, без всякого толку и смысла...

Понаоткрывали разных земель — мода устарела. Уже считалось признаком дурного тона, старомодным провинциализмом —— открыть какую-нибудь новую землю. Проезжая мимо неоткрытых еще земель, мореплаватели делали вид, что не замечают их.

Образовалась в душах пустота — и пустота эта стала заполняться разными вероучениями.

Кажется, достаточно было того, что один умный религиозный человек, так называемый Мартин Лютер, исправил католическую религию, довел ее до простоты, очистил от

многих ошибок и заблуждений. Нет! Появился еще какой-то Цвингли, который перевернул вверх дном всю Швейцарию, доказал, что Лютер — постепеновец[21], обвинил его чуть ли не в октябризме[22] и стал устраивать религию по-своему: запретил церковное пение, свечи и даже велел вынести из церквей все изображения святых.

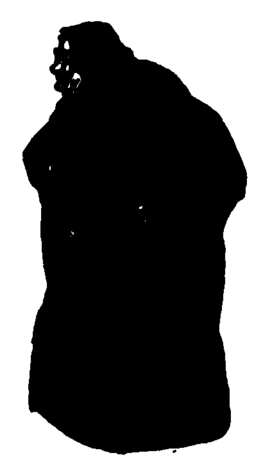
Отсюда и пошла известная швейцарская поговорка: «Хоть святых вон выноси» (1531 г.).

Проповеднику по имени Кальвин не понравился ни Лютер, ни Цвингли. Он потер себе лоб и выдумал новое вероучение, сущность которого заключалась в предопределении. Кальвин утверждал, что люди заранее назначены — одни к вечному спасению, другие к вечной гибели. Конечно, проповедуя это, Кальвин, по своей теории, ничем уже и не рисковал в будущей жизни. Раз ему заранее было назначено то или другое, Кальвин делал в текущей жизни что ему вздумается.

По имени Кальвина его последователи стали называться гугенотами, но даже и этот псевдоним не спас их от истребления (см. оперу «Гугеноты»).

Некоторое время гугеноты под именем пуритан еще держались в Англии (Шотландия), но и там они постепенно вывелись. Теперь среди англичан и днем с огнем не найдешь пуританина — все едят кровавые ростбифы, ходят в кинематограф и даже изредка женятся друг на друге.

Так, по свидетельству беспристрастной



— Сам-то ты хорош, — ответил ему Лютер.

истории, все религии постепенно вырождаются, мельчают и меркнут.

Личность Мартина Лютера. Как и большинство людей его сорта, Мартин Лютер имел «ввалившиеся горящие глаза, вдохновенный вид и говорил убедительно, смело, открыто и горячо».

Так, например, когда профессор Эк вызвал его на религиозный спор, Лютер стойко выдержал Эковы нападки и защищался как лев. Выслушав мнение Лютера о Яне Гусе, Эк сказал:

— С этих пор, достопочтенный отец, будьте вы мне как язычник и мытарь.

— Сам-то ты хорош! — ответил ему Лютер (Шлезенг, II ч., стр. 143), чем этот исторический диспут и закончился.

Покупка индульгенций разбойником.

Спрашивается, какая же причина побудила Лютера принять лютераиство? История отвечает на это: папские индульгенции.

Индульгенциями назывались свидетельства вроде тех, которые теперь выдаются «о прививке оспы».

На первый взгляд это были простые продолговатые бумажки, но в них заключалась удивительная сила: стоило только купить такую бумажку — и покупателю отпускались грехи, не только прошедшие, но и будущие.

Перед тем как зарезать и ограбить семью, разбойиик шел к монаху и, поторговавшись до седьмого поту, покупал индульгенцию.

Иногда, не имея денег, брал ее в кредит.

— Ничего, — говорил обыкновенно добродушный монах. — Отдашь после, когда за-

Все католические монахи того времени были канальи...

режешь. Вы наши постоянные покупатели, как же-с!..

Если бы пишущий эти строки имел в кармане индульгенцию, которая отпустила бы ему нижеуказанный грех, он сказал бы:

— Все католические монахи того времени были канальи и мошенники, а все разбойники круглые дураки.

Как это ни странно, учение Лютера пришлось по вкусу именно влиятельным князьям и курфюрстам. В особенности нравилась им та часть учения, которая доказывала, что монастыри не нужны, что можно спасаться и без монастырей. В припадке религиозного фанатизма курфюрсты позакрывали все монастыри, а имущество монастырское и земли секуляризировали.

— Послушайте, — возражали монахи, — зачем же вы отнимаете у нас наше добро?

— Мы не отнимаем, — оправдывались курфюрсты, — а секуляризируем.

— А, тогда другое дело, — говорили успокоенные монахи и, убегая в горы, предавали курфюрстов и самого Лютера навеки

нерушимому проклятию... (Комминг, «Начало реформацни», стр. 301).

Такнм образом, совершенно незаметно Лютер сделался официальным революцнонером прн дворах курфюрстов и князей.

В этот пернод его жизнн «ввалившиеся горящне глаза» перестали вваливаться и гореть, щеки округлились, н хотя он по-прежнему говорил «смело, открыто и горячо», но вот уж каковы были его смелые горячие речи (после восстания крестьян, притесняемых дворянами):

— Этих мятежников надо убивать как бешеных собак.

Курфюрсты не могли нарадоваться на своего протеже...

Несмотря на все это, популярность лютеранства так возросла, что появились даже подделки. Происходило то же, что теперь пронсходит с аэропланами.

Аэроплан придуман и усовершенствован был одннм человеком. Но другие хватались за это изобретение, приделывали сбоку какой-нибудь пустяковый винтик или клапан и — выдавали весь аппарат за продукт своего творчества.

Так появились анабаптисты. Это были те же лютеране, но имели свой собственный клапан: многоженство и вторичное крещение детей.

Мало этого, какой-то священник Меннон заинтересовался анабаптизмом, ввел в него какой-то пустяк и основал секту меннонитов.

У Меннона уже никто не хотел заимствовать его изобретения: аппарат принадлежал к категории тех, которые не летают...

ИЕЗУИТСКИЙ ОРДЕН

Иезуитский орден есть такой орден, который все человечество, помимо всякого желания, уже несколько веков носит на своей шее.

К сожалению, люди до сих пор не научились вешать этот орден как следует.

ФРАНЦИЯ И ГУГЕНОТЫ

В наше время при спорах с противником приходится тратить много времени, ума и красноречия, чтобы убедить его или, по крайней мере, разбить его доводы. В прежние времена народ был проще, прямолинейнее, и когда, например, А вступал с Б в спор, то, если А был сильнее и могущественнее, он сжигал Б на костре, а если более сильным оказывался Б, А немедленно попадал на костер и корчился там, и вопил, и жаловался на свою суровую судьбу, пока вкусный запах жареного мяса, донесшись до Б, не показывал ему, что А убежден совершенно в правоте своего противника.

Например, во время послеобеденной прогулки А ведет с Б дружеский разговор:

А. Удивительно, как это просто: оказывается, что земля имеет форму шара. Я сегодня только об этом узнал и, признаюсь, поражен гениальностью открытия...

Б. (*иронически прищурившись*). Да? Ты уверен в том, что земля имеет форму шара?

А. Ну конечно! Это ясно даже младенцу!

Б. (*иронически*). Да? Ясно? Младенцу? А я тебе скажу, милый мой, что земля совершенно плоская.

А. *(еще более иронически).* Не-у-же-ли? Где же она, в таком случае, кончается?

Б. *(разгорячившись).* Где? Да нигде!

А. Друг! Но ведь это же чушь. Ну, тянется она на тысячу верст, ну, еще на десять тысяч, но ведь конец-то где-нибудь должен быть?

•Б. Черт его знает. Нету конца, да и все.

А. Слушай же! Земля имеет форму шара — и больше никаких! Если какой-нибудь старый осел возразит: «Почему же мы в таком случае не скатываемся?» — то я, во-первых, спрошу этого кретина: «Куда?», а во-вторых, сообщу этому чурбану: «Потому что существует земное притяжение!»

Б. *(горько).* Да? Земное притяжение? А что ты скажешь, когда я тебя немножко погрею?

А. Я... тебя не понимаю.

Б. Где же тебе понять старого осла... Эй, люди! Тащи вязанку дров, веревок и огонь.

А. Ты это не сделаешь!!!

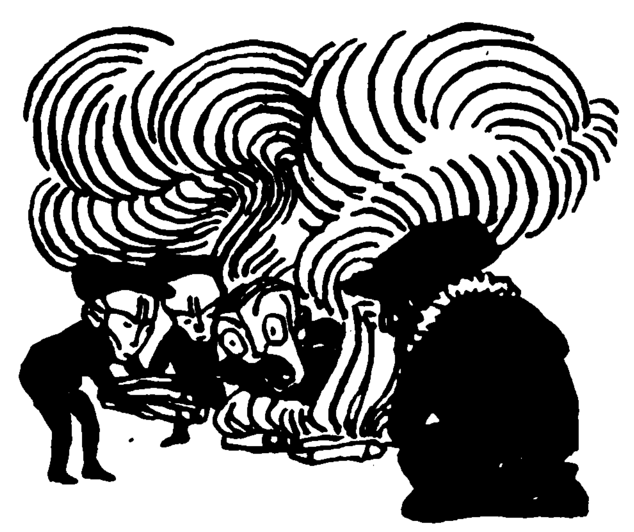
Б. Бери его. Вяжи! Огонь принесли? Так. Внизу лучинок положите, чтобы разгорелось. Ну вот. Раздувай! *(Опускается около костра на корточки и обиженно спрашивает.)* Ты и теперь утверждаешь, что земля круглая?

А. *(корчась).* Ну... не совсем круглая, а такая... овальная!..

Б. *(с горьким смехом).* Овальная? А ну, ребятки, поддай!

А. *(лязгая зубами).* В сущности, «овальная» я употребил как метафору...

Через пять минут А начинает предполагать, что он ошибся: пожалуй, земля и в самом деле плоская.



А. (*лязгая зубами*). В сущности, «овальная» я употребил как метафору.

Б. (*добродушно*). Ну вот, видишь! Я знаю, меня не переспоришь.

В те времена подобные диспуты назывались: попасть на огонек.

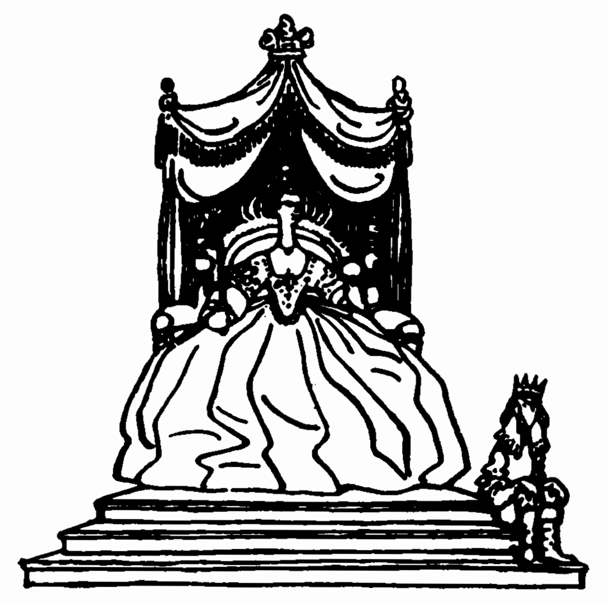
В настоящее время эта фраза имеет значение более идиллическое и употребляется преимущественно мелкнми чиновниками, которые нзредка заходят к приятелю убить мирно вечерок.

Король французский Франциск I считал себя человеком неглупым, понимающим, где раки зимуют, и поэтому жег на костре всякого, кто смотрел на релнгию другими глазами, чем он. Сын его Генрих II наследовал

...Но Монгомери попал королю не в бровь, а в глаз...

светлый ум отца, присоединив к нему изумительное трудолюбие (жег еретиков десятками там, где родитель ограничивался единицами). Кончил же Генрих II тем, что вызвал однажды на турнир капитана своей гвардии Монгомери, полагая, что король должен быть не только самым умиым, ио и самым сильиым человеком. Но Моигомери попал ему копьем не в бровь, а в глаз и глубоко, до самого мозга, разочаровал своего повелителя в его способиостях...

После Гeириха II пошел народ мелкий, ничтожный, почти ничем ие прославившийся... Например, Франциск II был известен только тем, что состоял мужем знамеиитой Марии Стюарт. Таких «мужей знаменитости» и в наше время можно встретить сколько угодно в уборной певицы или драматической актрисы. Они обыкновенно смириенько сидят в уголке



Карл IX был знаменит тем, что за него управляла мать — Екатерина Медичи.

и ждут, когда жена окончит спектакль, чтобы, закутав ее в шубу, везти домой.

Брат Франциска II Карл IX был знаменит тем, что за него управляла мать, Екатерина Медичи.

Нужно сказать правду: это был такой период королевского владычества во Фраиции, который очень хорошо характеризовался меткой фразой летописца: «Француз ума не имеет и иметь таковой почитает величайшим для себя несчастьем».

В самом деле, даже теперь все удивляются: что нужно было французам? Одни были католиками — ну и пусть. Другие гугенотами — пожалуйста! Сидите смирно и занимайтесь своими делами. Так католик, изволите видеть, не мог заснуть спокойно, пока не зарежет на сон грядущий гугенота. А гугеноты (из тех, которые еще не были зарезаны) спали и видели, как бы подстроить гадость католику. Противно даже читать эту позорную страницу французской истории. Ведь все равно эти религиозные дураки, с ног до головы залитые своей и чужой кровью, столько же имели шансов на царствие небесное, как любой уличный негодяй и разбойник. И ни одного в то время откровенного слова об этом, ни одного умного человека! Пишущий эти строки иногда даже кусает себе губы от досады: отчего его там не было?..

ВАРФОЛОМЕЕВСКАЯ НОЧЬ

Грубые, глупые, коварные католики истребляли глупых, простодушных гугенотов, как ретивые горничные клопов в барской постели.

Например, если нужно было католикам поубивать гугенотов, они делали это просто.

— Гугеноты, — говорила Екатерина Медичи (женщина, которую теперь не уважает даже мальчишка из третьего класса гимназии). — Гугеноты! Хотите, я выдам замуж сестру короля за вашего Генриха Наваррского?.. Не бойтесь! Приезжайте в Париж. Мы вас не тронем. Наоборот, проведем

Варфоломеевская ночь.

с вами очень веселую Варфоломеевскую ночь (1572 г.).

Гугеноты, конечно, еще не знали, что такое «Варфоломеевская ночь», обрадовалнсь, прнехали в Париж, и им там устроили такую ночь, что гугеноты до сих пор ие могут вспомнить о ней без отвращения.

Это произошло при короле Карле IX — слабой, безвольной душонке. Летописец того времени характеризует его так: «Это второй зять Мижуев из «Мертвых душ».

После него царствовал Генрих III, о котором даже говорить ие стоит — такой это был никчемный человек!

ГЕНРИХ НАВАРРСКИЙ

А следующим королем был Генрих IV Наваррский. Его считают самым порядочным из людей того времени. Отношение к религии у него было благодушиое, с оттенком настоящей веротерпимости... Начал он с того,

что был гугенотом. Но после Варфоломеевской ночи, пойманный королем, он имел с ним разговор (см. беседу А и Б о земном шаре), после которого перешел в католичество. Однако стоило только гугенотам начать новую войну с католиками, как Генрих немедленно сделался гугенотом. Но тут вышла маленькая загвоздка: протестанты провозгласили его королем, а католики-парижане не хотели его признавать.

— Чего же вы хотите? — спросил их веселый Генрих.

— Если бы ты был католиком... — нерешительно возразили парижане.

— Только-то? Да господи! Где тут у вас церковь?

И, принятый в лоно католической церкви, сказал историческую фразу:

— Господа! Вот вам историческая фраза: «Париж стоит хорошей обедни».

Это был весельчак, не дурак выпить, любитель женщин и храбрый рубака. Нам он вообще очень симпатичен. Народ свой он очень любил. Ему принадлежит еще одна историческая фраза:

— Господа! Вот вам еще одна историческая фраза: «Я желал бы, чтобы каждый французский крестьянин мог по праздникам иметь в супе курицу...»

Узнав, что это историческая фраза, окружающие запомнили ее, и до сих пор французы, гордясь добрым королем, показывают в Луврском музее хорошо сохранившееся чучело той самой курицы, которую Генрих IV хотел видеть в супе своих крестьян.

Портрет этой курицы.

К сожалению, этот прекрасный король был убит по наущению иезуитов. (Читатель! остерегайся иезуитов!) Вообще, короли того времени умирали или от руки убийц (Генрих III, Генрих IV), или от угрызений совести (Карл IX, Людовик XIII и др.).

КАРДИНАЛЫ

После Генриха IV на престол вступил кардинал Ришелье и, как свежий человек, быстро привел дела Франции в порядок. Ему наследовал кардинал Мазарини, человек не менее свежий (настолько, что Анна Австрийская, женщина уже не первой молодости, тайком вышла за него замуж).

Около этих двух королей кормились еще два Людовика: XIII и XIV, но они не мешались ни во что, и благодарная история пожимает им за это руки.

Мы бы рассказали подробнее о вышесказанном любопытнейшем периоде французской истории, но не хотим отбивать хлеб у нашего коллеги, который употребил на это всю свою жизнь (Александр Дюма. «Три мушкетера», «Двадцать лет спустя» и «Виконт де Бражелон»).

Дюма рассказывает об этом периоде гораздо подробнее — болтливый, как всякий француз... То, что можно сказать на двух страницах, он растянул на $3^1/_2$ тысячи страниц.

Впрочем, бог с ним. Всякому есть хочется.

...Около этих двух королей кормились еще два Людовика...

ТЮДОРЫ, СТЮАРТЫ И К⁰

Первым королем из фамилии Тюдоров в Аиглии был Генрих VII, а вторым — Генрих VIII.

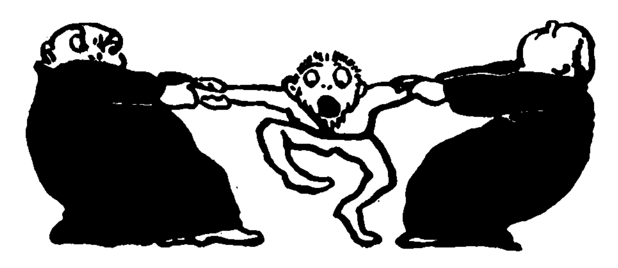
Последний отличался семейными наклонностями. Жеиатый на принцессе Екатерине Арагонской, он через 20 лет супружеской жизни вспомнил, что жена его раньше была

...Забросил печать в Темзу и убежал. (О, боже!)

замужем за покойным братом, и развелся с ней. Женился на Анне Болейн. После нее — еще на одной девушке, Иоанне Сеймур, и еще на одной, он даже не помнил ее нмени... и еще на одной, и еще на одной. Таким образом, у него было шесть жен, — не хватало еще седьмой, чтобы борода его посинела.

История Тюдоров и Стюартов напоминает Ветхий завет наизнанку... Там — Авраам роди Исаака, Исаак роди Иакова, Иаков — и т. д.

А вот подлиииая история Тюдоров и Стюартов:



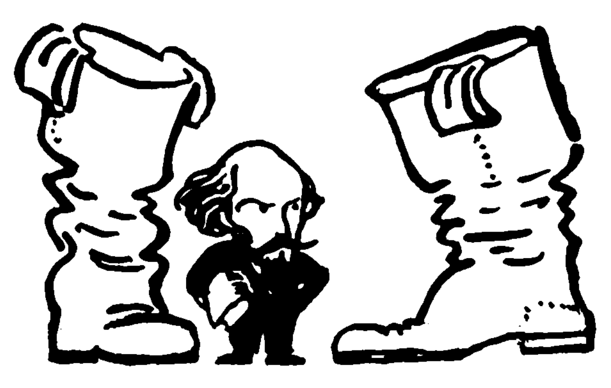
И опять начиналась длинная процедура перекрещивания...

У русского читателя потекли бы слюнки...

Генрих VII казнил жену свою Анну Болейн.

Мария Стюарт казнила своего мужа Дарнлея.

Королева Елизавета казнила королеву Марию Стюарт.



Сравнительная таблица В. Шекспира и сапог.

Кромвель казнил короля Карла I.

Иаков II казнил сына Карла II, герцога Монмута.

И только на Иакове II прекратилась эта странная династия: Иакова II никто не казнил, а просто он, как гласит история, «забросил в Темзу государственную печать, а сам убежал».

В это же время в Англии несколько раз менялись религии: один король был ревностным католиком и насаждал католичество, убивая еретиков; другой король вспоминал, что Англия не хуже других стран, и вводил какую-нибудь новую веру, вроде англиканской, убивая еретиков. Опять приходилось прежних католиков переделывать на пуритан; но садился на престол следующий король — пуритане ему решительно не нравились. То ли дело католики!

И опять начиналась длинная процедура перекрещивания уже несколько раз перекрещенных англичан. Священники наживались на этих старых крестинах, а народ скучал в такой однообразной жизни, разорялся и бедствовал, пока не пришел Кромвель. Это был хитрый мужичок, который хотя и обладал «голосом хриплым и монотонным, речью растянутою и грубою, а одевался небрежно», но когда он сказал своим хриплым монотонным голосом: «Довольно!» — все поняли, что действительно «довольно». Кромвель ввел парламент, поднял английскую торговлю и мореплавание; за это благодарные англичане поднесли талантливому самородку титул «Оливера», который до сих пор кра-

суется в истории рядом с его имеием. Так отблагодарила Англия своего великого человека.

При Карле II возиикла война ториев и вигов. Кто же это, спрашивается, такие?

Понятнее всего для читателя будет, если мы прибегием к приему, уже однажды иами использоваиному:

Тории — плохие, глупые, тупые, косные люди.

Виги — симпатичные, прогрессивные, очеиь хорошие люди.

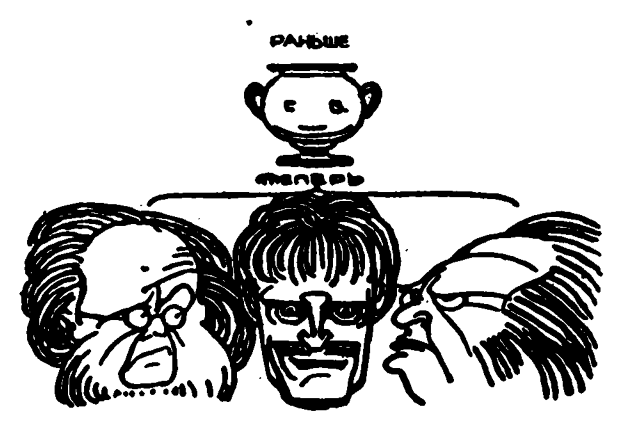
Благодаря усилиям последних в Англии был издан закон под названием habeas corpus[23]. У русского читателя потекли бы слюнки, если бы он узнал, что это такое... Но по цензуриым условиям мы объяснить этого не можем.

ВЕЛИКИЕ ЛЮДИ

Во время всех вышеприведенных передряг и смут появился в Англии Шекспир. Это был хотя и знаменитый писатель, но рост имел очень маленький, почему о нем впоследствии и говорили:

— Сапоги выше Шекспнра.

Другой знаменитый человек того времени был Бэкон, отец «опытиой» философии. Он доказал как дважды два, что единственный путь к достижению истины есть наблюдение над правдой, исследование действительности (Иловайский, «Нов. история»). Это учение имело такой успех, что Бэкона сделали государственным канцлером. Но од-



Портреты великих людей Дании, Швеции и Норвегии.

нажды наехала в суды ревизионная комиссия, рассмотрела состояние судопроизводства в Англии и выяснила, что Бэкон брал взятки и вообще совершал всякие злоупотребления. Его посадили в тюрьму.

Таким образом, его же теория (наблюдение и исследование действительности) послужила ему только во вред.

Был еще в Англии в те времеиа Мильтон, но он был совершенно слепой.

ДАНИЯ, ШВЕЦИЯ И НОРВЕГИЯ

Об этих странах лучше всего ничего не писать... В самом деле, кто их знает? Кто ими интересуется? Решительио никто.

Появились там три великих человека: Ибсен, Бьернстьерне-Бьернсон и Гамсун[23], да и то в самое последнее время.

А раньше был только один Ваза.[25].

И все у них было как-то несерьезно, по-детски — будто игра в куклы. Страны были маленькие, ничтожные, а тянулись за большими, подражали взрослым: так же устраивали политические восстания, казнили противников и, конечно, вводили реформацию. Но все было у них на детский рост: вместо войн — стычки, вместо казней — пустяки.

Да и реформация была какая-то такая...

Что же это за история?

ПОЛЬША

И Польша то же самое: никакого толку в ней не было. Кажется, и люди были умные, и воины храбрые, а все-таки ничего у них не клеилось...

Была, по моде того времени, взамен католической своя собственная вера, но какая-то странная: антитринитарии. Что это такое — и до сих пор никто не знает.

С королями тоже не ладилось.

Стоило только прекратиться роду королей Сигизмундов, как стали приглашать на престол кого попало: французского принца Генриха Анжуйского, давшего потом потихоньку тягу во Францию; какого-то седмиградского воеводу Батория; шведского принца Сигизмунда и многих других.

В газетах того времени нетрудно было встретить объявление такого рода:

РЕЧЬ ПОСПОЛИТАЯ
ищет трезвого, хорошего поведения короля. Без аттестата от последнего места не являться.

Человеку ограниченному может показаться странным: как так не найти короля?

Дело объяснялось очень просто: «король» — было только такое слово, и больше ничего. Никакой власти королю не давалось. Всякий делал что хотел, и это называлось liberum veto[26]. И частенько по ночам плакали короли в подушку от этого liberum veto...

Удивительнее всего, что и парламент существовал у поляков (сейм), но никогда пишущему эти строки (да простит мне старая Польша!) не приходилось встречать более нелепого учреждения.

Например, собираются триста человек и решают вопрос о том, что нужно поднять благосостояние страны. Кажется, дело хорошее? 299 человек в восторге от проекта, а трехсотый, какой-нибудь скорбный главой шляхтич, неожиданно заявляет: «А я не хочу». — «Да почему?!» — «Вот не хочу, да и не хочу!» — «Но ведь должны же быть какие-нибудь основания?» — «Никаких! Не желаю!»

И благодаря этому трехсотому решение проваливалось!! (Иловайский, стр. 96).

Можно ли писать историю такой страны? Конечно, нет. Это только Иловайский способен.

Изображение Тридцатилетней войны.

ТРИДЦАТИЛЕТНЯЯ ВОЙНА (1618—1648)

Как это ни скучно, но нам приходится опять возвращаться к борьбе католиков с протестантами.

Человеку нашего времени решительно непонятно: как можно воевать из-за религиозных убеждений?

Ведь в таком случае человечество могло пойти дальше: брюнеты резали бы блондинов, высокие — маленьких, умные — глупых...

А в те времена религиозные войны были обычным и привычным делом. Целые полки под командой глупых, с тупыми физиономиями полководцев носились из страны в страну, орали, молились, поджигали, разоряли, славили бога (своего собственного), грабили, горланили гнусавыми голосами псалмы и вешали пойманных иноверцев с таким хладнокровием, как теперь вешают собственное пальто на гвоздик.

История говорит, что после Тридцатилетней войны Германия пришла в такой упадок, возник такой голод, что жители некоторых мест принуждены были питаться человеческим мясом... Жаль, что этим кончили: с этого нужно было начать — переловить до войны

— Чего же вы смотрите? Бейте их!

всех этих тупоголовых полководцев, курфюрстов, ландграфов и, сделав над собой усилие, поесть их. И страна бы не разорилась, и ни в чем не повинные люди остались бы несъеденными.

До чего раньше одна часть человечества была проста и доверчива, видно из следующего: в сущности, ни немецкие католики ничего не имели против протестантов, ни немецкие протестанты против католиков.

Но появились за спиной герцога Фердинанда иезуиты и шепнули сладким голосом:

— Ка-ак? Чехи п р о т е с т а н т ы? Какое безобразие! Чего же вы смотрите? Бейте их!

А кардинал Ришелье с другой стороны обрушился на протестантов:

— Чего вы смотрите, дурачье? Бейте католиков по чем попало! Всыпьте им хорошенько!

Теперь таким образом можно стравить только две пьяиые компании в трактире, причем драка может продолжиться максимум полчаса. А в те времена столь примитивный прием был действителен на тридцать лет и уменьшил он народонаселение Германин на пятьдесят процентов.

И господь жестоко покарал протестантов и католиков за эту традцатилетнюю глупость: предводитель католиков Валленштейн был убит в своей спальне, предводитель протестантов Густав Адольф убит на поле битвы, а разные Фридрихи, Фердинанды и курфюрсты тоже поумирали от разных причин — и ни одного не осталось до наших дней, чтобы поведать нам об этой бестактной войне.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Изголодавшиеся страны в конце концов съехались и заключилн мир в Вестфалии, родине знаменитых окороков.

Летописец того времени утверждает, что воюющие стороны набросились прежде всего не друг иа друга, а на окорока н впервые за тридцать лет поели как следует...

А потом, когда сталн делиться землями, глупые немецкие католики и протестанты, конечно, остались с носом: самые лакомые кускн забралн французы и шведы.

Вестфальский мир.

Рассказывают, что, разобрав, в чем дело, один курфюрст почесал затылок и воскликнул:

— Да! Теперь, когда я кончил войну, я вижу, что я старый дурак.

— А когда вы ее начинали, — засмеялся француз, — вы были молодым дураком.

И все присутствующие иностранцы долго и раскатисто хохотали...

ЛЮДОВИКИ XIV И XV ВО ФРАНЦИИ

У французских королей того времени был один и тот же обычай, переходивший от отца к сыну: вступая на престол, король брал первого министра и первую любовницу (или любимицу, как мягко выражается Иловайский). Министр всегда оставался первым, а любимицы были и вторые, и третьи.

Например:

Короли	Перв. министры	Любимицы
Людовик XIII	кардииал Ришелье	несколько
Анна Австрийская	кардинал Мазарини	де ла Вальер
Людовик XIV	Кольбер	Ментенон и др.
Людовик XV	карднная Флери	Помпадур

Но все-таки это был красивый, изящный век, век менуэтов, иапудрениых париков, версальских праздииков и любовиых приключеиий.

Короли умели жить в свое удовольствие...

Всякий из иих был настолько умеи, что оставлял после себя историческую фразу, и народ поэтому его ие забывал.

Людовик XIV, иапример, сказал:

— Государство — это я!

Народ прозвал его «король Солнце». И верио. Никогда иад Францией ие всходило более жаркого солнца. Оно так жарило, что все финансы у Кольбера испарились и первый министр даже получил в конце концов настоящий солнечный удар...

Вторая знаменитая фраза Людовика XIV, сказанная по поводу отправления внука в Испанию:

— Нет более Пиренеев!

Гораздо хуже первой. Мы счнтаем ее пустой, бессмысленной фразой. Эдак всякий вдруг вскочит с места да крикнет:

— Нет более Монблана! Нет более западных отрогов Корднльер!

Сказать хорошо... А ты попробуй сделать.

Что касается Людовика XV, то он прославился тоже одной фразой:

Кольбер получил солнечный удар...

— Apres nous le déluge![27]

Что в переводе на русский язык значит:

— Начхать мне на моих потомков! Лишь бы мне хорошо жилось.

Великая Французская революция показала, что у короля были свои основания повторять эту фразу.

ПЕРВЫЕ БАНКИРЫ

Кроме этой фразы и своей «любимицы» Помпадур, король прославился также и тем, что в его царствование один шотландец,

— Вот, дескать, как ловко придумали!

Джон Ло, изобрел остроумный способ выпускать ассигнации, продавая их за настоящее золото.

К сожалению, Джон Ло, открыв по поручению регента для этих операций целый банк, смотрел на кредитные билеты глазами десятилетнего гимназиста, который думает, что, если нужны деньги, их можно печатать на обыкновенной бумаге сколько влезет...

— Я не знал, что так будет...

Вы понимаете, что получнлось? Джон Ло в компаиии с королевским регентом, гер-

цогом Орлеанским, напечатали бумажек на несколько миллиардов и очень радовались:

— Вот, дескать, ловко придумали!

Но когда держатели ассигнаций испугались количества появившихся на рынке бумаг и потребовали свое золото обратно — банк лопнул, а Джон Ло заплакал и заявил, что «он вовсе не знал, что так будет».

СЕВЕРО-АМЕРИКАНСКИЕ ШТАТЫ

Американские колонисты были мирными трудолюбивыми людьми.

Англичане, считая американских колонистов своими подданными, понемногу стали стеснять их свободу в смысле торговли и мореплавания.

Колонисты молчали.

Англичане ввели гербовую бумагу и некоторые сборы.

Колонисты промолчали. Была гробовая тишина.

Англичане стали взыскивать пошлины за привозные товары.

Колонисты поежились, переступили с ноги на ногу и неожиданно сказали:

— А пойдите вы к черту!

Самолюбивые англичане спросили:

— То есть как?

— Да так. Проваливайте с вашими пошлинами.

Сказав это, схватили изумленных англичан за шиворот, повернули лицом к Англии и вытолкали.

...— И не надо! И без вас проживем, — обиженно сказали англичане.

Началась война. Вот это была хорошая, честная, умная, вызванная необходимостью война, и мы ее очень одобряем. Это не протестанты с католиками, а умные люди схватились не на живот, а насмерть из-за своих прав.

Когда колонисты победили и выгнали англичан, те пожали плечами и обиженно сказали:

— И не надо. И без вас проживем (1783 г.).

— Ступайте, ступайте, — поощрили их колонисты, — пока вам еще не попало... Ишь! (Брадлей, «Нов. история», стр. 201).

ГЕРМАНСКИЕ ПРАВИТЕЛИ XVIII ВЕКА

Истинным бичом для несчастных учеников являются германские правители XVIII века.

Мы не видели ни одного ученика, который не получил бы самым жалким образом единицы за «германских правителей в XVIII веке».

Даже пишущий эти строки, который считает себя человеком способным и сообразительным, историком опытным и знающим, и он, отойдя от своих манускриптов и покрытых пылью пергаментов, сейчас же начинал путать «германских правителей в XVIII веке».

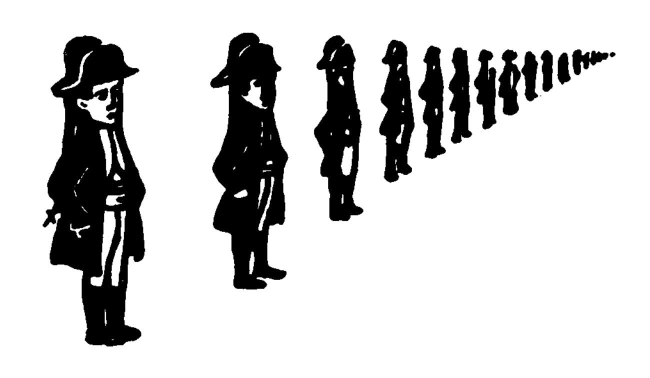
Пусть кто-нибудь попробует запомнить эту тарабарщину, годную только для сухих тевтонских мозгов: великому курфюрсту бранденбургскому Фридриху-Вильгельму наследовал сын его просто Фридрих. Этому Фридриху наследовал опять Фридрих-Вильгельм. Кажется, на этом можно бы и остановиться. Но нет! Фридриху-Вильгельму наследует опять — Фридрих!!

У прилежного ученика усталый вид... Пот катится с него градом... Ффу! Ему чудится скучная проселочная дорога, мелкий осенний дождик и однообразные верстовые столбы, без конца мелькающие в двух надоедливых комбинациях:

— Фридрих-Вильгельм, просто Фридрих. Опять Фридрих-Вильгельм, просто Фридрих...

Когда же ученик узнаёт, что опять Фридриху наследовал его племянник Фридрих-Вильгельм, он долго и прилежно рыдает над старeньким, закапанным чернилами Иловайским.

«Боже ж мой, — думает он. — На что я убиваю свою юность, свою свежесть?»



Фридрихи просто и Фридрихи-Вильгельмы

Историк, пишущий эти строки, может еще раз повторить имена династии Фридрихов. Вот, пожалуйста... Пусть кто-нибудь запомнит...

У великого курфюрста Фридриха-Вильгельма был сын Фридрих. Последнему наследовал Фридрих-Вильгельм, которому, в свою очередь, наследовал Фридрих; Фридриху же наследовал Фридрих-Вильгельм... Этот список желающие могут продолжать.

Даже история, беспристрастная история, запуталась во Фридрихах: до сих пор неизвестно, при каком именно Фридрихе случилась Семилетняя война. Доподлинно известно только, что он не был Вильгельмом.

— Тебе еще чего нужно?..

СЕМИЛЕТНЯЯ ВОЙНА (1756—1763)

По сравнению с Тридцатилетней войной Семилетняя война была совсем девчоика. Та годилась бы ей в матери.

Воевали так: с одной стороны Фридрих (какой — неизвестно), с другой — Франция, Россия, Австрия и Швеция.

Швеция, собственно, была союзником ни к чему, но она тоже вслед за большими ввязалась в драку, семеня слабыми ножонками где-то позади взрослых... Большие усатые союзники, ухмыляясь в усы, спрашивали ее:

— Тебе еще чего нужно?

— А я, дяденьки, — шмыгая носом, пролепетала Швеция, — тоже хочу повоевать (Броун, «Семилетняя война», стр. 21).

Воевали плохо. Побеждал Фридрих — способом, очень легким: он ссорил союзников и разбивал их. Нападают, например, на него русские и австрийцы. Он немедленно садится за стол и пишет австрийскому полководцу письмо: «Дорогой коллега! Охота вам связываться с этими русскими свиньями... Вы и один прекрасно меня победите. Ей-богу! И как вы можете допускать, чтобы в вашей армии командовал еще кто-то. Вы человек умный, красивый, симпатичный, а ваш товарищ просто необразованный дурак. Прогоните его скорее, а сами начните командовать».

Не было ни одного полководца, который не попался бы на эту удочку: получив письмо, прогонял союзного генерала, нападал на Фридриха и потом, разбитый, стремительно убегал от него с остатками армии и обидой в душе.

Семилетняя война была закончена вовремя: как раз прошло семь лет со времени ее начала.

Чисто немецкая аккуратность в исполнении принятых на себя обязательств.

РЕЗУЛЬТАТЫ СЕМИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ

Когда же войну закончили, то увидели, что и воевать не следовало: союзники хотели оттягать у Фридриха Силезию, но когда заключили мир (в Губертсбурге), «Силезия

осталась у Фридриха (как говорит Иловайский) и каждая держава осталась при своем».

И жалко их всех и смешно.

ВЕЛИКАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

КОРОЛЬ ЛЮДОВИК XVI

Выше мы указывали на стройную систему, которой держались французские короли: у каждого из них был первый министр и фаворитка.

Людовик XVI первый нарушил эту традицию. Фаворитки у него ие было, а с первымн министрами ои поступал так: попался ему один очень симпатичный человек — Тюрго. Только что этот Тюрго взялся за полезные, насущные реформы, как Людовик XVI под давлением арнстократов спохватился и прогнал Тюрго. После Тюрго он под давлением общественного мнения пригласил управляющим финансами банкира Неккера, тоже взявшегося за реформы, но в скором времени спохватнлся н под давлением арнстократни прогиал его. Впрочем, через некоторое время он под давленнем народа снова прнгласил Неккера.

Из вышеизложенного видно, что это был король, на которого не давил только леннвый.

Под давлением же народа было созвано королем нацнональное собрание. Но тут вмешалось давление аристократии и придворных. Король послал национальиому собранию прнказ разойтись. Оратор собрания Мирабо вскочил и заявил:

— Мы здесь по воле народа, и только сила штыков разгонит нас!

В эту минуту случилось так, что никто не давил на короля. Ои кивнул головой и добродушно сказал:

— Ну ладно. Сидите уж.

Впрочем, через иесколько дней под давлением придвориой партии король решил стянуть к Парижу войска из иностранных наемников.

Тогда-то Францня и возмутилась протнв своего короля.

Говорят, что муж последний узнает об измене жены. То же происходит и с королями, причем роль жены играет страна.

До чего Людовик XVI был слеп, показывает следующий историческнй факт.

Когда ему доложили, что национальное собранне отказалось разойтнсь, он всплеснул руками и сказал:

— Да ведь это капрнз!

— Нет, государь, — возразилн ему, — это скандал.

Через несколько дней ему донесли, что парижскне граждане организовывают милнцию.

Опять всплеснул руками король:

— Да ведь это скандал!

— Нет, государь, — возразили ему, — это уже бунт.

А через два дня, когда парижане взялн и разрушили Бастилию, король, узнав об этом, снова патетически всплеснул руками и воскликнул:

— Да ведь это бунт!

— Нет, государь... Это уже — революция!

Тогда король успокоился и даже переехал из Версаля в Париж.

У Людовика XVI оставался еще прекрасный выход, которым он мог спасти свое положение: стоило ему только выбросить за двери всех придворных, которые оказывали на него давление, всех тунеядцев, ленивых и глупых негодяев.

Вместо этого он:

1) под давлением приближенных задумал бежать за границу. Был пойман и привезен в Парнж;

2) под давлением придворных вступил в переговоры с иностранными государствами, прося у них помощи против Франции.

За это Франция приговорила короля к смерти.

Он умер 21 января 1793 года под ножом гильотины и перед смертью впервые держал себя твердо и спокойно... Вероятно, потому, что почти никто уже не оказывал на несчастного короля давления.

Умер король, искупив кровью все безумства своих пышных предшественников, искупив разоренне и упадок страны, искупив страшную гнусно-пророческую фразу своего деда:

— После меня хоть потоп!

ТЕРРОР

Национальное собрание передало власть Законодательному собранню, а Законодательное собрание — Национальному конвенту.

Если можно так выразиться, Франция левела с каждым днем.

Сначала у власти стояли жирондисты, казнившие врагов свободы, но когда они оказались недостаточно левыми, их сменили монтаньяры.

Монтаньяры с Робеспьером, Дантоном и Маратом во главе, конечно, немедленно казнили жирондистов как врагов свободы.

Когда все жирондисты были казнены, Робеспьер остановил свой рассеяниый взор на Даитоне и подумал: «А не казнить ли Дантона как врага свободы?»

Когда он предложил это товарищам монтаньярам, те очень обрадовались и казнили товарища Дантона.

Впрочем, вскоре после этого монтаньяры задали сами себе вопрос: «А не отрубить ли голову товарищу Робеспьеру?»

Сделали это. У Робеспьера был товарищ-монтаньяр Сент-Жюст. Отрубили голову н Сент-Жюсту.

Таким образом, из всей компании один только Марат умер своей смертью. Он был убит в ванне — Шарлоттой Корде, «одной мечтательной девушкой», как мягко выражается Иловайский.

НАПОЛЕОН БОНАПАРТЕ

В то время как жирондисты и монтаньяры потихоньку рубили головы друг другу, Наполеон Бонапарте потихоньку выдвигался вперед.

— Кто же такой был Наполеон Бонапарте? — спросит любопытный читатель.

Это был обыкновенный артиллерийский офицер, выдвинувшийся при осаде Тулона.

Здесь мы категорически должны опровергнуть утверждение некоторых историков, которые производят имя великого Бонапарте от его военных подвигов на поле брани (На-поле-он). Во-первых, если бы это было так, то простая грамотность требовала бы иной орфографии, а во-вторых, Наполеон был французом, более того — корсиканцем, корсиканцы же, как известно, по-русски не говорят, почему назвали бы Наполеона по-французски; кроме того, имена обыкновенно даются еще при рождении, когда самый проницательный человек не может определить размера будущих ратных подвигов ребенка...

Вообще, солидный читатель, мы уверены, не придаст серьезного значения этой неосновательной гипотезе...

Секрет успеха Наполеона, если вдуматься в него, оказывается очень прост: армия была предана ему душой и телом, а добиться такой привязанности у простых честных солдат было очень легко.

Мы сообщим рецепт успеха Наполеона на тот случай, если кто-нибудь из главнокомандующих и вообще генералов пожелает им воспользоваться.

Предположим, что кто-нибудь из читателей попал со своим войском в Египет...

РЕЦЕПТ УСПЕХА

Предположим, кто-нибудь из читателей попал со своим войском в Египет. Предстоит упорная битва... Вы, не отдавая никаких сухих приказов и кисло-сладких распоряжений (вроде: «Братцы, постоим же за матушку-родину... братцы, лупи неприятеля в хвост и гриву — получите потом по чарке коньяку!»), просто выбираете пару-другую пирамид повыше и указываете на них пальцем.

— Солдаты! — кричите вы. — Сорок веков смотрят на вас с высоты этих пирамид!

Простодушные солдаты поражены.

— Так много? — шепчут они. — Бросимся же, братцы, в бой!!

Если разобраться в сказанной вами фразе — в ней не найдется ничего существенного. Но закаленный в боях воин нетребователен. Ему многого не надо. «Сорок веков» его восхищают.

Если вблизи нет пирамид, можно придраться к чему-нибудь другому и опять привести солдат в крайнее возбуждение.

Например, кругом пусто, а сверху светит обыкновенное солнце.

— Солдаты! — торжественно говорите вы. — Это то самое солнце (как будто бы есть еще другое), которое светило во время побед Людовика XII!

Не нужно смущаться тем, что злосчастный Людовик XII не имел ни одной победы — всюду его гнали без всякого милосердия... Неприхотливым воинам это неважно. Лишь бы фраза была звонкая, эффектная, как ракета.

Конечно, полководец должен сообразоваться с темпераментом и национальностью своих солдат.

Немца на пирамиду не поймаешь. Ему нужно что-нибудь солидное, основательное или сентиментальное.

Немцу можно сказать так:

— Ребята! Нас сорок тысяч, а врагов — пятьдесят. Но они все малорослые, худые, в то время как вы — толстые, большие. Каждый враг весит в среднем около трех пудов, а вся ихняя армия — сто пятьдесят тысяч пу-

дов. В нас же, в каждом, — около пяти пудов, то есть вся наша армия на пятьдесят тысяч пудов тяжелей ихней. Это составит двадцать пять процентов. Неужели же мы их не поколотим?

Кроме того, немец любит слезу.

— Солдатики! — говорите вы, сдерживая рыдания. — Что же это такое? Неужели ж мы не победим их? Если мы их не победим, подумайте, как будут огорчены ваши добрые мамаши, вяжущие на завалинке шерстяной чулок, и ваши престарелые папаши, пьющие за газетой свой зейдель пива, и ваши дорогие невесты, которые плачут и портят свои голубые глазки.

И все заливаются слезами: полководец, солдаты... даже последний барабанщик плачет, утирая слезу барабанными палками. Потом все бросаются в бой и побеждают.

Легче всего разговаривать с китайскими солдатами. Им нужно привести такой аргумент:

— Эй, слушайте там: все равно рано или поздно подохнете как собаки. Так не лучше ли подохнуть теперь, всыпав предварительно врагу по первое число!

Есть еще один прием, к которому Наполеон часто прибегал и который привязывал солдат к полководцу неразрывными цепями.

Холодное, туманное утро... Солдаты жмутся у костров, сумрачны, в ожидании битвы. Наполеон выходит из палатки и отзывает от костра одного солдата.

— Э... послушай, братец! Как зовут того солдата с усами, которому ты давал прикуривать и который так весело смеется?

— Ну, как твоей матери — лучше теперь?

— Этот? Жан Дюпон из Бретани. Он вчера письмо получил от больной матери, которая уже выздоравливает, и поэтому сейчас рад, как теленок.

Наполеон направляется к указанному солдату.

— Здорово, Жан Дюпон!

Дюпон расцветает... Император знает его фамилию! Император его помнит!

— А что, Жан Дюпон, ведь прекрасная страна ваша Бретань?

Дюпон еле на ногах стоит от счастья. Император Франции знает даже, откуда он!

— Ну, как твоей матери — лучше теперь? Выздоравливает?

Если бедный солдатик не сходит сразу с ума от удивления и восторга, он падает перед чудесным повелителем на колени, целует руки и потом пытается убежать с определеной целью раззвонить товарищам обо всем, что произошло. Но Наполеон удерживает его.

— Скажи, от кого ты сейчас закуривал папиросу? Такой рыжий.

— А! Этот? Мой товарищ парижанин Клод Потофе. Сирота. Отца его убили во время взятия Бастилии, и у него теперь, кроме невесты, маленькой Жанны, никого нет в Париже.

Часа через два Наполеон натыкается на Клода Потофе.

— Здорово, старый товарищ, Клод Потофе! Небось, сам здесь — хе-хе! — а мысли в Париже, около маленькой Жанны. Эх ты, плутишка! Ну, посмотрим, такой ли ты забияка в сражении, как твой отец, который свихнул свою старую шею около Бастилии четырнадцатого июля.

Клод Потофе падает от изумления в обморок, а когда приходит в чувство, говорит своим товарищам, захлебываясь:

— Вот это полководец! Нас у него двести тысяч, а он знает и помнит жизнь каждого солдата как свою собственную...

НАПОЛЕОН — ИМПЕРАТОР

Если изучить как следует жизнь и деятельность Наполеона I, то придется сознаться, что этот человек подорвал в нас всякое уважение к истории человечества, к солидности и по-

степенности в прохождении того величавого медлительного пути, который свыше намечен народам мира.

Этот бывший артиллерийский офицерик носился по всей Европе, как собака, которой привязали к хвосту гремящую жестянку — честолюбие, дрался, как лев, хитрил, как лисица, пролез сначала в генералы, потом в первые консулы, потом в императоры и споткнулся только тогда, когда дальше идти было некуда, — вся человеческая прыть и прекрасная в своем ослепительном блеске наглость была исчерпана до конца.

Пишущий эти строки счастлив, что ему представляется возможность закончить «Всеобщую историю» человечества жизнью Наполеона I — таким могучим аккордом, таким грандиозным апофеозом, который с самой беспощадной ясностью подчеркивает тщету всего земного, эфемерность так называемых «исторических и прочих условий».

Маленький человечек в треугольной шляпе и сером походном сюртуке захотел сделаться французским императором.

Он им сделался. Это так легко.

У него не было никаких предков королевской крови, никакой предшествующей династии, никаких традиций. Вероятно, поэтому он стал поступать дальше с прямотой и бесцеремонностью варвара, попавшего в музей, наполненный драгоценными реликвиями старины, прекрасными обветшалыми тронами и портретами целых поколений королей, к которым он относился с ироническим пожатием

плеч разбогатевшего лавочника — себе на уме...

Сделавшись императором, он на минутку приостановился, призадумался, положив палец на губы, и махнул рукой:

— Эх! Сделаюсь уж кстати и королем Италии!

Кстати, сделался и королем Италии.

Наместником туда назначил пасынка своего Евгения Богарне, который при других условиях торговал бы на Корсике прованским маслом в розницу или занимался корсиканской вендеттой — делом, не требовавшим больших расходов, но и не дававшим никакой прибыли.

Можно вообразить, как смеялся в тиши своего кабинета или походной палатки Наполеон, раздавая направо и налево своим бедным родственникам троны и королевства.

Это делалось с такой легкостью и простотой, с какой сытый буржуа дарит своим бедным друзьям и родственникам старые галстуки и жилеты, отслужившие хозяину свою службу.

Например, докладывают Наполеону:

— Вас там в передней спрашивают.

— Кто спрашивает?

— Говорит — ваш братец Иосиф. Да только подозрительно, правда ли это? Уж больно вид у них... подержанный.

— Ага! Зови его сюда.

Брат входит, мнется, переступая с ноги на ногу, мнет измызганную шапчонку в руках...

Добрый Наполеон лобызается с братом.

— Жозеф! Ты! Очень рад тебя видеть. Что это ты в таком непрезентабельном виде?

— Я к тебе... Нет ли местечка какого?

Наполеон трет лоб.

— Гм... Местечка... Можно было бы назначить тебя вице-королем в Италию, но туда я уже Женю посадил. Местечко занято. Разве вот что: как тебе улыбается Неаполитанское королевство?

— Ну, что ж... У меня положение такое, что пойду и на это.

— Вот и прекрасно. Завтра же можешь н выехать. Скажи там, что я назначил тебя неаполитанским королем. Спроси, где трон, тебе покажут. Да я лучше записочку напишу...

— Вас там спрашивают, в передней.

— Кто?

— Говорят, братец Людовнк. Вид тоже... тово...

— Бедняга! Зовите его сюда! Здорово, Людовик! Небось, тоже за местечком?.. Ну-с, пораскинем мозгами. Что у нас занято и что свободно? В Италии королевствует Евгений, а Неаполе Жозеф... Гм... А, вот! Голландия! Хочешь быть голлаидским королем?

— Голлаидскнм? Другого ничего нет?

— Пока не предвидится.

— Ну, хочу.

— Ну, ладно.

Впрочем, не только к своим родственникам относился тепло добрый Наполеон. За корот-

кое время он сделал совершенно посторонним людям такие одолжения:

Герцогу Баварскому дал титул короля.

—»— Вюртенбергскому дал титул короля.

Курфюрсту Саксонскому дал титул короля.

Курфюрсту Баденскому дал титул великого герцога.

Однажды Наполеону взгрустнулось.

— Что бы такое сделать?

После недолгого размышления он образовал из западно-германских владений «Рейнский союз», а себя назвал «протектором» этого союза.

Сам себя назвал. Никто не называл. Но когда он назвал себя протектором, все без споров стали называть его протектором.

Случилось однажды так: был у Наполеона еще третий брат Иероним, а королевств свободных больше не было... Что же делает умный Наполеон? Были у Пруссии какие-то земли «к западу от Эльбы». Наполеон отнимает их у пруссаков, составляет из них Вестфальское королевство и — отдает брату.

— На, милый. Ты хоть и младший, но будь не хуже других. Тоже не лыком шит!

Когда у Наполеона не осталось больше свободных родственников, он принялся за своих генералов. Брата своего Иосифа перевел из Неаполя в Испанию («довольно тебе, плутишка, быть неаполитанским королем, будь испанским»), а генерала Мюрата посадил на очистившийся неаполитанский престол.

Тех же генералов, которые не пользовались его расположением, Наполеон без всякого

сожаления сажал на второстепенные троны. Так, его маршал Бернадот был посажен иа шведский престол.

Историки рассказывают, что по этому поводу между Бернадотом и Наполеоном произошла тяжелая сцена.

— Сами садитесь на этот престол, — орал несдержанный Бернадот. — На что он мне? Не видал я вашего шведского престола!

— Ничего, голубчнк, сядешь! Не велика птица, — посмеивался Наполеон.

— Другие люди как люди, — рыдал огорченный Бернадот, — у того неаполнтанский престол, у того испанский, а мне... Конечно... Понимаем-с, понимаем-с... Мы уже не нужны! Мы уже свое сделалн! Ха-ха!.. Шведский престол...

— О милый мой, — говорил мечтательно притихший Наполеон, — было время, когда и я бы с радостью ухватился за шведскнй престол...

— Было время... Конечно! Было время, когда мы без штанов бегали. Но это в прошлом, это золотое детство! А теперь, раз человек вырос, сделался солидиым — вы обязаны дать ему престол, и не какой-нибудь, а большой, хороший.

— Ну ладно, старый ворчун. Садись пока на то, что есть, а потом мы тебе подыщем что-нибудь получше... Что ты скажешь, например, об Австрии? Хе-хе.

Только этой хитростью и можно было сломить упрямого Бернадота.

История говорит, что Бернадот так и кон-

чил свою опальную жизнь в тиши и неизвестности, всеми забытый на своем шведском престоле...

КОНЕЦ НАПОЛЕОНА

Наполеона погубило то, что он вздумал вести победоносную войну с русскими. Удивительнее всего, что так оно и случилось: Наполеон, действительно, вел победоносную войну с русскими. Всюду русские отступали, Наполеон побеждал, русские уходили из Москвы, Наполеон вступал в Москву, русские терпели поражения, Наполеон терпел победы.

Кончилось тем, что Наполеон потерпел последнюю победу при Березине и ускакал в Париж.

Солнце склонилось к западу...

Собака с прикрепленной к хвосту жестянкой-честолюбием была затравлена, загнана и — погибла.

Наполеон был щедрее победивших его союзников. Он дарил последнему из своих маршалов целые королевства, а союзники подарили ему, императору, маленький островок Святой Елены и одного подданного — конвойного сторожа, ухаживавшего за императором.

Гордый император терпеливо улыбался, а потом согнал улыбку с лица и умер, сложив в последний раз по-наполеоновски руки, — те самые руки, которые долгое время жонглировали «исторически сложившимися государствами» без всякой церемонии и деликатности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Более философского, поучительного и мудрого заключения «Всеобщей истории», чем жизнь и деятельность Наполеона I, придумать нельзя.

У Наполеона не было своего личного герба (за хлопотами он забыл обзавестись им), но если бы был у Наполеона личный герб, ему приличествовала бы такая надпись:

«Vanitas vanitatum et omnia vanitas»...[28]

Что значит в переводе:

«Не боги горшки обжигают».

РУССКАЯ ИСТОРИЯ

НАЧАЛО РУСИ

I
СЛАВЯНЕ

Люди с русыми волосами, серыми глазами и румяиыми лицами иазывались славяиами. Все же остальные назывались славяиофилами и неославянами.

Славяне любили быть высокого роста и энергично тянулись головами к иебу. С малорослых они отбирали подписку, в которой малорослый обязывался в известиый срок вырасти и достигиуть известной иормы.

Когда же по истечении срока давшие подписку ие вырастали, их ссылали иа берега Днепра, где малорослые вскоре и основали свое собственное государство под названием Малороссия.

В отместку за ссылку малороссы и придумали пословицы: «высокий до неба, да дурний як треба» и «велика Федора, да дура».

Жили славяне на берегах рек, но им не запрещалось отлучаться от берегов и совершать прогулки вне черты славянской оседлости.

Занимались оии ловлей невест, рыб и зверей. Первых, вторых н третьих было такое

множество, что часто ловили их голыми руками и даже голыми ногами, ибо в летнее время славяне ходили почти голыми, каковое платье в те времена считалось весьма модным и щеголеватым.

Рыбу славяне жарили и варили. С зверей снимали шкуру и отпускали их на волю. Невесты же в свою очередь сдирали шкуру с славян и отсылали своим родителям.

Последний акт назывался «вено».

Характер славян представлял смесь хороших и дурных качеств.

С одной стороны они были храбры, но с другой стороны храбры не были, вследствие чего исход битвы зависел от того, с какой стороны к ним подходил неприятель — с храброй или не с храброй.

Сражались они врассыпную, но, потеряв сражение, бежали дружной толпой и сомкнутыми рядами.

Иногда они прибегали к хитрости. Притворным бегством заманивали неприятеля в лес и оттуда больше не выходили, оставив, таким образом, неприятеля с носом и в дураках.

Славяне отличались большим гостеприимством. Гостю отводилось лучшее место в доме и отдавались лучшие куски. Позволялось даже украсть у соседа, чтобы угостить странника. Позволялось даже любимую жену отдавать гостю.

Но какой счет потом представлялся гостю, неизвестно историкам.

Должно быть, счет представлялся порядочный. Это видно из того факта, что к славянам не часто ездили в гости.

...Отделение головы от туловища жены считалось достаточным поводом к разводу...

Брак у них заключался без излишних проволочек.

Мужчина накидывал на голову нравившейся ему женщины мешок, связывал руки и тащил в свой дом; таким образом, брак заключался с обоюдного согласия.

Еще меньше проволочек требовал развод. Например, отделение головы от туловища у жены считалось достаточим поводом к разводу, и с первого же момента муж, отрубив-

ший голову жене, считался снова холостым и мог беспрепятственно жениться на другой.

Религия у славян была простая и общедоступная. Они поклонялись всему, что бог послал.

Увидят пень и станут перед ним на колени. Поймают зверя и давай перед ним молиться, прежде чем снимут с него шкуру.

Один пень сделал большую карьеру. Для него построили храм и наняли жрецов. Пню дали имя Перун и подчинили ему солнце, гром и все остальные божества.

Некоторые из славянских племен жили в городах и управлялись князьями. Князья же неизвестно кем управлялись, и хотя некоторые историки уверяют, что они управлялись вечем, но им никто еще до сих пор не поверил.

II

ПРОИСХОЖДЕНИЕ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА

Племя русь в первый раз появилось в России в 862 году. Откуда оно появилось, никому не было известно.

Все в этом племени были беспаспортные и на расспросы летописцев давали уклончивые ответы.

— Мы происходим от Адама! — говорили одни.

Летописцы накидывались на свои пергаменты, чтобы записать эти слова. Но тут подходили другие из племени русь и не без лукавства замечали:

— Вас обманули, господа летописцы. Мы происходим от Евы.

И бедные летописцы тщетно ломали головы, стараясь угадать, какой из этих двух разноречивых ответов можно считать верным.

Жили тогда славяне, следуя строго обычаям предков, — в вечной ссоре и беспрерывиой драке между собой.

Синяк под глазом или вывороченная скула, как у нынешних боксеров, считались почетными знаками и лучшим доказательством мужской красоты и отваги.

Несмотря, однако, на отчаянную отвагу, славяне всем платили дань, не желая, по-видимому, отступать от преданий седой старины.

Северные славяне платили дань варягам. Южные — хазарам. Восточные — половцам. Западные — немцам. Юго-восточные славяне платили и немцам, и варягам.

Иногда северные славяне тайком от южных славян приносили дань хазарам. Когда это обнаруживалось, южные славяне в долгу не оставались и, выбрав ночку потемнее, отправлялись тайком от северных славяи к варягам н прнносили им дань.

На этой почве у южных и северных славян весьма часто возникали войны, которые в большинстве случаев кончались вничью.

Южные славяне возвращались к себе на юг, сообщая всем по дороге:

— Здорово мы отколотили северных славян. Больше не сунутся с данью к нашим хазарам.

Северные же славяне всем по дороге рассказывали:

— Ну и отдубасили мы южных славян!

Будут знать, как платить дань нашим варягам!

В конце концов славяне всех стран света так перессорились между собой, что вмешательство иностранных государств стало необходимым.

Славяне не стали ждать, пока чужеземцы придут в их страну, и сами позвали их к себе.

— Так-то почетнее будет! — сказали умные славяне.

И отправили к чужеземцам послов.

III
ПРИЗВАНИЕ ВАРЯГОВ

Летописцы на основании не дошедших до нас рукописей так рассказывают о призвании варягов.

Славянские послы обулись в праздничные портянки и самые модные для того времени лапти.

Брюк в то время еще не носили. Даже князья, управляя своими народами, оставались без брюк при исполнении своих княжеских обязанностей.

На плечи послы накинули по звериной шкуре. Взяли по котомке с хлебом и отправились к варягам.

Пришедши к варягам, послы потихоньку заглянули в шпаргалки, которые на всякий случай носили в кармане, и выпалили из Иловайского: «Земля наша велика и обильна, но порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами».

За знание истории варяги поставили послам пять, а потом приступили к деловому разговору.

— Зачем вам порядок? — спросили варяги.

Послы переглянулись и почесали затылки. Видио было, что к этому вопросу они совершеино не были подготовлеиы.

— Да как же без порядка? — стали они мямлить. — Нужен порядок...

— Зачем же иужеи?

— Для порядка, значит, нужен. Сами знаете, без порядка какой же порядок?

Варяги засмеялись.

— Ну хорошо, — сказали они, — порядок иужен для порядка. А земля ваша действительно велика?

Послы оживились.

— Велика?! Ишь ты, чего захотели! Это только для красиого словца говорится. Куренка, к примеру сказать, и того выпустить некуда. Сейчас его либо половчанин схватит, либо хазарин унесет, либо к вашей милости на сковороду попадет. Совсем безземельные...

— А земля ваша действительно обильна?

— Обильиа ссорами.

Заметив, что слова эти произвели на варягов иехорошее впечатление, послы бросились в ноги и завопили:

— Ваши благородия! Не оставьте иас, сирот. Вы наши отцы, мы ваши дети. Приходите учить иас уму-разуму.

После иебольшого колебания варяги согласились принять власть над славянами.

Три брата — Рюрик, Синеус н Трувор — с дружинами пошли к славянам.

Рюрика приняли с удовольствием.

— Хоть и не Рюрикович, — говорили про него послы, — но его потомки будут Рюриковичами.

Синеуса приняли благосклонно.

— Усы выкрасим, — решили послы, — и он сделается Черноусом.

Но насчет Трувора возникли преиия.

— Пойдут от него Тру-воровичи, — говорили послы, — а мы люди робкие. Раструворуют нашу землю самым лучшим манером.

Но варяги шутить не любили, и пришлось уступить.

От Труворовичей и пошли на Руси интендаиты, приказные, хожалые.

IV
ОЛЕГ

Самым популярным из первых князей, попавших в историю, сделался Олег, впоследствии князь киевский.

О взятии этим князем Киева летописец Нестор, со слов очевидца Иловайского, рассказывает следующее:

— Вот мой документ.

При этих словах Олег поднял над головой своей малолетнего Игоря, сына Рюрика.

Аскольд и Дир хотели сказать Олегу, что в Киеве мальчик не только документом на княжение, но и простым метрическим свидетельством служить не может.

Но прежде чем они успели открыть рты,

Олег приказал убить их и похоронить на Аскольдовой могиле.

После этого Олег любезно осведомился у киевлян:

— Кому платите дань?

— Прежде платили хазарам.

— А теперь мне будете платить.

Киевляне почесали затылки и робко сказали:

— Но хазары могут прийти и побить нас.

Олег рассмеялся.

— Эка важность, что побьют. Побьют и устанут, а потом уйдут.

Киевляне увидели, что князь рассуждает логично, и решили:

— Будем платить ему дань.

Киев так понравился Олегу, что в порыве восторга он приказал ему:

— Будь матерью городов русских!

Сказав эти слова, Олег поселился в Киеве.

Киев же, несмотря на свою явную принадлежность к мужскому роду, не посмел ослушаться грозного князя и стал матерью.

Вскоре Олег покорил много народов — своих и чужих.

Однажды он подплыл на своих ладьях к самому Царьграду и, улучив удобную минуту, прибил свой щит к вратам города.

Греки на следующий день долго ломали головы, не зная, кто мог это сделать и зачем?

Наконец они догадались:

— Должно быть, у этого доброго человека было два щита и один из них он тайно принес нам в дар.

И они решили остаться со щитом.

И еще много блестящих войн вел Олег, и еще много земель он завоевал.

Вообще, этот воинственный князь не признавал чужой собственности н вещи свонх соседей счнтал свонми, за что н был назван Вещим.

О смерти Олега существует прекрасная легенда.

Один кудесник предсказал, что князь умрет от своего любнмого коня. Олег велел по-прежнему кормнть коня, но больше на него не саднлся. По возвращении из похода князь спросил:

— А где мой любимый конь?

Шталмейстеры смутились и ответнлн:

— И... н... издох!

Смущение показалось подозрительным Олегу.

— Хочу видеть его кости, — лукаво усмехнувшись, сказал князь. — Шкуру его я видел... на другом коне!

Шталмейстеры повели Олега на какой-то курган, с которого его прннеслн обратно мертвым. Последнее слово князя было: «Змея!»

Из этого историки делают заключение, что Олег умер от укуса змеи.

Но опытные чиновники и киевские ннтенданты только улыбаются наивности исторнков и объясняют ннцидент с конем несколько иначе...

Греки под щитом Олега.

V
ИГОРЬ

Преемником Вещего Олега был Игорь.

Этот князь был большим неудачником, и ни в чем ему не везло.

Он воевал с печенегами, но последние оказались воинами храбрыми, и князь Игорь терпел неудачи.

Предпринял поход на Византию, но неудачно. Греки укрылись под щитом Олега и оттуда поражали стрелами Игорево войско.

Вынужденный заключить мир с греками, он заключил его неудачно. Греки и русские поклялись сохранить мир до тех пор, пока будет сиять солнце и стоять мир. Но вскоре солнце перестало сиять, так как наступила осень, а миры перестали стоять и начали вертеться вокруг своих осей, и война снова грянула.

Поехал князь собирать дань, но и тут ему не повезло. Подчиненные народы отказались платить дань, а древляне привязали его к вершинам двух пригнутых к земле деревьев и отпустили деревья.

Его разорвало пополам, вследствие чего он умер.

После смерти Игоря жена его Ольга и малолетний сын Святослав остались без всяких средств к жизни, ибо дани он не собрал, а киевское княжество не могло считаться «средством к жизни».

В самом деле, какие это были «средства»? Кто хотел, мог подплыть к стенам города и приказать:

— Платите мне дань!

И киевляне платили бы.

VI
ОЛЬГА

Оставшись вдовой с малолетним сыном на руках, княгиня не растерялась и объявила киевлянам:

— Буду вами править!

— Правь, — равнодушно ответнли киевляне.

Ольга начала княжить именем сына...

VII

СВЯТОСЛАВ

Еще при Ольге стал княжить ее сын Святослав. Это был очень храбрый князь: он потерпел поражение от самого Цимисхия, императора византийского.

У воинственного Святослава был только одии иедостаток: он не мог хранить воеиных тайн. Так, например, отправляясь в поход, ои так громко кричал: «Иду на вы! Иду на вы!» — что в коице концов эти крики достигали ушей неприятеля и последний начинал принимать меры против внезапного нападения.

Наступал он, как свидетельствует летописец, с быстротою барса. И не отступал с быстротою Каульбарса.

В поход не возил с собой ни возов, ни коров, ни салон-вагонов. И ии в каких случаях он ие терял голову.

Одиажды рать Святослава окружило сто тысяч греческих воинов. Святослав не растерялся, а сказал своей дружине:

— Ляжем костьми. Не посрамим земли русской.

Сказав эти слова, князь действительно всеми костьми лег на землю.

— Где твоя голова ляжет, — воскликнула дружина, — там и мы свои сложим!

И, отыскав голову князя, дружина положила рядом с ней свои головы.

Так они пролежали до тех пор, пока греческое войско не было побеждено и бежало в панике.

В конце концов Святослав был вынужден заключить мир с греками. Заключив мир, Святослав пожелал иметь свидание с императором Цимисхием.

Историк Лев Дьякон (он был впоследствии рукоположен во священники) так описывает это свидание: «Иоанн Цимисхий, весь в золотой оправе, подъехал на коне к берегу Дуная. Вскоре показался в лодке весь осыпанный драгоценностями Святослав. На нем было деревянное весло, чуб и золотая серьга».

Цимисхий хотел поговорить со Святославом об иностранной политике, но раздумал и спросил:

— Хорошо у вас в нынешнем году рожь уродилась?

— Благодарим покорно! — ответил Святослав. — Рожь неважно уродилась. Да и на рогатый скот ящур.

Цимисхий сочувственно покачал головой.

По дороге в Киев Святослава и его дружину перерезали печенеги. Напав на Святослава, печенеги не знали, на кого они напали.

Когда печенежский князь потом узнал, что то был сам Святослав, то три дня дрожал со страха.

VIII
ВЛАДИМИР КРАСНОЕ СОЛНЫШКО

Сначала Владнмир был князь как все. Воевал, пил, пировал, вообще вел себя по-княжески. Но с течением времени он все больше и больше стал отказываться от княжеских привычек и стал добр и ласков.

Еще больше изменился он после того, как крестил свой народ.

Летописец Нестор рассказывает об этом так:

Миого миссионеров из разных городов понаехало в Киев.

Первыми, коиечио, приехали евреи.

— Ваша страна где находится? — спросил их Владимир.

— Страны у нас нет, — ответили евреи. — У нас только есть черта оседлости.

— А где ваша «черта оседлости»?

— Там, где угодно министрам виутренних дел. Теперь наша «черта» — Вильно, Ковно, Бердичев...

— А Киев?

— Киев вие «черты». Впрочем, министр внутренних дел...

Владимир не дал евреям договорить.

— Не хочу я быть зависимым от министра внутренних дел. Идите с богом.

Пришли магометане. Владимир предложил им водки и закуску.

— Выпейте с дороги! — ласково предложил Владимир. — Выпейте и закусите ветчинкой. Водка своя, без акциза. Ветчина от собственной свиньи, свежая.

— Наша религия запрещает нам пить вино и есть свиинину, — ответили магометане.

— Вот как!

Владимир задумался и сказал:

— Идите с богом. Без свинины и водки — мы погибшая страиа.

Не успели уйти магометаие, как пришли католические патеры, которые в первый день своего приезда увеличили вдвое иаселение Киева. Владимир велел им тоже убраться.

Последними пришли миссионеры греческие, и что было дальше, всем известно.

Всех идолов Владимир приказал уничтожить. У Перуиа к тому времеии выросли золотые усы, и он был идолом в полиом соку.

Это не спасло его от смерти. Бедного Перуна утопили.

Народ же киевскнй, несмотря на открытый переход в христианство, в душе еще долго оставался язычником. Миогие из инх тайио отправлялись иа поиски иесчастного Перуна н других богов.

Это были первые богоискатели на Руси.

Отчаявшись в понсках Перуиа, некоторые из богонскателей взяли топор, пилу и рубаиок и принялись строить нового Перуна.

Это были первые богостронтели на Руси.

Владнмира в народных сказках называют «ласковым», «милостивым» н «Красным Солнышком».

По-вндимому, в те времена солнце было запрещенного красного цвета, а не благонадежно желтого.

IX
ЯРОСЛАВ МУДРЫЙ

До Ярослава княжил брат его Святополк. По обычаю своего времени Святополк начал с убийства братьев, желая заслужить уважение народа.

Но ему не повезло!

Потому ли, что он перехватил меру, убив слишком много братьев; потому ли, что убийство брата перестало быть оригинальным и вышло из моды, но Святополк уважения не снискал, а, наоборот, его прозвали Окаянным.

Единственный брат, оставшийся в живых, Ярослав, прогнал с престола Святополка и сам стал княжить.

Ярослав имел некоторую склонность к крамоле. Женил сына на француженке. Дочь выдал за венгра. С инородцами не расставался.

Кончил он тем, что сочинил законы, которые собрал и напечатал в губернской типографии под названием «Русская правда».

Министров юстиции тогда еще не было, и судьи имели полную возможность судить по существующим законам. Но судьи были истинные патриоты. Они поняли, какой вред могут принести патриотическим идеям писаные законы, и за небольшое вознаграждение они стали показывать, как можно обходить законы.

Один из судей, Шемяка, впоследствии на этом составил себе имя и сделался родоначальником целого поколения шемякинцев.

Через несколько лет «Русской правде» исполнится 1000 лет, и большая группа юристов

собирается отпраздновать с помпой тысячелетие обхода писаных законов.

Перед смертью Ярослав учредил дошедшее до нас и столь популярное теперь Удельное ведомство.

За это он был прозван Мудрым.

X
ВЛАДИМИР МОНОМАХ

Лишь только сошел в могилу Ярослав Мудрый, как истребленные печенеги под видом половцев начали совершать набеги на русскую землю.

В Киеве на столе сидел Всеволод I, который, как все Всеволоды, никаким умом и талантом не отличался.

Киевляне давно уже хотели снять Всеволода со стола и посадить на стул, но не сделали это из уважения к его сыну Владимиру Мономаху.

Князья в это время не переставали ссориться. Был один князь Василько, который не хотел ссориться ни с кем, и это страшно возмутило князей.

— Это ие по-товарищески! — с негодованием говорили князья. — Все ссорятся, а он один не хочет ссориться!

— Белоручка! Лентяй! От ссоры отлыннвает!

Одии из князей, Давид, не вытерпел и, пригласив к себе в гости Василька, выколол ему глаза.

— Теперь ступай! — сказал Давид, отпу-

Несколько лет пришлось снова Владимиру Мономаху сидеть на стуле и ждать, пока новый князь ляжет на стол.

ская Василька. — Не поминай лихом. Кто старое помянет, тому глаз вон...

Узнав про это, Владимир Мономах пришел в страшный гнев и приказал отнять у Давида его удел.

Оставшись нищим, Давид открыл ресторан, известный и доиыие под названием «Давидка».

Между тем Всеволод Первый, несмотря иа свою бездарность и неумение княжить, умер.

На киевский стол сел Святополк Второй. Несколько лет пришлось снова Владимиру

Мономаху сидеть на стуле и ждать, пока новый князь ляжет на стол.

Когда это случилось, Владимир Мономах начал княжить в Киеве.

Любимым занятием князя было бить половцев и поучать делать добро. Однажды он разбил половецкое войско и взял в плен князя их Бедлюза. Владимир сказал ему:

— Почему вы не учите своих детей быть милосердными, честными и не проливать крови?

И велел разрубить Бедлюза на части.

Других пленников, поучив добродетели, Владимир Мономах также приказал рассечь на куски.

Он же является продолжателем законодательной работы Ярослава Мудрого, причем он внес в «Русскую правду» много изменений. Главнейшие изменения были следующие:

1) за убийство из мести был установлен штраф, как нынче за неверное сведение в газете.

Но штраф был до того ничтожный, что самый бедный человек, лишенный возможности ежедневно обедать, мог позволить себе дважды в день совершить убийство из мести;

2) убийство пойманного вора не считалось убийством, но ворам закон запрещал попадаться, и воры никогда не обходили закон;

3) процентов можно было взимать не больше ста, то есть приблизительно вдвое меньше, чем в нынешних банкирских конторах;

4) уличенный в игре на бирже или в имении онкольного счета[29] подвергался потоку и разграблению.

Дети Мономаховы следовали поучению отца.

Владимир Мономах не был чужд и литературы. Пред смертью он написал «Поучение своим детям».

В поучении он сначала рассказывает о своих подвигах. «Был, — пишет он, — на коне и под

конем. На коне хорошо, а под конем плохо. Медведь однажды прокусил мое седло, от чего оно тут же в страшных мучениях скончалось, не оставив потомства. 83 раза меня бодал лось и метал на рогах буйвол. Живите поэтому, дети, в мире и любви».

Далее Владимир Мономах поучает детей: «Не забывайте убогих, сирот, вдов».

Дети Мономаховы, послушные отцу, всю жизнь не забывали вдовиц.

XI
И ПРОЧИЕ

После Владимира Мономаха князья забастовали.

— Не хотим быть талантливыми! — заявили князья. — Слава богу, не иноземцы.

Когда какой-нибудь князь начинал проявлять признаки даровитости, остальные князья объявляли его штрейкбрехером и подсылали к нему убийц.

Так был убит обвиненный в талантливости Андрей Боголюбский. Этот князь был более себялюбив, чем храбр, и стремился больше к завоеванию своих народов, чем чужих. С чужими народами он часто обращался по-человечески, в особенности с теми, которых ему не удалось завоевать. Со своими же народами он не церемонился, что его нынешние потомки Петр и Павел Долгорукие, принадлежа к конституционной партии, тщательно скрывают.

Остальные князья (а с каждым годом их становилось все больше и больше) проводили время в ссоре друг с другом и в придумывании себе приятных сердцу кличек. Один иазвал себя «Храбрым», другой — «Удалым», третий — «Отчаянным», четвертый — «Бесстрашиым», пятый — «Богатырем» и т. д.

Народ не мешал князьям ссориться, так рассуждая:

— Чем больше киязья будут заняты ссорами, тем меиьше будут заииматься иашими делами.

Тогда еще не существовала пословица: «Паны дерутся, а у хлопцев чубы трещат».

Чубы трещали у ссорившихся князей. Суздальские князья трепали чубы владимирским князьям; владимирские — суздальским. Киевские князья трепали чубы и тем и другим, а в свою очередь подставляли чубы новгородским киязьям. Ростовские князья долгое время ходили без работы, ио потом присоединились к суздальским князьям, вместе с ними трепали чужие чубы или давали трепать свои.

Миого киязей от чуботрепаиия за весьма короткое время облысели, как колено, и сделались родоначальииками иынешних балетоманов.

Не мешал также народ киязьям называться «Удалыми» и «Бесстрашными».

— Пусть называются, — говорил, улыбаясь, народ.

И добавлял добродушно:

— Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не рубило головы.

Самая крупная ссора произошла между

Торжком и Новгородом из-за Макарьевской ярмарки.

Торжок, славящийся своей обувью, ни за что не хотел приезжать на ярмарку.

— Если ты ходишь без сапог, — говорил Торжок, — то и приезжай ко мне. Обую. А таскать свой товар к тебе не стану. Сапоги вещь нежная и самолюбивая. Принесешь деньги, возьмешь сапоги.

Но Новгород ни за что не сдавался.

— При мне, — говорил он, — деньги, при тебе товар. Хочешь получить деньги, потрудись ко мне на ярмарку.

Сторону сапог приняли князья Ярослав и Юрий, а за Новгород вступился Мстислав Удалой.

Понятно, что раз вмешались князья, война стала неизбежной.

Макарьевская ярмарка одержала верх над сапогами и обратила их в бегство. Князь Юрий, ставший грудью за сапоги, еле спасся в одной рубашке. Торжок смирился и в знак покорности стал величать Новгород «господином». Потом это вошло в обычай, и все, обращаясь к Новгороду, говорили:

— Господин Великий Новгород!

И на простой, и на заказной корреспонденции Новгороду писали на конверте: «Его Высокоблагородию господину Великому Новгороду». После чего следовали наименования улицы и дома.

Князей с «именами» у новгородцев не было, и в историю пришлось принимать всех.

XII
ВЕЧЕ

Существует легенда, что Новгород управлялся вечем.

По словам легенды, к слову сказать, нн на чем не основанной, управленне происходило так.

Посреди города на площади висел колокол. Когда у новгородцев появлялось желание посчитать друг другу ребра и зубы, они приходили иа площадь и принимались звонить в колокол.

Моментально площадь покрывалась народом. Ремеслеиники, купцы, приказные, даже женщины и дети бежали на площадь с криком:

— Кого бить?

Вмиг начиналась всеобщая, прямая, равная, тайиая и явная потасовка.

Когда драка переходила в поножовщину, князь высылал своих людей и разнимал дерущихся.

Очень часто, говорит легенда, доставалось самому князю.

Возмущенные нарушением своих прав — свободно сворачивать друг другу скулы, — новгородцы кричали князю:

— Уходи, ваше сиятельство! Не мешай свободиым людям ставить друг другу фонари!

Но князь не уходил, а уходили с площади сами новгородцы.

— Уходим потому, что сами так хотим! — говорили гордо новгородцы. — Не захотели бы и не ушли.

— Ладно! Ладно! — отвечали князевы люди, подбадривая новгородцев ударами в спину. — Поговорите еще...

Действительно ли существовало когда-либо в Новгороде вече, трудно установить. Иностранные ученые склонны думать, что вече существовало.

— Но, — добавляют они, — звонить в вечевой колокол имел право только князь Новгородский, а чтобы никто из новгородцев не мог звонить в колокол, возле него был поставлен городовой.

МОНГОЛЬСКОЕ ИГО

I

Однажды на Руси раздался крик:

— Халат! Халат! Шурум-бурум! Казанскэ мылэ!..

Русские побледнели.

— Что бы это значило? — спрашивали они, перепуганные, друг друга.

Кто-то, стуча от страха зубами, догадался:

— Это нашествие татар...

Как бы в подтверждение этих слов еще резче, еще громче прозвучало:

— Халат! Халат! Казанскэ мылэ!

Россияне переполошились.

— Надо сообщить князьям.

Побежали к князьям, которые в эту минуту были заняты весьма важными государственными делами. Мстислав Галицкий только что запустил обе руки в волосы Мстислава Черниговского и старался пригнуть его к земле. Мстислав Черниговский не имел времени обороняться, так как обе руки его были заняты в драке с Мстиславом Киевским. Мстислав Киевский со своей стороны отражал удары Мстислава Черниговского и в то же время

...еще громче прозвучало: — Халат! Халат! Казанскэ мылэ!..

старался сесть верхом на Мстислава Галицкого.

Насилу разняли князей и сообщили о нашествии татар.

— Эх, косоглазые черти! — выругались князья. — И подраться как следует не дали. А драка так хорошо наладилась.

Однако делать было нечего. Нужно было немедленно принять экстренные меры.

— Халат! Халат! — уже совсем близко послышался татарский боевой клич.

— Ишь заливаются! — с досадой проворчали князья. — Должно быть, сам Темучин[30] так старается.

Князья сели совещаться.

— Я придумал! — сказал князь Галицкий.

— Что придумал?

— Придумал верное средство против татар.

Князья стали торопить его говорить скорее.

— Скажу, — сказал князь Галицкий, — но с условием.

— С каким условием? Говори скорее.

— С таким условием, чтобы на это средство мне одному был выдан патент.

— Хорошо, пусть так. Какое же это средство?

Князь Галицкий откашлялся и сказал:

— Я предлагаю, чтобы на воротах каждого города сделать надпись: «Татарам и тряпичникам вход воспрещается». Посмотрят татары на надпись и отойдут не солоно хлебавши. Нравится вам моя мысль?

Князья задумались.

— Нравится-то нравится, — заговорил первый князь Киевский, — да закавыка вот в чем...

— В чем?

— Закавыка в том, на каком языке сделать надпись?

— Конечно, по-русски!

— Тогда татары не поймут и будут продолжать наступление.

— В таком случае по-татарски.

— А по-татарски у нас никто не грамотен.

Пришлось отклонить совет князя Галицкого.

— Придется воевать, — печально заметил князь Киевский.

— Да, ничего не поделаешь, — согласился князь Черниговский. — Что ж, драться для нас дело привычное.

— Так то драться, а то воевать, — сказал князь Галицкий. — Это две большие разницы.

Решено было соединиться силами и пойти навстречу врагу.

II
БИТВА ПРИ РЕКЕ КАЛКЕ

Перед битвой татары прислали к русским князьям послов.

— Мы вас не тронем, и вы нас не трогайте, — сказали послы. — Мы пришли наказать половцев. Они у нас служили в конюхах и ушли, не предупредив, как полагается по закону, за две недели вперед. Кроме того, еще уздечку украли... Не мешайте нам их проучить.

Князья, услышав это, подумали:

«Ага, испугались нас, проклятые басурмане!»

И, сразу осмелев, ответили:

— Знать вас не хотим! Убирайтесь лучше, пока целы.

Некоторые из воевод подняли полы свои, скрутили из них свиное ухо и, показывая его татарским послам, дразнили их:

— Хотите свинины?

Послы от свинины отказались, и их убили, а князья с войском двинулись вперед.

На реке Калке встретили татар.

— Стройся! — скомандовал князь Киевский.

Воины стали строиться. Это сильно задело князя Галицкого.

— Почему он первый стал командовать? — разозлился он. И назло князю Киевскому он скомандовал:

— Ружья вольно!

— На пле-е-чо-о! — скомандовал назло

Киевскому и Галицкому князьям киязь Черниговский.

Татары в это время выстроились и стали готовиться к нападению.

— Вперед! — приказал князь Киевский.

— Налево ма-арш! — назло приказал князь Черниговский.

— На-а-право!!! — назло обоим отдал приказ во весь голос киязь Галицкий.

Послушное войско сделало шаг вперед, потом шагнуло налево, потом направо и остановилось.

Татары началн наступление.

— Пли! — раздался голос князя Волынского.

— Я тебе покажу «пли»! — злобно прошептал князь Кневскнй, и зычно прозвучал его голос:

— В штыкн!

— Закидай шапками! — прозвенел голос князя Галицкого.

Войско не знало, что делать, н поминутно хваталось то за штыки, то за шапки, то за курки.

Прежде чем князья успели отдать в третий раз команду, татары разбили войско и захватили их самих в плен. Проголодавшиеся татары положили их под доски и селн на них обедать. Было скверно под досками. Татары елн много и к концу обеда так отяжелели, что кости у князей хрустели под их тяжестью.

— Ты виноват! — прошипел князь Волынский князю Киевскому. — Ты скомандовал «в штыки», когда я скомандовал «плн»! Эх ты, Суворов!..

— Нет, ты виноват! — свирепо ответил князь Киевский. — Ты должен мне повиноваться, потому что Волынь числится в Киевском генерал-губернаторстве, а не Киев в Волынском.

— Вы все виноваты! — еле выдавил из себя князь Галицкий. — Разве можно было командовать «налево», как это сделали вы? «Направо» нужно было.

— А ты помалкивай! — посоветовал князь Волынский. — Тоже Наполеон выискался...

III
НАШЕСТВИЕ БАТЫЯ

Истощив все казанское мыло и другие съестные припасы, татары ушли обратно в Азию.

— Больше не придут! — уверенно заявнлн новые князья.

— А почему не прндут? — спрашнвалн скептики.

— Так. Нечего им тут больше делать.

— А может быть, снова захочется воевать?

— Не захочется.

Люди благоразумные советовали:

— Укрепиться бы нам теперь как следует. Подготовиться по-людскн. А то снова придут н голыми руками возьмут нас.

Но князья и слышать не хотелн.

— Наши отцы и деды жили неподготовленными к войнам, и мы проживем!

Нашлись люди, которые доказывали, что так жить нельзя, но людей этих сажали в тюрь-

мы, а газеты, в которых они работали, штрафовали или совсем закрывали.

Тринадцать лет татары ждали, чтобы русские приготовились к войне, но, не дождавшись, со злости снова двинулись на Русь.

На этот раз татары приехали со всеми семействами, родственниками и знакомыми.

— Всем тут места хватит! — любезно говорил Батый, новый начальник татарской орды.

Князья снова собрались на совещание, но, пока они совещались, Батый воевал. И в тот день, когда князья выработали блестящий план защиты, он оказался уже излишним, так как все земли русские уже были в руках Батыя.

— Опоздали малость! — говорили с досадой князья. — Не могли подождать, косоглазые дьяволы!

В битве каждое княжество показывало чудеса храбрости и презрение к смерти. Батый после каждой битвы с изумлением говорил своим приближенным:

— Этаких храбрецов в жизни не видал! Если бы мы хоть наполовину были так храбры...

Один Евпатий Коловрат, рязанский Поддубный, перебил половину татар и не успел перебить второй половины только потому, что не вовремя был убит татарином.

Под Новгородом татары потеряли почти все войско и после больших усилий взяли его приступом. Покорение Киева обошлось татарам так дорого, что Батый воскликнул:

— Еще одна такая победа, и я останусь без войска!

Взяв Волынь, Батый увидел себя одного, без

воинов, так как все пали в битве. Он стоял, окруженный многочисленными семействами татар.

— Чем я их кормить буду? — задал себе вопрос Батый. И, схватившись за голову, закричал: — Вар, Вар, отдай мне мои легионы!

Несмотря, однако, на отчаянную, почти нечеловеческую храбрость, которую оказали русские, татары победили их и, обложив приличной данью, отправились в Венгрию и Польшу. Но в Моравии татары встретили трусливое и никуда не годное войско, и Батый, потерпев страшное поражение, возвратился назад.

Про осаду Киева, между прочим, рассказывают следующее:

Перед тем как отправиться на приступ, Батый отдал приказ:

— Женщины и дети, орите!

Женщины и дети подняли такой гвалт, что киевляне как бы оглохли и не слышали шума от приступа. Сами же татары заложили уши ватой и стали на стены лезть. Потом начали разбивать ворота бревнами. Но бревна разбивались, а ворота оставались целы и невредимы.

Тогда Батый приказал:

— Достаньте мне несколько членов Союза русского народа.[31]

С опасностью для жизни татарским удальцам удалось достать из-за стен несколько союзников. Батый приказал употребить их в дело вместо бревен. Не прошло и часа, как союзные лбы превратили киевские ворота в решето.

Батый велел выдать союзникам по рублю и по чарке водки.

— Теперь можете идти, — сказал он, когда ворота были разрушены.

Но союзники пожелали остаться у татар.

— Вы погромщики, и мы погромщики, — сказали они татарам. — Мы отлично сойдемся.

А Батыю они сказали:

— Будь нашим Дубровиным![32] Вместе будем собирать дань и не давать отчета!

Батый согласился.

После этого Киев был разграблен и, подобно толмачевской Одессе,[33] превращен в груду развалин.

IV

ЗОЛОТАЯ ОРДА

Князья думали, что Батый, повоевав, уедет обратно в Азию и займется снова торговлей. Но Батый не поехал в Азию, а построил себе сарай и поселился в нем. Князья стали ездить в сарай иа поклон.

Сначала им это было неприятно.

— Сидят какие-то халатники, — рассказывали князья, — а ты им кланяйся.

Но с течением времени они привыкли и даже решили, что ездить в сарай выгодно. Поклонишься ниже хану, а он за это тебя наистаршим сделает. А принесешь подарочек, и всех твоих врагов в порошок сотрет.

Действительно, татары были очень падки на подарки и любили, чтобы им кланялись пониже.

Вот что рассказывают про посещение татарского хана Даниилом Галицким.

Сначала Даниил хотел свергнуть татарское иго и заменить его папским игом.

«Хочу быть католиком, — писал папе Даниил Галицкий. — Спаси меня от татар, и я со своим народом перейдем в католичество».

Папа обрадовался, прислал Даниилу королевскую корону и обещал молиться.

К сожалению, татары по своему невежеству больше боялись хорошо вооруженных людей, чем молитв, и ига своего с русских не сняли. Папа стал проповедовать крестовый поход. Но и тут тоже не имел успеха.

Тогда Даниил сказал:

— Два ига нести не хочу.

И написал папе, что раздумал переходить в католичество.

— Так отошли королевскую корону! — потребовал папа.

— Никакой короны я у вас не брал, — ответил Даниил. — Не знаю даже, про что вы говорите.

Так, в первый раз, папа римский помолился даром.

Даниил же стал ездить в орду. Вот как описывают его первое путешествие.

Въехав в сарай, Даниил увидел кумысное заведение. На вывеске были нарисованы кобыла и жеребенок, под которыми красовалась надпись: «Батый и сын».

Князь понял, что это заведение принадлежит самому хану, и вошел в него.

— Данило, — сказал Батый, — отчего ты так долго к нам не ехал?

— Не знал, где вы живете, — ответил Даниил.

Батый промолчал.

— Кумыс пить будешь? — спросил хан.

— Буду, — ответил Даниил. — Врачи велели пить. Если недорого возьмешь, буду у тебя пить.

Батый подал бутылку кумыса.

— У меня лучший кумыс, — похвалил он. — Попьешь его и поправишься.

— Пойду теперь к ханше, — сказал Даниил.

— Иди, — сказал Батый.

Ханша приняла ласково князя, дала поцеловать ручку и с обворожительной улыбкой сказала:

— Купи, князь, халат!

Князь купил несколько халатов и выдал чек на государственный банк. Ханша повертела чек в руках и сказала:

— Не привыкли мы к этим бумажкам. Лучше уступлю немного, но чтобы на наличные.

Князь заплатил наличными.

Двадцать пять дней пробыл в орде Даниил. Здоровьем он очень поправился и халатов накупил тьму. Но грусть не сходила у него с лица.

— Не люблю татар, даже кумысом угощающих и халаты продающих! — говорил князь.

Перед отъездом Батый крикнул ему:

— Кланяйся Шахтахтинскому! Что он теперь делает?

— Кажется, в «Новом времени»[34] пишет, — ответил князь.

— Кланяйтесь Максудову! — попросила ханша. — Все еще в кадетской фракции?

— Все еще там.

— Бедный, — пожалела хаиша. — Я всегда думала, что он карьеры не сделает.

Даниил Галицкий по приезде домой с горя разбил литовцев и поехал в гости к венгерскому королю.

После него князья еще долго продолжали ездить в батыевский сарай. Татары отлично торговали.

V

ДАНЬ

Часто, не меньше одного раза в год, татары присылали своих послов собирать с русских дань.

Послы (баскаки) ходили по дворам и брали все что плохо лежало, ничем не брезгуя. Увидят веревочку — и веревочку берут; увидят хорошо или даже плохо испеченный хлеб — и сейчас в торбу.

Баскаки очень не любили, когда им не позволяли брать того, что им нравилось, — и убивали скупых.

Русские, по свойственному им добродушию, смотрели на шалости татар сквозь пальцы.

— Пусть берут, если им нравится, — говорили русские. — Им, вероятно, нужнее, чем нам.

А когда баскаки нечаянно спроваживали кого-нибудь на тот свет, народ только удивлялся и говорил:

— Берут хлеб — это еще понятно: хлеб

можно съесть и насытиться. Но жизнь наша им зачем? Разве выручишь что-нибудь за человеческую жизнь? Чудаки эти татары! Берут вещь, которая им никакой пользы принести не может.

В первые годы татары сдали русские земли в аренду откупщикам. Но потом князья стали собирать дань для татар.

Больших барышей князья не получили, но в убытках тоже не были.

VI

АЛЕКСАНДР

В то время прославился новгородский князь Александр.

— С татарами нам не справиться! — сказал этот воинственный князь. — А бить кого-нибудь надо. Начнем бить шведов и ливонских рыцарей.

— На безрыбье и рак рыба! На бесптичье и Бальмонт соловей! — согласилась дружина.

Ливонские рыцари жили тогда недалеко от шведов. Это был храбрый народ, который воевал, молился и интриговал.

При посвящении в рыцари посвящаемого клали на землю и обшивали толстой железной броней с ног до головы. Возле рта только оставалось отверстие, через которое рыцарь принимал пищу. Рыцари становились совершенно похожими на паровики, с той только разницей, что паровики приносили пользу, а ливонские рыцари никакой пользы не приносили.

Рыцари никогда не вступали в брак, но

с каждым годом население их увеличивалось и немало ливонят бегало в домах самых строгих рыцарей.

— Это нам бог посылает за благочестие, — говорили набожные рыцари.

Узнав о тайном решении Александра побить их, рыцари высадились на Чудское озеро и построились там свиньей.

Александр, увидев это, перехитрил их, построив свое войско свинобойней. Ливонцы потерпели поражение и побежали.

Еще бóльшую победу одержал Александр над шведами.

Под начальством Биргера шведы высадились на южном берегу Невы.

Шведская партия в Финляндии, а также Лео Мехелин[35] и сам Свинхувуд[36] вошли в тайные сношения с Биргером.

Александр не дал врагам соединиться, напал на шведов и победил их.

МОСКОВСКОЕ КНЯЖЕСТВО

I

С первого дня своего основания Москва была кадетскою, так как была основана одним из лидеров этой партии князем Долгоруковым[37], по директиве ЦК.

Но мало-помалу она правила. Сначала перешла к октябристам, которые сильно принизили ее значение. Потом Москвою завладела Торгово-промышленная партия[38], представителем которой в то время был Иоанн Калита.

Прозвали его Калитой за то, что он постоянно ходил с открытым кошельком (калита) н каждую минуту туда что-нибудь опускал. Увидит, что какой-нибудь князь зазевался, а Калита уже тут как тут и хлоп его землю в калиту. Рассердится хан на сборщика дани и велит отрубить ему голову, а Калита сейчас к хану:

— Буду собирать вместо него дань.

Был даже слух, что для увеличения свонх доходов Иоанн Калита играл на бирже.

Тратил Иоанн Калита очень мало, так как

был скуп и берег деньги. Его любимой поговоркой было:

— Я не Ротшильд. Мне иужны деньги иа дело.

На накопленные деньги Иоанн строил дома и украшал Москву. Для привлечения жителей в Москву были построены Художествеиный театр, Станиславский и Федор Шаляпин.

Сыновья Иоанна Калиты уже были полиовластиыми хозяевами всей Руси и обращались свысока с удельными князьями.

Особенно прославился внук Иоанна Калиты — Дмитрий Донской.

II

КУЛИКОВСКАЯ БИТВА

Дмитрий Донской задумал свергиуть татарское иго...

Когда приехали татарские баскаки за данью, Дмитрий их любезно принял и вежливо спросил:

— Чем могу служить?

— За данью приехали, — ответили баскаки.

— За данью? За какой данью?

Баскаки баскакнули от удивления чуть не до потолка.

— За обыкновенной данью, — сказали они, начиная сердиться. — Хану деиьги нужны.

— Если хану деньги нужны, пусть идет работать. Всех нищих не прокормишь. Так и скажите хану. Кажется, Мамаем его зовут?

Баскаки повернулись к двери.

— Подождите, — сказал князь, — я забыл вас повесить.

Баскаки остановились и были повешены.

Когда Мамай узнал об этом, он так рассвирепел, что потерял дар слова и три дня только топал ногами.

Через несколько дней он собрал свою орду и пошел на Москву. Дмитрий Донской пошел ему навстречу.

Войска рвались в бой, горя желанием поколотить «сыроядцев».

Перед битвой князья стали умолять князя не рисковать жизнью, но Дмитрий Донской сказал им:

— Мне жизнь не дорога. Вот если бы моего любимца Михаила Бренка спасти от смерти!

Вдруг прекрасная мысль озарила голову Дмитрия Донского.

— Михайла! — позвал он Бренка.

— Что, князь, прикажешь?

— Сними с себя простое платье воина и надень мое дорогое великокняжеское платье. Пусть-ка татары осмелятся выстрелить в тебя!.. Я же надену твое.

Михаил Бренко пытался возразить:

— Князь, ведь в твоем платье я буду больше заметен...

— Делай, что тебе приказывают, — ответил князь.

Между тем татары бросились в бегство. Сам Мамай бежал впереди всех, выкрикивая неприятные для Магомета слова.

Реку, на берегах которой произошла знаменитая битва, в честь Дмитрия Донского назвали Доном.

III
СВЕРЖЕНИЕ ИГА

Однако нахальство татар не имело границ.

Несмотря на явное поражение на Куликовом поле, они ига своего не сняли, а, наоборот, усилили его.

Мамая сверг с престола Тохтамыш и сам стал править татарами. Мамай бежал в Крым, где был изловлен Думбадзе и выдан Тохтамышу.

Тохтамыш убил Мамая и пошел на Москву, чтобы наказать Дмитрия Донского.

Но Дмитрий Донской перехитрил глупого хана. Узнав о его приближении, он покинул Москву.

Свержение татарского ига произошло только через сто лет при помощи татар.

Случилось это при княжении Иоанна III, которому удалось поссорить двух ханов, Ахмата и Менгли-Гирея, так, что они друг о друге слышать не могли.

Крымскому хану Менгли-Гирею Иоанн как-то сказал:

— Знаешь, какой слух распускает про тебя хан Ахмат?

— Не знаю. Говори.

— Он говорит, что ты в молодости был в Ялте проводником и обирал московских купчих.

— Я — проводником?!

Менгли-Гирей покраснел от гнева.

— Я ему покажу, какой я крымский проводник. Трубите войну!

Крымская орда поднялась как один человек и пошла на Золотую орду.

Ордынскому же хану Иоанн сказал:

— Ты не знаешь, что говорит про тебя крымский хан Менгли-Гирей?

— А что он говорит?

— Он говорит, что ты в кумыс кладешь толченый мел, и уверяет, что не избежать тебе полицейского протокола!

— У меня кумыс с мелом? — И, кипя гневом, Ахмат закричал: — Орда, вперед!

Обсудив положение вещей, Иоанн по дороге пристал к Менгли-Гирею.

Долго искали противники реку. В те времена был обычай воевать только на берегах реки; это было то же самое, что теперь танцевать от печки.

Нашли наконец реку Угру и стали по сторонам. Менгли-Гирей с русскими на одном берегу, а Ахмат — на другом.

— А ну-ка, пожалуйте сюда! — грозно звал на свой берег Ахмат. — Мы вам покажем полицейский протокол!

— Ах, боитесь переправиться? — ехидничал Менгли-Гирей. — Милости просим. Мы вам покажем московских купчих!

— Так его! Так его! — подзадоривали Менгли-Гирея русские воеводы.

Иоанна подстрекали к битве и народ, и воеводы, и духовенство. Но Иоанн отвечал:

— Зачем драться, когда можно и так постоять. Над нами не каплет.

Потом начало капать — наступила осень. Обе армии раскрыли зонтики и продолжали стоять.

Пошли морозы. Обе армии надели фуфайки и теплые пальто и продолжали стоять.

— Посмотрим, кто кого перестоит! — говорили враги.

В один прекрасный день Ахмат и Менгли-Гирей увидели, что Угра стала.

«Что, если они переправятся по льду и разобьют нас?» — подумал с ужасом Ахмат.

«Что, если они переправятся по льду и разобьют нас?» — подумал, похолодев от страха, Менгли-Гирей.

«Надо спасаться!» — решил Ахмат.

«Надо бежать!» — решил Менгли-Гирей.

И обе армии пустились так быстро бежать друг от друга, что только пятки сверкали.

Таким образом, свержение ига обошлось без пролития крови и почти без участия русских войск.

ИОАНН ГРОЗНЫЙ

I

Весть о рожденни Иоанна Грозного как громом поразнла Москву.

Птицы и звери попрятались в лесах. Рыба со страху сделалась еще более мокрой и притаилась на дне океана.

Люди совсем потеряли головы и были этому очень рады, ибо рассуждали так:

— Иоанн Васильевнч все равно их отрубит. Лучше уж сами потеряем головы. Когда придут палачи, они останутся в дураках — нечего будет рубить.

Родившись, Иоанн Грозный осмотрелся кругом и спросил, метнув глазом на стонавшую родильницу:

— Это кто?

Ему ответили:

— Твоя мать. Она родила тебя.

Иоанн Грозный милостиво улыбнулся и сказал:

— Она прекрасно сделала, что родила меня... Но... — Грозный нахмурил брови. — Но... Мавр сделал свое дело, пусть Мавр

уйдет... Г-жа Глинская! Назначаю вас царской матерью. Теперь можете идти.

Елена поклонилась и удалилась в свои покои.

— А это кто?

Царь указал на женщину, возившуюся с пеленками.

— Акушерка. Она помогла тебе увидеть свет.

— Не люблю акушерок и зубных врачей.

Царь поморщился и велел отрубить голову акушерке.

Акушерка была очень рада, что так легко отделалась.

— Зачем акушерке голова? — рассуждала она вполне здраво. — Акушерке нужны только руки и инструменты.

Покончив с акушеркой, Иоанн Васильевич приказал спустить на народ московский несколько медведей.

— Остальные милости, — заявил при этом Грозный, — совершу после. Теперь беру отпуск на год. Править же московской землею будет мать и дяденька Телепнев-Оболенский.

После этих слов царь затворился со своей кормилицей и целый день не выходил.

II
ВОСПИТАНИЕ ИОАННА

Воспитание Иоанн Васильевич получил по Фребелю.[39].

В восемь часов утра он уже был на ногах и для развития мускулов делал гимнастику —

остроконечным жезлом бил своего стольника.

Потом приступал к гимнастике, развивающей мускулы ног, — около часа топтал ногами стольника.

В десять начинался урок русского языка — царь ругал бояр.

В одиннадцать Иоанн Васильевич приступал к занятию чужими языками: вырезывал языки у провинившихся приближеных, а оставшиеся части тела бросал в темницу.

После завтрака маленький Грозный выезжал из дворца изучать народ. Изучал он народ не поверхностно, как это делается теперь, а основательно, анатомически: каждого изучаемого разрезывал на несколько частей и каждая часть подвергалась изучению.

Однажды Иоанну Васильевичу передали известные слова Калигулы: «Как бы мне хотелось, чтобы у всех людей была одна голова и чтобы я отрубил эту голову».

Молодой Иоанн, вздохнув, сказал:

— Я не утопист: я знаю, что сколько людей, столько голов и работы будет много.

И, подняв очи горе, прибавил со смирением:

— Что ж, будем трудиться. Терпение и труд все перетрут.

Так рос молодой Грозный.

III

СОВЕРШЕННОЛЕТИЕ

Спустя год после рождения Иоанн Васильевич объявил себя семиадцатилетним.

— Теперь начну царствовать! — заявил он. — Кто еще не казнен?

Неказненные бояре стали подходить к Иоанну.

— Не толпитесь! — закричал на них Иоанн. — Тут вам не театральная касса. Станьте в очередь.

— Сколько вас развелось! — с досадой сказал Грозный.

Бояре виновато опустили глаза.

К вечеру все было кончено. Оставшиеся после казненных боярские шапки Грозный роздал своим новым приближенным.

Так как приближенных оказалось меньше, чем боярских шапок, то любимцы получили по две шапки.

Отсюда пошли двойные боярские фамилии: Голенищев-Кутузов, Сумароков-Эльстон, Витте-Витте, Кафталь-Гандельман, Булацель-Булацель, Гинцбург-Гинцбург и др.

IV

ЗАБАВА ИОАННА ГРОЗНОГО

Любимейшей забавой молодого царя было жениться.

У Иоанна в сущности было очень нежное сердце, и единственной причиной его жестокости было любопытство.

Женившись и пожив некоторое время с женой, он начинал думать:

«Любопытно было бы посмотреть, какова будет моя вторая жена».

Несколько месяцев Иоанн Васильевич

боролся со своим любопытством, но потом не выдерживал и постригал жену в монахини, а сам брал другую жену.

— Ничего не поделаешь, — говорил он, — уж очень я любопытен.

Игрушки молодому царю заменяли бояре — молодые и старые.

Поиграв с боярином, Иоанн начинал томиться мыслью:

«Что у моей новой игрушки делается внутри?»

Любопытство до тех пор мучило царя, пока он не распарывал боярина и не узнавал, что делается у него внутри.

Сначала Иоанну Васильевичу нравились бояре Глинские.

— Славные игрушки! — восхищался он. — Вот интересно было бы знать, какие там у них пружины внутри? Должно быть, заграничные?

Недолго крепился Грозный и велел распороть Глинских.

Потом то же самое он сделал с Шуйскими, потом — с Бельскими.

Каждый год Иоанн Васильевич производил набор новых любимцев.

Родные любимцев оплакивали их как покойников. Перед отправкой любимцев во дворец матери и жены голосили:

— На кого ты покинул нас, сиротинушек?

Знакомые с грустью жалели любимца:

— Так молод и уже в любимцы попал. Поистине — смерть не разбирает.

В Москве люди больше умирали от внезап-

Любимцев оплакивали как покойников.

ной любви Иоанна Васильевича, чем от других заразительиых болезией.

Характера Иоанн Васильевич был веселого и любил шутить.

Однажды он велел в шутку бросить псам своего любимца Андрея Шуйского. К сожалению, псы не поняли шутки и загрызли бедного боярина...

В другой раз Иоанн обратил внимание на длинные бороды новгородских купцов.

— Вы бы побрились, — посоветовал им царь.

— Рады побриться! — отвечали купцы. — Да парикмахерской поблизости нет.

— Это пустяки, — сказал Иоаин Васильевич. — Можно и без парикмахера.

Он приказал облить бороды купцов дегтем и поджечь. В одиу минуту подбородки у них стали чистенькими, как ладонь. Купцы похвалили царя за находчивость и были очень рады, что им не пришлось платить за бритье.

К сожалению, современники Иоанна Грозного ложно истолковывали шутки царя и придавали им какой-то мейерхольдовский оттенок.

V

ПОСЛЕ ПОЖАРА

Однажды от сальной свечи загорелась Москва.

Во время пожара во дворец ворвался неизвестный человек в рясе, впоследствии оказавшийся священником Сильвестром, и крикнул Иоанну:

— Ты во всем виноват!

— Я не поджигал! — твердо сказал Иоанн. — Напраслину возводишь, батюшка.

— Это за твои грехи! — грозно закричал Сильвестр. — Покайся!

Иоаин покаялся и велел убить Сильвестра.

«Надо созвать Земский собор, — подумал Иоанн Васильевич. — Пусть правит как знает».

Земский собор был созван.

«Чего-то еще не хватает», — подумал Иоанн.

И вспомнил:

«Знаю! Нужен еще Духовный собор».

Духовный собор был созван.

«Что бы еще созвать?» — задал себе вопрос Грозный.

И подумав немного, решил:

«Надо созвать опричнину».

Когда опричники были созваны, Грозный приказал им:

— А ну-ка, ребятки, разгоните мне Земский собор!

Опричники разогнали.

— А теперь — Духовный собор!

Опричники разогнали Духовный собор.

Иоанн Грозный вызвал к себе членов Земского собора и спросил их:

— Наговорились?

— Наговорились досыта! — ответили земские люди.

— Все высказали?

— Все.

— Значит, языки вам больше не нужны.

Иоанн Васильевич приказал вырвать у них языки.

Потом он призвал членов Духовного собора и спросил:

— А вы что сделали?

— Вот что сделали!

Члены собора подали Иоанну «Стоглав». Иоанн рассмеялся.

— Думаете, если он о ста головах, так и ничего с ним сделать нельзя?

Он велел обезглавить «Стоглав».

Еще дальше пошедши по пути реформ, Иоанн Васильевич велел сочинить судебник.

Через некоторое время он спросил сочинителей:

— Готов судебник?

— Готов, — ответили ему.

Иоанн велел сжечь судебник и утопить сочинителей.

— Любопытно, — сказал он, — посмотреть, как будут гореть законы и тонуть законники.

И еще много прекрасных деяний совершил под благотворным влиянием добрых советников раскаявшийся Иоанн Грозный.

VI
ВЗЯТИЕ КАЗАНИ

Между тем в Казани начались беспорядки. Стали произносить слова против начальства. В университете пели недозволенные песни.

— Все это инородцы мутят! — говорили по Москве.

И говорившие так не ошибались. Татарская партия овладела умами молодежи и мутила их. На улице то и дело раздавалось:

— Отрече-о-омся от старого мира...[40]

Хожалые из сил выбивались, получая взятки и арестовывая кого надо, а еще больше кого не надо.

— Надо примерно наказать бунтовщиков! — сказал, разгневавшись, Иоанн Васильевич.

Он собрал войско, пошел на Казань и осадил ее.

Комендантом крепости не был Стессель[41], и осажденные упорно защищались.

Однажды, перед самым солнечным восходом, взорвало большой подкоп, где находилось 48 бочек с порохом.

Из того факта, что бочки не были до подкопа раскрадены, а порох сразу взорвался, историки делают заключение, что интенданты и инженер, руководивший подкопом, были немцы.

...а тем временем в Москве успели вырасти новые бояре наместо казненных и Грозный вернулся в Москву.

VII

КАЗНИ

Наконец не стало бояр на Москве. Все были казнены.

Грозный опечалился, но скоро решил:

— Выпишем из других городов. Думаю, что на наш век бояр хватит.

Он велел собрать войско и во главе его двинулся к Новгороду.

Овладев городом, Иоанн Грозный приказал снять с веревки вечевой колокол.

Последний висел долго и уже задыхался.

— В Москве поправится! — сказал царь.

Потом Грозный приступил к новгородским боярам.

Когда были истреблены новгородские бояре, Иоанн Васильевич пошел искать бояр в Псков, а тем временем в Москве успели вырасти новые бояре наместо казненных, и Грозный вернулся в Москву.

VIII
ПОКОРЕНИЕ СИБИРИ

При Иоанне Грозном случилось странное событие.

Однажды во дворец пришел человек и отрекомендовался:

— Иван Кольцо, вице-покоритель Сибири.

Иоанн Васильевич пронизал пришельца глазами и произнес:

— Скажи прямо, жиган! Беглый из Сибири!

Кольцо с достоинством ответил:

— Я не беглый, а покоритель.

— Отлично! Расскажи, что ты там покорил?

Кольцо стал рассказывать:

— Казаки мы, то есть что ваше, то наше, а что не ваше, то тоже наше. Мы люди простые и неученые. По-неученому и живем.

— Это мы слыхали. Дальше!

— Сейчас будет и дальше.

Кольцо погладил усы и самодовольно продолжал:

— Некого стало на Руси грабить. Много ли после опричника награбишь? Мы и пошли дальше за Урал. Смотрим, земли много, а народу столько, сколько у Пуришкевича[42] волос на голове.

— Прошу не трогать Польшу, — прервал Иоанн, — говори без междуиародиой политики.

— Могу и так. А царствует над этим, прости господи, народом слепой царь и предводительствует глухонемой воевода. Мои люди, как львы, бросились на этот народ и разбили его. Слепой царь не увидел, а глухой воевода не услышал, как мы подкрались к иароду и покорили его. Вот я и твоей милости подарки привез.

Иван Кольцо вынул несколько соболей и лисиц и разложил их перед Иоаином Васильевичем.

— Стибрили? — кратко спросил Грозиый.

— Никак нет. «Настреляли»...

Иоанн Васильевич стал рассматривать подарки.

— Заграничные! — сказал он с видом знатока.

— Без фальши! — подтвердил Кольцо. — Вот и таможенные пломбы.

— Спасибо! А кто вами предводительствовал?

— Предводительствовал наш атамаи Ермак Тимофеевич.

— Почему же он сам не явился?

Кольцо замялся.

— Как бы тебе сказать... Ссылка не кончилась... Еще годков двадцать ему ждать надо...

Чтобы замять неприятный разговор, Иван Кольцо стал на колеии и торжественно произнес:

— Кладем к твоим ногам завоеванное нами царство по имени Сибирь.

— Принимаю его! — ласково произнес Иоанн Васильевич.

В тот же деиь «золотопромышленные» поиизились до половины их стоимости.

Больше десятка баикиров разорились, присвоили деньгн вкладчиков и были сосланы в Сибирь.

IX
СМЕРТЬ ГРОЗНОГО

Умер Иоанн Васильевнч от игры в шахматы.

Чигорным[43] он не был, но в шахматы играл недурно. Постоянным партнером Грозного был боярин Бельский, которому он все забывал отрубить голову.

— Ты уж извини, боярин, — говаривал он Бельскому. — Вчера Малюта снова был занят, никак не мог урвать для тебя несколько минут. Уж подожди. Ты ведь свой человек.

— Подожду! — добродушно отвечал Бельский. — Не велик барин. Могу и подождать, пока господнн Малюта освободится.

За свою забывчивость Иоанн Васильевич и поплатился.

Однажды он по обыкновению сел играть в шахматы. Бельский заявил:

— Шах королю!

В эту миниуту Иоанн Васильевич упал иа спинку кресла и умер.

Шахматному королю немедленио отрубили голову, а королеву, нменуемую ферзем, сослали в дальний монастырь.

Много времени спустя после похорон Иоанна Грозного оставшнеся в живых москвичи не верили, что они живы.

— Неужели мы уцелели? — удивлялись они.

Многие на улице подходили к знакомым и просилн:

— А ну-ка, ударь меня по уху. Хочу знать, жив я или не жив?

Летописцы уверяют, что остаться жнвым прн Иоанне Грозиом было так же трудно, как выиграть двестн тысяч.

СМУТНОЕ ВРЕМЯ

I
БОРИС ГОДУНОВ

До Бориса почти царствовал Федор Иоаннович. Но...

Наконец, его похоронили и стал царствовать Борис. Во время венчания на царство Борис сказал:

— Клянусь, что у меня не будет ни одного бедняка.

Он честно сдержал слово. Не прошло и пяти лет царствования Бориса, а уж ни одного бедняка нельзя было сыскать во всей стране с огнем.

Все перемерли от голода и болезней.

По отцу Борис был татарин, по матери русский, а по остальным родственникам неизвестно кто.

Но правил он, как полагалось в те времена, благополучно. Давал обещания, казнил, ссылал и искоренял крамолу.

Но ни казнями, ни ссылками, ни другими милостями ему не удалось снискать любви народа.

Имя «Борис» произносилось с иронией.

— Какой он «Борис», — говорили про него втихомолку. — Борух, а не Борис. Борис Годун или, еще вернее, Борух Годин. Знаем мы этих Борисов...

Многие уверяли, что своими ушами слышали, как Борис разговаривал с Гурляндом и Гурьевым по-еврейски, когда он еще был премьером.

— Только и слышно было что гыр-гыр-гыр, — рассказывали бояре. — Потом все трое пошли в синагогу.

Когда появились первые слухи о самозванце, народ тайно стал изменять Борису.

Узнав про самозванца, Борис позвал Шуйского.

— Слышал? — спросил царь.

— Слышал! — ответил Шуйский.

— Это он, Дмитрий?

Шуйский отрицательно покачал головой.

— Никак нет. При мне убивали. Это не тот.

— Кто же по-твоему этот самозванец?

— Мошенник какой-то! — ответил Шуйский. — Мало ли нынче мазуриков шляется.

Борис отпустил Шуйского и велел созвать бояр. Бояре пришли. Борис вышел и обратился к ним белыми стихами:

— «Достиг я высшей власти...»

Бояре переглянулись. Послышался шепот:

— У Пушкина украл! У Пушкина украл!

Борис сделал вид, что ничего не слышит, и продолжал:

— «Седьмой уж год я царствую...»

Тут чей-то негодующий голос резко прервал Бориса:

— Это грабеж! Своего же поэта грабить!

— В самом деле! — послышался другой голос. — Иностранного поэта хоть ограбил бы, а то своего.

Сразу зашумели все:

— Посреди бела дня белые стихи красть!

Борис стоял бледный, как полотно железной дороги.

Кто-то закричал:

— Пойдем вязать Борисовых щенков!

— Это тоже из Пушкина! — закричали точно из-под земли выросшие Венгеров и Лернер[44]. — Не смей трогать!

Но их никто не слушал. Все бежали душить семью Бориса.

Сам Борис чрез знакомого фармацевта, которому он пред тем устроил правожительство в Москве, достал арбуз с вибрионами и отравился.

II

ЛЖЕДМИТРИЙ I

Первый самозванец был родом из Одессы.

Его настоящее имя до сих пор неизвестно, но его псевдоним «Лжедмитрий I» был в свое время не менее популярен, чем псевдонимы «Максим Горький», «Сологуб» и др.

В приказчичьем клубе он научился грациозно танцевать мазурку, чем сразу расположил к себе сердца поляков.

— От лайдак! — восхищались поляки. — Танцует, как круль!

Последнее слово сильно запало в душу Лжедмитрия.

«Разве уж так трудно быть королем? — думал он, лежа у себя на убогой кровати. — Нужна только удача. Ведь Фердинанд и Черногорский князь стали королями. Нужно только заручиться поддержкой сильной державы».

Тут он невольно начинал думать про Польшу:

«Сами говорят, что танцую, как круль. Пойти разве и сказать им, что я действительно круль... Они всему поверят».

Лжедмитрий ие ошибся. Когда он объявил полякам, что он царевич Дмитрий, они бросились его обнимать.

— Ах, шельма! — кричали поляки, целуя Дмитрия во все, не исключая лица. — Как ловко прикидывался конюхом!

— Поможете мне овладеть моим царством?

— А что дашь?

— Все, что понравится вам, — обещал Дмитрий.

— Отлично! Нам нравится Белоруссия.

Дмитрий добродушно сказал:

— Возьмите ее.

— Нравится нам еще Великоруссия, Малороссия, Сибирь.

— Что же у меня останется? — с испугом вырвалось у Дмитрия.

Поляки утешили его:

— А тебе, братику, ничего и не надо. Ведь ты конюх. Купим тебе хорошего лошака, ты и уедешь на нем из Московии, а править будем мы сами.

— Ладно! — сказал Дмитрий. — Спасибо, что хоть лошака одного мне оставите.

С помощью поляков Дмитрий и взял Москву. Народ московский и верил, и не верил, что это настоящий Дмитрий.

— Как же ты спасся? — спрашивал с любопытством народ.

— Очень просто! — объяснил самозванец. — Увидел, что меня начали резать, и убежал. Вместо меня и зарезали другого.

Народ качал головой, кто-то предложил:

— Позовем Шуйского. Он был тогда в Угличе. Спросим его.

Позвали Шуйского и спросили:

— При тебе убили царевича Дмитрия?

— Какого Дмитрия? — удивился Шуйский. — Никакого царевича Дмитрия не убивали. Все Борис выдумал. Дмитрий — вот.

Шуйский указал на самозванца.

— Спросим еще мать царевича! — решил народ.

Позвали мать царевича и спросили, указав на самозванца:

— Твой это сын?

— Мой, мой! — ответила печальная мать. — Тот Дмитрий был только черненький, а этот рыжий. Только это оттого, что он вырос. Мой это сын! Мой!

Лжедмитрий стал царствовать. Человеком он оказался добрым, никого не казнил и не наказывал плетьми.

Это показалось подозрительным боярам.

— Он не настоящий сын Грозного, — роптали бояре. — До сих пор никому из нас голову не отрубил. Нет, он самозванец!

— Мой, мой! — ответила печальная мать. — Тот Дмитрий был только черненький, а этот рыжий.

А Дмитрий не исправлялся и продолжал не казнить. Бояре не могли снести этой обиды и убили его.

— Он был обманщиком! — заявили они народу. — Он не Дмитрий.

Народ верил и не верил словам бояр.

— Спросим Шуйского! — решил народ.

Шуйского привели.

— Убитый был Дмитрий? — приступили к князю.

— Какой убитый? — переспросил Шуйский.

— Вот этот, что лежит пред тобой!

— Этот? Какой же он Дмитрий? Мошенник он, а не Дмитрий. Царевича Дмитрия при мне в Угличе убивали. Этот самозванец.

Позвали мать Дмитрия и спросили:

— Твой сын?

— Не мой! — ответила мать. — Мой был маленький, восьмилетний, а этот, вишь, какой балбес.

Народ после этих слов поверил.

III
ЛЖЕДМИТРИЙ II

Второй самозванец неизвестно откуда появился.

— Я вторично спасся! — сообщил он народу. — Видите, какой я ловкий. Изберите меня царем.

Народ недоумевал.

— Как же ты спасся? — удивлялся народ.

— А очень просто. Подкупил человека, чтобы за меня принял смерть, а сам удрал.

Народ думал, думал и решил:

— Спросим Шуйского.

Привезли Шуйского из монастыря, в который он за царствование был заключен, и спросили:

— Вот человек выдает себя за Дмитрия. Ты что скажешь — Дмитрий он или не Дмитрий?

— Дмитрий! — твердо ответил Шуйский.

— Но ведь Дмитрия убили!

— Какого Дмитрия? — удивился Шуйский. — Никаких Дмитриев не убивали. Этот Дмитрий настоящий.

Народ решил:

— Позовем мать Дмитрия.

Позвали и спросили:

— Твой сын это?

— Мой! — последовал ответ. — И глаза те, и волосы те. Раньше он был рыжим, а теперь черный, но он мой сын.

— Позовем еще Марину Мнишек! — решил народ.

Позвали Марину, показали Лжедмитрия II.

— Это мой муж! — заявила гордая полячка. — И брюки такого же цвета, и столько же рук, ног и глаз, как у того... Это мой муж.

Однако Лжедмитрию второму царствовать не удалось.

Дав ему проходное свидетельство, его выселили из Москвы, кажется даже не впустив в нее.

IV

МЕЖДУЦАРСТВИЕ

Между тем смелых людей становилось все меньше и меньше на Руси и некому стало царствовать.

Даже самозванцы отказывались от Москвы.

— Поцарствуешь день, — говорили самозванцы, — а потом целый месяц тебя будут за это убивать. Себе дороже стоит.

Наступило междуцарствие.

Поляки увидели, что царя нет в России, и пришли все в Москву и заявили:

— Мы все будем царствовать над вами. В компании веселее и безопаснее.

— Царствуйте! — разрешили бояре. — Кому прикажете присягать?

— Всем присягайте! — приказали поляки.

На это бояре резонно ответили:

— Вас так много! Если каждому в отдельности присягать, то человеческой жизни не хватит. Выбирайте уж одного.

Поляки поняли, что бояре правы.

— Присягайте сыну нашего короля Владиславу! — приказали они.

Бояре присягнули. Когда присяга кончилась, поляки вдруг заявили:

— Мы ошиблись. Присягайте не Владиславу, а самому королю Сигизмунду.

Бояре присягнули Сигизмунду.

— Можем идти? — спросили они.

— Нет, нет! — ответили поляки. — Не уходите. Может быть, еще кому-нибудь нужно будет присягать.

Бояре сели на крылечко и стали ждать.

Народ оставил их ждать и стал действовать на свой риск и страх.

V

МИНИН И ПОЖАРСКИЙ

Однажды на площади появился человек в форме мясиика и закричал:

— Заложим жеи и детей и выкупим отечество!

— Заложим! — загудела толпа.

Кузьма Минин заложил (впоследствии оказалось, что это был он), пересчитал деньги и сказал:

— Маловато!

И, воодушевившись, сиова воскликнул:

— Продадим дворы и спасем отечество!

— Продадим! — снова загудела толпа. — Без жен и детей дворы ни к чему.

Тут же наскоро стали продавать дворы и вырученные деньги отдавали Минину.

Кто покупал дворы — никому из историков неизвестно. А может быть, известно, но из стыдливости они это скрывают.

Полагают, что была основана тайная патриотическая компания по скупке домов и имущества.

«Странно, — замечает один иностранный историк, имя которого мы дали слово держать в секрете, — всех принуждали продавать дома; кто не хотел добровольно продавать дом, того принуждали. Как же в такое время могли появляться люди, которые осмеливались покупать дома?»

Не будем объяснять иностранным историкам то, чего они по своему скудоумию понимать не могут, и вернемся к Минину.

— Теперь хватит! — заявил он своим гражданам. — Возьмите оружие и пойдем на поляков.

Во главе рати стал Пожарский.

— А казаков под Москвой не будет? — спросил новый полководец.

Казаки были на стороне поляков.

— Не будет! — ответил Минин.

— Тогда я пойду!

Пожарский оказался храбрым полководцем и освободил Москву от поляков.

Большую помощь оказал ему при этом голод, любезно согласившийся поселиться в Москве на время осады.

Поляки, питающие с малых лет отвращение к голоду, отдали Москву русским.

С тех пор голод не расставался с русским народом, поселившись у него на правах бывшего союзника и друга дома.

VI
ИВАН СУСАНИН

После изгнания поляков из Москвы бояре и народ избрали на царство Михаила Федоровича Романова.

В то время прославился крестьянин Иван Сусанин.

Однажды в дом Сусанина ворвалась банда польских воинов и потребовала, чтобы он их повел к Михаилу Федоровичу, которого поляки хотели убить.

Сусанин выбрал такое место, куда ворон костей не заносил, и завел туда поляков. Сусанина поляки умертвили, но и сами погибли...

МАЛОРОССИЯ

I

КАЗАКИ

Малороссия — это та самая страна, где из цветов плетет венок Маруся и о старине поет седой Грицько.

Маруси ни к каким партиям не принадлежали, а Грицьки делились на две партии.

Одна давала себя грабить паиам, и члеиы ее назывались крестьянами.

Другая партия сама грабила панов, и назывались ее члены казаками.

Казаки были также разные.

Одни жили иа берегах Днепра, воевали с татарами и с проезжими на большой дороге, били всякого, кто подвернулся под руку, и водку называли «горилкой».

Сами же назывались запорожцами.

Другие казаки жили на берегах Дона, воевали с татарами, били кого бог послал и водку называли «горелкой».

Назывались они донцами.

Третьи жили на Урале, воевали с татарами и с обозами купцов, били, кого могли одолеть, и водку называли «вином».

Эти назывались уральскими казаками.

Несмотря на столь выпуклые противоречия в программах казачества запорожского, донского и уральского, все они сходились в одном и главном пункте — в горячей любви к тому, что запорожцы называли «горилкой», донцы — «горелкой», а уральцы — «вином».

Управляли казаками атаманы, которые выбирались самими же казаками и обыкновенно менялись по два раза в день.

Наибольшую известность в истории заслужили запорожцы.

Эти свободолюбивые воины были вооружены прекрасными пиками и саблями и были в постоянной зависимости то от польского, то от русских воевод.

Своими лихими набегами и попойками казаки наводили ужас на соседние государства.

В союзе с татарами они часто причиняли много бед Польше, а в союзе с поляками часто здорово лупили татар.

Хорошо, привольно жилось свободным, как ветер, казакам.

Наконец им надоело польское иго и они решили сбросить его какой бы то ни было ценой.

II
БОГДАН ХМЕЛЬНИЦКИЙ

Имя человека, освободившего Украйну от польского гнета, было — Богдан Хмельницкий.

Хмельницкий, прежде чем стать героем, был польским чиновииком.

Однажды холостой поляк, иуждаясь в жене, напал на хутор Хмельиицкого и забрал у него жену.

Чаплинский (так звали холостого поляка) думал, что Хмельницкий — человек без предрассудков и жеиится на другой женщине. «Какой человек не хочет жениться два раза?» — думал Чаплиискнй.

Но ошибся. Хмельницкий, узнав про экспроприацию, страшно разозлился.

— Око за око, зуб за зуб! — воскликнул в гневе Хмельницкий. — Вы отияли у меня жену, а я отниму у вас Малороссию.

Поляки перетрусили и приказали Чаплинскому отдать жену.

— Хорошо, — ответил Чаплинский, — я готов обменять жену на Малороссию. Сколько дадите сдачи?

Стали торговаться, а когда сошлись — было уже поздно. Жена Хмельницкого заявила, что Чаплинский миого приятиее Хмельницкого, и пойти к последнему не пожелала.

Загорелась война.

Казаки вооружились своими пиками, пищалями, саблями и татарами.

— За свободу! За свободу! — кричали казаки, кидаясь на ляхов.

Конечно, после таких слов полякам оставалось только обращаться в бегство, что они и делали.

Свобода была добыта, и казаки загрустили.

— Что нам делать со свободою? — задали они Хмельиицкому вопрос.

— Скучно с ней! — роптали старые казаки. — Когда нет свободы, за нее можно драться. Веселее тогда. А теперь что? И подраться не за что.

— Скверно, когда не за что подраться! — соглашалась молодежь.

Казачество зевало от бездействия. Татары остались также безработными и уже подумывали о войне с казаками.

Хмельницкий увидел это н, наконец, предложил:

— Давайте, братцы, отдадимся какому-нибудь государству!

— Ура! — закрнчали радостно казакн. — Вот это золотые слова!

— Отдаднм Украйну, а потом будем ее снова отнимать. Отнявши, снова отдадим, а отдавши, снова будем отнимать.

— К кому же прнсоединимся? — спросил Хмельницкий.

После краткого совещания казакн решили присягнуть на подданство московскому царю.

Поляки же до нынешнего дня остались только при жене Хмельиицкого.

Казаки свободнее вздохиули.

Потом они стали вздыхать не так свободно, но зато чаще...

РУСЬ — ИМПЕРИЯ

I

ПЕТР ВЕЛИКИЙ

Петр Великий был гигант на бронзовом коне.

До Петра Русь была непроходимо-бородатой страной. У всех — от первейшего боярина до последнего конюха — был волос долог.

Один из знатных иностранцев, выписанный в Россию как искусный плотник, но сделавшийся впоследствии историком, так описывает тогдашнюю Русь:

«...Эта большая страна, — тешет иностранный плотник, — вся густо поросла бородой. Из-за бород не видно голов. Русский думает бородой, пьет чай бородой, ест клюкву бородой и ею же обнимает и целует жену». Итальянский писатель, живущий на Капри, уверяет, что Россия — государство уездное. Какое глубокое заблуждение!.. «Россия попросту — государство бородатое».

Петр Великий решил прополоть страну и приказал немцам изобрести для этой цели соответствующую машину.

До Петра Русь была непроходимо-бородатой страной.

Немцы, не долго думая, изобрели ножницы и бритву, что произвело сильный переворот в законах физики и химии.

В первый раз на улицах Москвы раздалась впоследствии столь знаменитая четырехчленная формула — «Стригут, бреют, кровь отворяют».

Кто не хотел стричься и бриться, тому «кровь отворяли».

Ужас объял бояр, привыкших с малых лет иосить длинную седую бороду. Одни из них бежали, бороду свою спасая, в свои далекие вотчины. Другие пускались на разные хитрости.

Отправлялись к царю с докладом бритыми.

Когда все бороды были отрезаны, обнаружилось, что под бородами высшие сановники носили широкие длиннополые кафтаны.

Пришедши же домой, они отращивали себе длинные бороды и самодовольно гладили их, радуясь, что обошли молодого Петра.

Так поступалн онн ежедневно.

Однако обмануть зоркого Петра было нелегко. Хитрецов накрывали и наказывали...

Когда все бороды были отрезаны, обнаружилось, что под бородами высшие сановники носили широкие длиннополые кафтаны.

«Половые проблемы» боярскнх кафтанов былн также решены посредством ножниц.

Когда все стали безбородыми и бесполыми, Петр сказал:

— Теперь за дело! Довольио баклуши бить и у соседей смех вызывать. Начнем лучше соседей бнть н слезы у них вызывать.

Вздохнули бояре, но делать было нечего. Стали учиться, в угоду Петру, бить соседей.

II

ВОСПИТАНИЕ ПЕТРА

Петр получил воспнтание домашнее.

Учил его сначала дьяк Зотов. Но вскоре обнаружилось, что дьяк Зотов неграмотный и не только писать, но и читать не умел по-русски.

Сталн искать других учнтелей, но не моглн найтн грамотного.

— Учителей много, а грамотных мало! — жаловались бояре.

Но Петр уже с младенческих лет проявлял громадную настойчивость н силу воли.

Голова грамотного человека была оценена в десять тысяч.

Гонцы разъезжали по стране, собирали сходы н спрашнвали:

— Кто грамотный, поднимай вверх руку!

Но с опущенными рукамн стояла пред молодым, жаждущнм знания царем неграмотная Русь.

— Кто грамотный? — мучительио раздавалось на Русн.

И в однн прекрасный день послышалось:

— Мой немношко грамотна.

Голос шел нз Немецкой слободы. Вскоре вышли оттуда трн иностранца: голландец

Тимерман, шотландец Гордон и француз Лефорт.

Петр стал учиться у этих иностранцев разным наукам...

Окружающие были вообще недовольны тем, что Петр вздумал учиться грамоте.

— Не по обычаям поступает! — ворчали в свои бороды бояре и народ. — От заветов старины отступает.

III

СТРЕЛЬЦЫ И ПОТЕШНЫЕ

Когда Петр подрос и стал юношей, он начал интересоваться государственными делами.

Первым долгом он обратил внимание на стрельцов.

Это были люди, увешанные бердышами, самопалами, ножами, кривыми и прямыми саблями, дубинами, царь-колоколами и царь-пушками.

— Вы воины? — спросил их Петр.

— Воины! — ответили стрельцы.

— С кем воевали?

Стрельцы гордо ответили:

— Поди, царь, в Замоскворечье, погляди на купцов, приказчиков, людей служилых и неслужилых, и сам увидишь, с кем воевали. Чай, ни одного целого носа там не найдешь. На лице каждого жителя Москвы написано про нашу храбрость.

Молодой Петр насмешливо посмотрел на стрельцов.

— А с врагами чужими также храбро драться умеете?

Стрельцы обиделись.

— Что ты, государь, сказать изволил, — сказали оии с горечью. — Чтоб мы поганым басурмаиам свое национальное лицо показывали? Много чести! Мы им больше всего национальную спину показываем в битвах...

И прибавилн, подумав:

— Да и как с ним, басурманом, воевать будешь, когда у него оружие есть? Это ие то что свой брат, приказчнк.

После этого разговора Петр призвал начальников стрелецкнх и спросил их:

— Много под Москвою огородов?

— Много, — ответилн стрелецкие начальникн.

— Хватит по стрельцу на каждый огород?

— Хватит.

— В таком случае приказываю вам: разместить стрельцов по огородам в качестве пугал.

Стрельцы наконец оказались на своих местах, по крайней мере — на первое время. Потом и птнцы перестали их бояться.

А Петр начал создавать новое войско из «потешных» рот.

Так как «потешнымн» заведовали не ннспектора народных училищ и не начальники пробирных палаток, то дело пошло быстро на лад.

«Потешиые» из кожн лезли, чтобы вырасти скорее, и в примерных битвах здорово колотилн стрельцов.

Петр радовался, на них глядя, и думал: «Скоро мы покажем себя!»

И действительно, показал.

IV
ПЕРВАЯ ПОБЕДА ПЕТРА

Первую победу Петр одержал над турками. Это в одинаковой степени изумило и победителей, и побежденных.

— Неужели мы побиты? — удивлялись турки. — Не может быть! Это судебная ошибка!

— Побиты, побиты! — показывали все народы Европы и Азии. — Сами видели, как вы бежали.

Турки продолжали допрашивать свидетелей:

— Может быть, мы бежали позади, а русские впереди?

Но народы стояли твердо на своем и показывали:

— Нет, вы бежали впереди, а русские бежали сзади и лупили вас в спины. Посмотрите, там еще, вероятно, синяки сохранились.

Турки посмотрели друг другу на спины и вынуждены были признаться:

— В самом деле синяки...

Они грустно опустили турецкие носы на турецкие сабли, потом сами опустились на турецкие ковры и с горя стали пить турецкий кофе.

Русские также не верили, что победили, и осторожно допытывались у очевидцев:

— Мы бежали впереди турок или сзади?

Очевидцы успокоили их:

— Не сомневайтесь! Вы гнали турок и ловко трепали их!

Солдаты приободрились.

— Побеждать, оказывается, легко! — говорили они друг другу.

— Гораздо легче, чем быть побежденными.

— Много способнее. Тут ты бьешь, а тебя хвалят. А так тебя бьют и еще ругают.

После первой победы последовала вторая, потом третья, четвертая и все остальные победы.

Война кончилась отнятием у турок Азова.

Последний вскоре научился говорить и писать по-русски.

Впоследствии он совершенно растуречился и начал писать фельетоны в русских газетах, подписываясь полным именем: «Вл. Азов».

Петр очень гордился победой над турками и отнятием у них Азова.

Духовенство стало роптать...

V

ПЕТР — МОРЕПЛАВАТЕЛЬ

До Петра русский народ был народом-рекоплавателем.

Плавали русские весьма отважно, купаясь летом в реке. Плавали недурно и на спине и на животе.

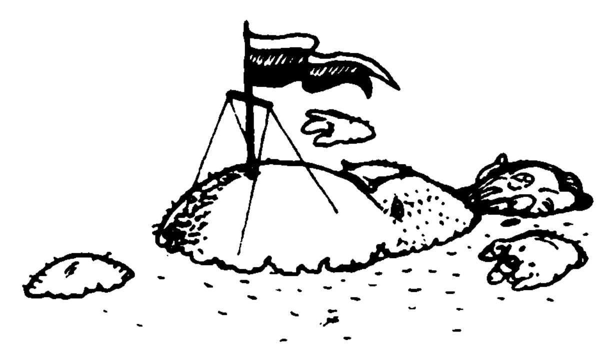
Но о суднах имели понятие весьма слабое.

Однажды Петр, осматривая амбары Никиты Ивановича Романова, увидал там «дедушку русского флота».

Дедушка был весь изъеден червями, и труха сыпалась из него, как из члена Государственного совета.

— Что это такое? — спросил Петр.

Приближенные Петра не могли дать верного ответа.



Плавали русские весьма отважно...

— Это корыто! — сказал один приближенный.

— Корыто? Для чего?

— В таких корытах наши праматери купали своих новорожденных детей. Народ в те поры был рослый. Каждый новорожденный имел по пяти сажень росту.

Петр недоверчиво качал головой. Другой приближенный, желая потопить первого приближенного, сложил губы в ехидную улыбку и горячо произнес:

— Не верь этому льстецу, государь! Он хочет выслужиться, а потому и говорит, что сей незнакомый ему предмет — корыто. Не корыто это, а старинное ружье.

— Врет он! — закричал первый приближенный. — Это не ружье, а корыто!

Долго бы спорили русские люди, но в эту минуту явился немец Тимерман и разъяснил, что найденный предмет — английский бот.

Петр немедленно принял англичанина

на русскую службу, велел его починить топором, пилой и рубанком.

«Дедушка русского флота» вскоре поплыл по Переяславскому озеру, управляемый могучей рукой Петра.

В короткое время у дедушки появились товарищи, которые весело понеслись по волнам.

Приближенные молодого царя с укоризной смотрели на новую затею молодого Петра и, качая бородами, вздыхали:

— Статочное ли дело русскому человеку на судне плавать? Земли у нас мало, что ли? Зачем еще вода нам понадобилась?

Петр сначала пробовал возражать:

— А ведь англичане плавают...

Но ему отвечали:

— Так то англичане. У них земли два аршина. Им и понадобилось море. А нам на что?

Народ также роптал:

— Вода нам для питья и для бани дана. Грех плавать на ней в каких-то ковчегах.

Петр продолжал строить суда. Паруса все чаще и чаще стали мелькать на Яузе и Переяславском озере. В народе стали распространяться слухи, что Петр — антихрист.

Мореплавание слишком уж претило религиозным душам...

VI

ВОЙНА СО ШВЕДАМИ

За что возгорелась война со шведами, неизвестно. Историки в подобных случаях постоянно скрывают истинную причину.

...Бежал к Мазепе в Полтаву...

Но война возгорелась.

В Швеции тогда царствовал Карл XII.

— Хоть ты и двенадцатый, а побью тебя! — сказал Петр.

Карл принадлежал к секте «бегунов». Всю жизнь он к кому-нибудь или от кого-нибудь бежал.

Бежал к Мазепе в Полтаву, но Ворскла и русские солдаты произвели на него удручающее впечатление, и он убежал из Полтавы к татарам.

...Из Полтавы к татарам...

...От татар бежал к султану...

У татар он остался недоволен кумысом и бежал к султану.

Узнав, что у султана много жен, Карл XII поспешил бежать от соблазна к себе на родину, где у него не было ни одной жены.

Из Швеции бежал к полякам. От поляков снова куда-то убежал.

Смерти, преследовавшей Карла по пятам, еле удалось настигнуть его в какой-то битве, и она поспешила воспользоваться этим случаем.

...От султана на родину...

Петр же все время стоял на одном месте и заннмался делом — строил, стругал, пнлил, тесал.

В результате Петр остался победителем.

VII
ПОЛТАВСКАЯ БИТВА

Горел восток зарею новой. Уж на равнине по холмам гремели пушки. Дым багровый клубами всходил к небесам навстречу утренним лучам.

Не по доброй воле гремели пушки. Их каждый раз заряжали с казенной части и вынуждали палить по шведам.

Шведы тоже палили, но плохо. Карл XII после очередного бегства повредил себе ногу и не мог ходить.

При самом начале битвы Петр приказал войскам своим одержать победу, и войска не смели ослушаться.

Карл же XII не догадался это сделать, и войска его не знали, как вести себя: одержать победу или потерпеть поражение.

После небольшого колебания шведы из двух зол выбрали меньшее — поражение...

Много способствовало поражению шведов присутствие в их войсках малороссийского гетмана Мазепы.

Гетман был человек весьма образованный и до конца своих дней сохранил сильную любовь к женитьбе.

В искусстве жениться Мазепа не знал соперников, но воевода он был плохой. Неуменьем воевать он перезаразил все шведское

войско, и оно не выдержало натиска петровских войск.

Шведы бежали. Те же, которым было лень бежать, сдались Петру.

Карл и Мазепа не поленились и бежали.

После Полтавской битвы шведы повесили носы на квинту. Так они и висят до сих пор.

Русские же под предводительством Петра высоко подняли головы.

Гордые возвратились войска в Петербург под звуки музыки.

Народ наружно радовался и кричал «ура», но внутренне роптал на Петра.

VIII
ОКНО В ЕВРОПУ

Победив кого следует, Петр задумал прорубить окно в Европу.

— Пора, — сказал он, — на людей посмотреть и себя показать!

Сановники светские и духовные принялись увещевать царя.

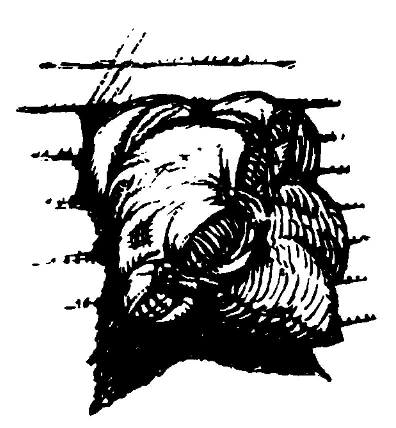
— Не богоугодное ты дело затеял! — говорили сановники духовные. — Окно дело грешное. Не по святой старине поступаешь, царь.

Светские сановники подходили с дипломатической стороны и вещали:

— Окно, государь, вещь опасная. Прорубишь окно, а в него швед влезет.

— А мы ему в шею накладем! — смеялся, Петр. — Он и уйдет.

— Уйдет швед, пролезет в окно немец.



Окно в Европу.

— Немцу зачем в окно? Мы его и в дверь пускаем.

— Тогда немец из окна вылезет.

— Зачем же ему вылезать?

— А уж такая у немца привычка. Не пустишь в дверь, он в окно влезет. Пустишь в дверь, он в окно и вылезет. Характер такой.

Петр смеялся и продолжал прорубать окно.

Петр прорубал, а сановники мирские и духовные приходили по ночам и заколачивали окно.

Петр не унывал и настойчиво продолжал свою работу.

Когда работа была окончена и новый свет хлынул в прорубленное окно, сановники опьянели от ужаса и завопили:

— Горе нам! Горе нам!

И началась между ними и Петром тайная борьба.

Сановники каждую ночь упорно затыкали подушками прорубленное окно в Европу.

По утрам Петр вынимал подушки, а уличенных сановников ссылал н даже казнил.

Но ночью приходили новые сановники и приносили новые подушки.

И до самой смерти Петра продолжалась эта тайная борьба.

Русскому народу так и не удалось при жизни Петра увидеть как следует Европу.

IX
ПЕТР — РЕДАКТОР

А. С. Суворину в то время было всего лет десять, и «Новое время» еще не существовало.

А газета была необходима.

Русский народ искони славился тем, что не мог жить без газеты.

Гостинодворцы невероятно скучали, лишенные удовольствия давать взятки репортерам бульварной прессы.

Министры горевали:

— Некому восхвалять наши действия. Полцарства за коня... виноват, за писателя!

Великие люди плакали:

— Когда мы умрем, кто напишет о нас некрологи! Помрем, как говорят хохлы, «и некролога не побачим».

Тогда сам Петр решил издавать газету. Недолго думая, он подал прошение о разрешении ему газеты под названием: «Куранты

о всяких делах Московского государства и окрестных государств».

Газета велась довольно смело. В ней задевались не только полиция, Германия и духовенство, но и высшие сановники.

Однако газета ни разу не подверглась конфискации и редактор ни разу не был оштрафован и даже не посажен в «Кресты».

Можно смело сказать, что во время «Курантов» газетные работники пользовались полнейшей свободой слова.

Это был лучший период в периодической русской печати.

Народ роптал.

X

НАУКИ И ИСКУССТВА

От наук и искусств милосердный бог спас допетровскую благочестивую Русь.

Географией интересовались только извозчики. Историей — тоже извозчики.

Люди высших классов считали ниже своего достоинства заниматься науками.

Искусством ведали уличные мальчишки — лепили из снега замысловатые фигуры и рисовали на заборах углем не хуже других.

К литературе русский народ спокон веков чувствовал призвание, и при Петре литература, хотя и устная, сильно процветала.

Народ-творец изливал свою душу в лирических произведениях, хватавших за душу как русских, так и иностранцев.

Он начал с министров, усадив их за азбуку.

Некоторые из этих элегий дошли до нас. Одна из них начиналась так:

Не тяни меня за ногу,
Ай, Дид! Ой, Ладо!
Из-под тепленькой перины,
Ай, Дид! Ой, Ладо!

Из прозаических сочинений к нам дошли превосходные сказки, в которых говорилось о первой русской авиаторше Бабе-Яге, летавшей на аппарате, который был тяжелее воздуха, — в ступе.

Петру все это показалось мало.

— Народу много, — сказал он, — а науки мало! Вы бы поучились немножко.

Он начал с министров, усадив их за азбуку. Министры плакали и не хотели учиться.

Петр колотил их дубинкой и в короткое время достиг неслыханных результатов — почти все министры всего в два-три года научились читать и писать.

Петр наградил их за это чинами и титулами, и только тогда они поняли, что корень учения горек, а плоды его сладки.

К концу царствования Петра почти не было ни одного придворного генерала, который подписывался бы крестом.

В его царствование был заложен первый камень русской письменной словесности — по приказу Петра был рожден Вячеслав Иванов[45], прославившийся в то время под фамилией Тредьяковского.

Об искусстве также много заботился Петр.

Народ, видя это, потихоньку плакал с горя и горячо молился об избавлении от науки, искусства и литературы Святой Руси.

В то время народ русский еще пребывал в истинном благочестии.

XI
СОТРУДНИКИ ПЕТРА

Сотрудников себе Петр выбирал долго, но, выбрав, не вешал их зря, а заставлял заниматься делом.

В первые годы своего царствования он окружил себя сотрудниками из бояр.

Но когда последним обрили бороды, Петр увидел, что они для службы России непригодны, и принялся выбирать сотрудников из простых людей.

Бояре также не были довольны царем. В особенности им не понравилось то, что молодой царь колотил их дубинкой.

— Сколько на свете Русь стоит, — ворчали бояре, — нас били батогами, а Петр дубинку завел. Обидно.

И патриотическое сердце бояр так страдало, что даже плаха не утешала их.

— Ты раньше постегай, — говорили они, — а потом казни. А то дубинкой... Что мы, англичане либо французы, чтобы нас дубинкой били? Ты нам батоги подавай...

Среди сановников, выбранных из простых людей, выделился Меншиков.

Петр взял его за то, что пирогами торговал.

— Хоть пирогами торговать умеет! — сказал Петр. — А бояре даже этого не умеют.

Меншикову сановничье ремесло показалось гораздо более выгодным, чем ремесло пирожника, и он ревностно принялся за новое дело.

Видя, что опыт с Меншиковым удался, Петр еще больше налег на простой народ. Каждого нового кандидата в сановники Петр спрашивал:

— Из бояр?

И если спрошенный отвечал утвердительно, Петр говорил ему:

— Ступай, брат, откуда пришел! Мне белоручек не надо.

Когда же кандидат отвечал отрицательно, Петр приближал его к себе и давал работу.

Впоследствии много графов и князей переодевались простолюдинами и поступали на службу к Петру.

Когда обман обнаруживался, Петр не сердился.

Так, под видом рабочих, поступали в сановники к Петру князья Долгорукие, Шереметьевы, Толстые, Брюс и др.

Меншиков на склоне лет своих заскучал по ремеслу пирожника, и однажды у него блеснула мысль:

«Чем Россия не пирог?»

И он потихонечку стал продавать этот сладкий пирог...

И среди остальных сотрудников нашлись подражатели Меншикову.

Петр вешал понемногу «пирожников», но даже эта крайняя мера редко исправляла их.

Считать Россию пирогом и продавать ее тайно по частям сделалось второй натурой у многих сановников почти до наших дней.

XII

ЦАРЬ — ПЛОТНИК

Петр Великий часто ездил за границу.

Вечно озабоченный государственными делами, он однажды в Саардаме дал пощечину одному честному голландцу.

Жители Саардама еще до сих пор гордятся этой исторической пощечиной и задирают нос пред жителями остальных голландских городов.

— Мы не какие-нибудь! — говорят с гордостью саардамцы. — Сам Петр Великий избрал для пощечины физиономию одного из наших граждан.

Осчастливив саардамцев, Петр уехал в Амстердам, где стал учиться плотничьему искусству.

Теша бревна, он неодиократно думал:

«Вот так я обтешу бояр».

Впоследствии Петр должен был сознаться, что обтесать бревно гораздо легче, чем обтесать боярина...

Все-таки до конца жизни Петр не выпустил из своих мозолистых царственных рук топора и рубанка.

И до конца своей жизни он остался великим царем-плотником...

Умер Петр, простудившись при спасенин утопавших солдат.

Великий мореплаватель не утонул, спасая солдат. Только чрез двести лет потопил его скульптор Беренштам своим памятнником на Сенатской площади...[46]

Русь сильно была продвинута вперед могучей рукой гениального великана.

Но... не все было сделано.

Петр застал Русь бородатою и оставил ее взлохмаченною.

ПРЕЕМНИКИ ПЕТРА

I

До Екатерины Второй преемники Петра были отчасти похожи на редакторов современных русских газет: подписывается редактором один, а редактирует другой...

После Петра была провозглашена императрицей Екатерина Первая.

Управлял Меншиков.

После Екатерины Первой взошел на престол малолетний Петр Второй.

Управлял Меншиков, а потом Долгорукие.

Петр II умер. Была коронована Анна Иоанновна.

Управлял Бирон.

Анну Иоанновну сменила Анна Леопольдовна.

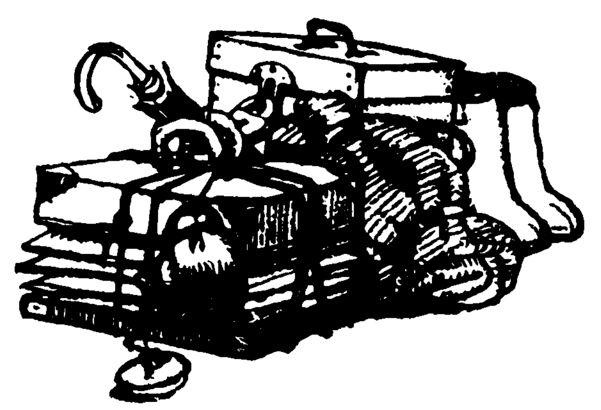
Управлял Остерман.

Анна Леопольдовна была свергнута Елизаветой Петровной.

Управлял Лесток, а потом Разумовский.

После Елизаветы на престол взошел Петр Третий.

Управляли все, кто жил при Петре и кому только было не лень.



Летом в самую сильную жару шубы и валенки в домах временщиков не прятались далеко.

Вельможи делились на две партии: 1) ссылающих и 2) ссылаемых в Сибирь.

Очень часто в одну ночь ссылающие переходили в партию ссылаемых и наоборот.

Меншиков ссылал, ссылал, пока нечаянно не был сослан в Сибирь Долгорукими.

Долгоруких сослал в страну, куда Макар телят не гоняет, Бирон.

Бирона сослал Миних, хотя он сам был немец.

Миниха сослал Лесток.

Лестока сослал перешедший из партии ссылаемых в партию ссылающих Бестужев-Рюмин.

У самых сильных вельмож чемоданы были постоянно завязаны — на случай неожиданной ссылки.

Летом в самую сильную жару шубы и валенки в домах временщиков не прятались далеко.

— В Сибири и летом холодно! — говорили вельможи.

Сделавшись временщиком, сановник старался как можно больше сослать в Сибирь народу.

Делалось это не от злости, а от практичности ума. Каждый временщик думал:

«Чем больше сошлю в Сибирь вельмож, тем веселее мне потом будет».

Так понемногу стала заселяться Сибирь.

Пионерами в Сибири оказались временщики, что дало повод тогдашним острякам острить:

— Как видите, и временщики могут на что-нибудь пригодиться...

II

ЕКАТЕРИНА ВЕЛИКАЯ

При дворе Екатерины человек был похож на орла.

Каждый генерал, каждый придворный был орлом. Так они и вошли в историю под сборным псевдонимом «екатерининские орлы».

Главный орел был близорук и прославился тем, что постоянно грыз ногти. Звали его «князь Потемкин-Таврический».

«Таврическим» его прозвали за то, что он жил в Таврическом дворце на Шпалерной, где теперь помещается Государственная дума.

Происходил Потемкин из очень бедной семьи, что его и выдвинуло.

Как орел, он любил иногда питаться живой кровью, но живой крови уж почти не было на святой Руси. Бирон последнюю выпил...

Сама Екатерина обладала недюжинным литературным талантом, и при более счастливых условиях она сделала бы блестящую карьеру писательницы.

Но для блага страны она не пошла по усыпанному розами пути писателей, а избрала путь другой.

Однако всю жизнь императрица любила читать и знала современную ей литературу лучше любого нынешнего критика.

В свободное от государственных и прочих дел время Екатерина писала повести, комедии и шутливые фельетоны.

Но благодаря тогдашней цензуре произведения Екатерины Великой не могли увидеть свет и были только напечатаны лет пятнадцать тому назад, когда цензура временно стала немного либеральнее.

Кроме литературы, Екатерина Великая еще вела весьма удачные войны с турками и не менее удачно устраивала внутренние дела государства.

III

ПЕРВЫЕ ЗАКОНОДАТЕЛИ

С самого начала своего царствования Екатерина принялась за проект нового государственного устройства.

— Созову народных представителей! — решила Екатерина. — Пусть сам народ решит, как ему лучше жить.

Стали созывать законодательную комиссию из народных представителей.

Жены с воплем провожали своих мужей в Петербург.

— В законодатели беру-у-ут! — выли жены. — Пропали наши головушки...

Старики молитвенно шептали:

— Дай вам бог отбыть законодательную повинность благополучно.

Депутаты прибыли в Москву и были невероятно удивлены, что их не бьют и не сажают в крепость.

Наоборот, императрица приказала оказать им ласковый прием и посадила их не в тюрьму, а в Грановитую палату.

Императрица выработала «Наказ», в котором депутатам предлагалось выработать законы.

Депутаты горячо принялись за дело с утра до ночи и наконец заявили:

— Кончили!

Обрадованная Екатерина спросила:

— Что сделали?

Депутаты заявили:

— Много сделали, матушка государыня. Во-первых, постановили поднести тебе титул «Мудрая»...

Екатерина была изумлена.

— А законы?

— Законы?! Что ж законы. Законы не волк — в лес не убегут. А если убегут, тем лучше. Пусть живут волки и медведи по закону...

Подавив досаду, Екатерина спросила снова:

— Что еще сделали?

— Постановили, матушка государыня, поднести тебе еще один титул: «Великая».

Екатерина нервно прервала их:

— А крепостное право уничтожили?

— Крепостное право? — ответили депутаты. — Зачем торопиться? Мужички подождут. Им что? Сыты, обуты, выпороты... Подождут.

— Что же вы сделали? Зачем вас созывали?

Депутаты важно погладили бороды.

— А сделали мы немало. Работали, матушка государыня. И выработали.

— Что выработали?

— Выработали еще один титул для тебя, матушка: «Мать отечества». Каково?

Екатерина увидела, что чем больше законодательная комиссия будет заседать, тем больше титулов и меньше законов она будет иметь.

— Поезжайте домой! — сказала она депутатам. — Поезжайте, Тимошки. Без вас плохо, а с вами еще хуже.

IV

ГУБЕРНИИ И СОСЛОВИЯ

В 1775 году Екатерина Великая разделила Русь на губернии.

Сделано это было так.

Собирали несколько сел и заявляли им:

— Отныне вы не села, а города!

Села чесали затылки и мямлили:

— Ишь ты, города!.. А мы думали, что селами родились, селами и умрем.

Но почесав сколько полагалось затылки, села становились городами.

Потом брали немца и назначали его губернатором. Пред отъездом немцу сообщали:

— Будете править губернией.

Немец не возражал. Наоборот, он кивал головой и с достоинством отвечал:

— Гут! Мой с малых лет на губернатор ушился... Буду харош губернатор.

В новых губерниях разделили народ на три сословия, причем строго придерживались брючного и сапожного ценза.

У кого были целы сапоги и брюки, тот был зачислен в купеческое сословие.

Тот, кто имел рваные сапоги, но брюки целые, попадал в мещанское сословие.

Лица же, у которых сапоги просили каши, а брюки были с вентиляцией, составили сословие ремесленников.

Всем трем сословиям была дарована свобода давать взятки четвертому сословию — дворянству...

Последнее сословие в то время составляло и полицию, и милицию, и юстицию в стране. Давать ему взятки было необходимо...

К счастью, дворяне восемнадцатого века были люди умные: не упускали того, что плыло к ним в руки, и все остальные сословия чувствовали себя сравнительно недурно.

V
ВОЙНЫ С ТУРКАМИ

Много лет Екатерина вела войну с турками.

В сущности, воевала только Екатерина. Турки только кричали «алла! алла!» и отступали.

Перед каждой новой войной турецкие полководцы любезно осведомлялись у русских полководцев:

— Какие города хотите у нас отобрать?

Русские называли города.

— А нельзя ли списочек составить?

Русские полководцы составляли список городов, которые собирались взять у турок, и посылали пашам.

Паши прочитывали список и немедленно отдавали приказ своему войску бросать оружие и бежать в паническом страхе.

С турками уже тогда было легче воевать, чем со студенческой демонстрацией.

На студенческих демонстрациях хоть кричат, а турки в большинстве случаев при бегстве не нарушали тишины и спокойствия.

Завоеванные земли Потемкин застраивал деревнями и заселял крестьянами.

С течением времени оказалось, что и деревни и мужики были декоративные.

Деревни ставил Станиславский из Художественного театра, а мужиков играли Чириков, Юшкевич и Дымов.

Поговаривали даже, что и турки, с которыми воевал Потемкин, были декоративные.

Однако земли, которые были завоеваны при Екатерине, были настоящие, сочные и давали прекрасные плоды.

VI
СПОДВИЖНИКИ ЕКАТЕРИНЫ

Все сподвижники Екатерины были очень талантливы от мала до велика.

В первые годы царствования Екатерины был очеиь популярен Григорий Орлов.

Это был великий государственный ум. Он одной рукой поднимал тяжелую придворную карету.

Брат Григория Орлова, Алексей, был блестящий дипломат. Он одной рукой мог удержать на месте четверку лошадей.

Все-таки удержать своего влияния при дворе он не мог, и вскоре его власть перешла к Потемкину.

Последним орленышем был граф Зубов, прославившийся тем, что никакими талантамн не обладал.

— Это у нас фамильное! — говорнл не без надменности молодой орленыш. — Мы, Зубовы, выше таланта.

Больше всех из «екатерининских орлов» прославился Суворов.

Между Суворовым и другими полководцами была существенная разница: Суворов был чудаком в мнрное время и героем на войне...

Суворов отлично пел петухом, а этого даже Наполеон сделать не мог.

Однажды суворовское «кукуреку» разбило наголову неприятеля и спасло наше войско от позорного поражения.

Произошло это следующим образом.

Атакуя неприятеля, Суворов заметил, что его армия втрое больше нашей.

Не надеясь на победу, Суворов подлетел верхом к самому носу неприятеля и запел «кукуреку».

Неприятельское войско остановилось и заспорнло.

— Это петух, назначенный генералом! — кричали одни.

— Нет, это генерал, назначенный петухом! — спорнли другие.

А пока они спорили, Суворов велел перевязать всех и взять в плен.

И еще был один орел, судьба которого была весьма печальна, — он писал оды.

Питаясь мертвечиной, сей орел жил долго и кончил дни свои почти трагнчески — министром народного просвещення.

Имя этого орла, иногда парившего под облаками, иногда пресмыкавшегося по земле, было Державнн.

VII
НАУКА, ИСКУССТВО И ЛИТЕРАТУРА

Прн Екатерине наука и искусство сильно продвинулись вперед.

Был нзобретен самовар.

По изобретеннн его немцы пожелалн перенять устройство самовара, но ннкак не моглн дойтн до этого.

Напрасно иностранные правительства приказывали своим послам в России:

— Во что бы то нн стало узнайте секрет приготовлення самовара.

Как послы ни старались, ничего не могли добнться. Русские хранили строго эту тайну.

Потом были усовершенствоваиы кнут и дуга.

Было много художников, скульпторов, рисовавших и лепивших во миого раз лучше нынешиих.

К сожалеиию, ни имена этих великих людей, ни их великие творения не дошли до иас.

Громадные успехи сделала литература. Все писали. Профессора, геиералы, молодые офицеры сочнняли стихи и прозу.

Лучшими русскими писателями были Вольтер и Жаи-Жак Руссо.[47]

Лучшими русскими поэтами были Вергилий и Пиидар.[48]

Все остальиые — Ломоносов, Сумароков, Фоивизин и другие — постояииио подражали им.

Самым выгодным ремеслом в литературе было писать оды.

Этот благородный род поэзин не только хорошо кормил, одевал и обувал поэтов, но и в чины пронзводнл.

Одописцы блажеиствовали, ио и другие писатели процветали.

Вообще все процветало.

ПАВЕЛ ПЕРВЫЙ

Павел Первый не любил шуток. Несколько дней спустя после восшествия на престол он отдал команду:

— Россия, стройся!

Не все были подготовлены к этой команде, и, естественно, произошла заминка . . . .

. . . .

Но прежде чем Русь научилась маршировать и ходить в ногу, Павел Первый скончался и на престол вступил Александр Первый.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

I
НАШЕСТВИЕ НАПОЛЕОНА

После мирной кончины Павла Первого на престол взошел Александр Первый.

Это сильно обидело Наполеона.

— Я не могу допустить, — заявил он, — чтобы на одном земном шаре были два первых государя! Или я, или Александр.

Наполеон приказал французам одеться и пойти на Москву. Французы неохотно одевались. Застегивая пальто, они ворчали:

— Зачем нам Москва? Нам и дома хорошо. Сыты, одеты, обуты. Каждый из нас француженку на содержании имеет... Чего еще недостает?

Французы решительно сели. Видя, что дело плохо, Наполеон крикнул:

— Барабанщики, вперед!

Вышли барабанщики и забарабанили поход. Французы дрогнули и пустились в путь.

Как Наполеон ни скрывал своего намерения напасть на Россию, но лишь только он перешел

русскую границу, в Петербурге узнали об этом.

Народ русский вскипел.

— Как? — гремели по России негодующие голоса. — Какие-то французишки смеют идти на нас войной? Да мы их шапками закидаем!

Шапки страшно вздорожали в один день. Все патриоты спешили накупить себе шапок для закидывания французов.

Александр собрал двести тысяч солдат и разделил их поровну между генералами: грузином и немцем.

Но вышло разногласие между генералами. Пылкий грузин, защищенный при этом спереди большим грузинским носом, рвался вперед, а холодный немец приказывал отступать.

Тогда Александр назначил главнокомандующим русского князя Кутузова.

Приехав в армию, Кутузов с изумлением заметил:

— Разве с такими молодцами можно отступать?

Но приказал продолжать отступление.

БОРОДИНО

«Но вот нашли большое поле».

Поле это называлось село Бородино.

Кутузов построил свою армию с таким расчетом, чтобы французы потерпели поражение.

Наполеону не удалось так удачно построить своих французов.

Он, по обыкновению, конечно если Иловайский не врет, устремил свои главные силы на то, чтобы прорвать наш центр, а нужно было сделать наоборот.

Наполеону нужно было устремить свои главные силы на то, чтобы прорвать свой собственный центр.

Прорвав себе центр, Наполеон должен был сесть на левое крыло и улететь в Париж.

Но император французов продолжал делать ошибку за ошибкой.

Кутузов же ошибок делать не желал, а приказывал только стрелять.

Это очень огорчало Наполеона.

— Некультурная нация! — жаловался он своим генералам. — Я их завоевать хочу, а они еще стреляют.

Обратившись к маршалу Даву, Наполеон предложил:

— Ты бы их подавил немного.

Но Даву отрицательно покачал головой.

— Пробовал давить, ваше величество, да они не даются. Непонимающий народ.

После десятичасового рукопашного боя атаки прекратились; стреляли только из пушек.

К вечеру, одержав победу, Кутузов отступил.

Побежденные французы с горя заняли Москву.

III
ПОЖАР МОСКВЫ

Генерал-губернатором в Москве был в то время граф Растопчин.

Предвидя пожар Москвы, он не растерялся перед французами и до прихода их как прокламациями, так и личным примером воодушевлял жителей московских.

— Ополчимся против врага! — взывал граф. — Хорошо с топором, недурно с рогатиной, а всего лучше вилы-тройчатки: француз не тяжеле снопа аржаного.

— Что верно, то верно, — отвечали москвичн. — Француз не тяжеле снопа аржаного. Много даже легче...

— И наверное легче.

— Только...

— Что только?

— Только аржаной сноп не стреляет, а французишка он хитрый. Ты его по-благородному на вилы-тройчатки, а он по-свински — бац! — в тебя из ружья.

Граф Растопчин горячо доказывал, что, наоборот, аржаной сноп стреляет, а француз даже любит, когда его поднимают на вилы-тройчатки.

Однако в день вступления в Москву французов граф переменил свои взгляды и вместе со всеми прочими оставил Москву.

— Мы их выкурим! — сказал он многозначительно, покидая первопрестольную. — Огонь действительнее вилы-тройчатки...

И начались пожары. Французам стало

жарко. Они сняли с себя платье и в дезабилье вышли на улицу.

Не успели они сделать пяти шагов, как стукнул мороз и уложил на месте добрую половину французов.

Оставшиеся в живых еле добежали до своих квартир и, наскоро одевшись, попросили есть.

Но увы! Тут оказалось, что русские, уезжая, забрали с собой весь хлеб.

Осталось одно сено, но не было между французов г-жи Нордман-Северовой[49], чтобы сварить им из сена бульон, курицу и компот.

И половина оставшихся в живых французов в тот же день умерла мучительной голодной смертью.

— Бежать! — молнией пронеслось по всему французскому лагерю.

— Бежать! Бежать!

Тот, кто первый произнес это спасительное слово, был тут же произведен в маршалы великим и благодарным Наполеоном.

IV

БЕГСТВО ФРАНЦУЗОВ

Французы в бегстве выказали большую сметку.

Впереди всех был Наполеон. Для скорости он бежал на лыжах. Остальные бежали пешком.

— Ишь, прыткие! — удивлялись наши мужички. — Как ловко бегут! Только пятки сверкают. Сейчас видно, что грамотные.

Наши войска преследовали французов по пятам и полегоньку поколачивали.

У реки Березины казаки чуть-чуть не взяли в плен самого Наполеона.

Один казак уже схватил было за фалды самого Наполеона. Но Наполеон навострил лыжи и ушел от казака.

Говорят, что спасением своим у реки Березины император обязан петуху.

Было это так.

Когда казаки уже совсем было настигли французов у Березины, кто-то из французов увидел впереди петуха и закричал:

— Братцы, пища!

У не евших уже более месяца французов силы удесятерились, и они быстрее лани помчались за петухом.

Расстояние между ними и казаками сразу увеличилось, и таким образом французы спаслись от плена.

Вот почему у французов до нынешнего дня петухи пользуются большим почетом.

Один из виднейших французских поэтов, уже спустя много лет, в честь петухов сочинил пьесу, назвав ее «Шантеклер»[50].

V

РОССИЯ — ВЕЛИКАЯ ДЕРЖАВА

После нашествия французов, а главным образом после бегства их Россия еще больше окрепла и стала одной из самых великих держав в мире.

Галлы же и пришедшие с ними «дваиадесять язык» влачат до сих пор жалкое существование под названием: немцев, итальянцев, французов и т. д.

Год, в котором французы бежали из России, в честь чудесного избавления от иих назван Двенадцатым.

Составлено по заслуживающим и незаслуживающим доверия источникам.

«САТИРИКОН» И САТИРИКОНЦЫ

Многие ли сегодняшние читатели знают о популярном в свое время петербургском журнале «Сатирикон»? Вряд ли. Между тем это было издание веселое и едкое, саркастическое и злое; остроумный текст перемежался с язвительными карикатурами, забавный анекдот сменялся политическим шаржем. В «Сатириконе» в разное время сотрудничали такие писатели-сатирики, как Арк. Аверченко и В. Князев, Саша Черный и А. Бухов, печатались Л. Андреев, А. Толстой, В. Маяковский, с иллюстрациями выступали прославленные русские художники Б. Кустодиев, И. Билибин, А. Бенуа. За сравнительно короткий срок — с 1908 по 1918 год — русский сатирический журнал «Сатирикон» (и его поздний вариант «Новый Сатирикон») создал, по словам современника, «направление в русской литературе и незабываемую в ее истории эпоху». Никак не завышая оценок, но и ничего не предавая забвению, как это было прежде, сегодня можно смело сказать, что «Сатирикон» был и остается неизымаемым звеном в живой цепи литературно-общественного процесса в России.

Следует признать, что среди многих «белых пятен» нашего культурного наследия может числиться во всей ее полноте и пестроте русская журналистика, и, в частности, такая мощная ее ветвь, как журналистика сатирическая. Ведь в начале века в России издавалось более 250 одних только сатирических журналов! Разумеется, были это издания далеко не равноценные, отличавшиеся друг от друга не только политической направленностью, но и литературно-художественными достоинствами. Русская революция 1905 года вызвала к жизни самые разномастные злободневные издания

(«Молот», «Зритель», «Пулемет», «Сигнал», «Заря», «Жупел», «Стрелы» и другие), которые с разной степенью глубины и смелости изобличали правящую российскую верхушку, высмеивали политические нравы. Однако по мере подавления революции с ее эйфорией свободомыслия жизнь таких журналов становилась все бедней и короче: вовсю свирепствовала царская цензура, полиция преследовала редакторов, запрещала и изымала крамольные номера. В противовес демократической и либеральной прессе стали появляться черносотенные юмористические органы («Жгут», «Кнут», «Жало» и прочие).

Вспоминая о тех временах, Аркадий Аверченко писал: «Как будто кроваво-красная ракета взвилась в 1905 г. Взвилась, лопнула и рассыпалась сотнями кроваво-красных сатирических журналов, таких неожиданных, пугавших своей необычностью и жуткой смелостью. Все ходили, задрав восхищенно головы и подмигивая друг другу на эту яркую ракету:

— Вот она где, свобода-то!..

А когда наступило туманное скверное утро — на том месте, где взвилась ракета, нашли только полуобгорелую бумажную трубку, привязанную к палке...

Последние искорки ракеты гасли постепенно еще в 1906 г., а 1907 год был уже годом полной тьмы, мрака и уныния...

Пир кончился...»

И вот в такое время в редакции известного тогда во всей России журнала «Стрекоза», который по мере утраты подписчиков лишался былой славы, возникла мысль преобразовать этот юмористический журнал в сатирический. Идея принадлежала молодым: художнику-карикатуристу А. Радакову и сотруднику редакции Арк. Аверченко. Издатель М. Г. Корнфельд, только что унаследовавший от отца «Стрекозу», идею поддержал. Новый журнал окрестили «Сатириконом», вспомнив к случаю знаменитый древнеримский роман, бичевавший беспутство эпохи Нерона.

Первый номер «Сатирикона» вышел 3 апреля 1908 г. В нем редакция открыто заявляла: «Мы будем хлестко и безжалостно бичевать все беззаконие, ложь и пошлость, которые царят в нашей политической и общественной жизни». Сатириконцы откровенно противопо-

ставили свою программу беззубой юмористике «Шута», «Будильника» и «Осколков».

Первые восемь номеров «Сатирикона» выпустил А. Радаков, затем редактором и душой журнала стал Арк. Аверченко. Рождение «Сатирикона» действительно стало явлением в литературной жизни столыпинской России.

Интересно проследить, как в истории русской сатирической журналистики складывались и развивались демократические традиции, как осуществлялась живая преемственность и не рвалась связь времен.

Вспомним, в 1859 г. в Петербурге поэтом В. Курочкиным и художником Н. Степановым был основан еженедельный «сатирический журнал с карикатурами» «Искра». Основными его жанрами были фельетон, стихотворная пародия, обличительные письма из провинции. Журнал «Искра» с революционно-демократических позиций нападал на крепостников, чиновничью бюрократию, на представителей «чистого искусства». В журнале сотрудничали Д. Минаев, Г. Жулев, А. Плещеев, реже Н. Добролюбов, Г. Успенский. В 1873 г. «Искра» была закрыта «за вредное направление», а вскоре, через два года, в Петербурге начал выходить новый «художественный юмористический» еженедельник «Стрекоза», куда влились многие бывшие «искровцы». Традиция восстанавливалась, развивалась. Появлялись новые авторы — А. Чехов, Н. Лесков, Я. Полонский, Д. Григорович. На страницах «Стрекозы» в либеральном духе высмеивались идеологи реакции, биржевики, поэты-декаденты, однако с годами преимущество все больше отдавалось чистой юмористике, и, как было сказано выше, в 1908 г. из недр «Стрекозы» родился «Сатирикон», в котором стали активно сотрудничать прежние авторы «Стрекозы», особенно молодые: поэты и прозаики, пародисты, фельетонисты. Большую роль играли художники-карикатуристы А. Радаков, А. Яковлев, А. Юнгер, Н. Ремизов (псевдоним Ре-Ми).

В 1913 г. в результате внутриредакционного раскола и конфликта с издателем из журнала ушло большинство ведущих сотрудников во главе с Арк. Аверченко, который стал основателем и редактором «Нового Сатирикона». Некоторое время выходили, конфликтуя между собой, оба журнала, однако «Сатирикон» все заметнее угасал

и на шестнадцатом номере в 1914 г. прекратил существование. «Новый Сатирикон» как бы подхватил эстафету и погнался за былой популярностью своего предшественника, но в условиях начавшейся мировой войны и предреволюционных событий, вызвавших сильное брожение умов в обществе, стала сказываться неустойчивость, шаткость политических воззрений журнала и его эстетических позиций. К 1917 г. он почти утратил читательский интерес к себе, так и не завоевав широкой публики.

Великую Октябрьскую социалистическую революцию «Новый Сатирикон» воспринял враждебно, советскую власть не признал и откровенно выступал против нее.

В 1918 г. правительственным декретом журнал был закрыт.

По-разному, хотя в целом и типично для тех времен, сложились судьбы сатириконцев. Многие из них эмигрировали, поселились в Париже. Другие остались верны родине, не покинули ее в час испытаний (Вас. Князев, Г. Ландау, О. Л. Д'Ор и др.). Некоторые, как, например, А. Бухов, впоследствии возвратились в СССР и работали в советской прессе.

Русские эмигранты в Париже по инициативе того же издателя М. Г. Корнфельда попытались возродить «Сатирикон». Первый его номер вышел в апреле 1931 г. Среди авторов были И. Бунин, Саша Черный, А. Ремизов, А. Куприн и другие писатели, в художественном оформлении журнала участвовали К. Коровин, М. Добужинский, А. Бенуа.

Всего вышло около двадцати номеров парижского «Сатирикона». Шумного успеха он не имел, и, пожалуй, наиболее заметным событием была публикация в нем «Золотого теленка» Ильфа и Петрова.

ПРИМЕЧАНИЯ

В пернод расцвета русского «Сатирикона» в Петербурге в 1911 г. нздатель М. Г. Корнфельд выпустил в журнальной библиотеке «Всеобщую историю, обработанную «Сатириконом». Авторамн этого пародийио-сатирического произведения, воспроизводимого сегодня нменно с издания 1911 г., были Тэффи, О. Дымов, Арк. Аверченко н Л. О. Д'Ор. Иллюстрнровалн книгу художникн-сатириконцы А. Радаков, А. Яковлев, А. Юнгер и Ре-Ми (Н. Ремизов).

Коротко о создателях книги.

Тэффи (урожденная Лохвицкая, по мужу Бучниская) *Надежда Александровна.* В 1920 г., ие прииняв Октябрьской революции, уехала за границу. К тому временн была уже довольно известиой в России писательницей, выпустившей двухтомник юмористическнх рассказов, книги «Дым без огня», «Неживой зверь» и др. Юморески Тэффи высоко оценил И. Буиин, отметивший, что рассказы ее написаиы «здорово, просто, с большим остроумием, наблюдательностью и чудесной иасмешлнвостью». Много печаталась Тэффи и в эмиграции, где за трндцать с небольшим лет вышли ее кинги «Тихая заводь», «Вечерний день», «Таиго смерти», «На чужбине», «Воспомииання», «Все о любвн», «Зимняя радуга». О жизни писательницы за границей рассказывается в книге мемуаров И. Одоевцевой «На берегах Сены». Умерла Тэффи в 1952 г.

Дымов Осип Исидорович. Окончил Лесной институт в Петербурге. Литературным творчеством начал заниматься с 1903 г. Пнсал пьесы («Ню. Трагедня

каждого дня», «Каин», «Певец своей печали» и др.), которые ставились в театрах Петербурга и Москвы. Был автором многочисленных сценических миниатюр, скетчей, юмористических произведений, фельетонов, рецензий. После Октябрьской революции уехал за границу, где продолжал литературную деятельность. Умер в середине 50-х гг.

Аверченко Аркадий Тимофеевич. Писатель-сатирик, драматург, журналист. Редактировал журнал «Бич» в Харькове, «Сатирикон» и «Новый Сатирикон». Автор четырехтомного собрания сочинений (1911—1914 гг.), сборников юмористических рассказов «Веселые устрицы», «Круги по воде», «О хороших в сущности людях», «Чудеса в решете», множества журнальных публикаций, пьес, водевилей, скетчей. Не приняв Октябрьской революции, эмигрировал, жил в Париже, где выпустил книгу рассказов «Дюжина ножей в спину революции». В. И. Ленин охарактеризовал ее как талантливую книжку, но написанную с позиций «озлобленного почти до умопомрачения белогвардейца». Умер Аверченко в 1925 г.

О. Л. Д'Ор (И. Л. Оршер). Журналист и писатель, автор многочисленных журнальных и газетных выступлений, сборника рассказов «Смех среди руин» (1912 г.). После Октябрьской революции продолжал сотрудничать в советской прессе. В 1930 г. вышла книга его воспоминаний «Литературный путь дореволюционного журналиста».

Радаков Алексей Александрович. Художник-карикатурист, плакатист, живописец, иллюстратор, театральный художник. В 1900 г. окончил Московское училище живописи, ваяния и зодчества. Занимался в училище Штиглица и мастерской П. Лорана в Париже. Был инициатором создания и первым редактором журнала «Сатирикон», его активнейшим сотрудником. После Октябрьской революции продолжал творческую деятельность, много работал, оформляя театральные спектакли в Москве, Ленинграде. Умер в 1942 г.

Комментарии к тексту

[1] Согласно библейской мифологии, у Ноя было три сына — Яфет (Иафет), Сим и Хам, от которых после всемирного потопа «населилась вся земля». Арийцы (арии) — название народов, принадлежавших к индоевропейской языковой общности. В расистской литературе арийцы объявлялись «высшей расой».

[2] Цикута — ядовитое растение, название отравы.

[3] Весталки — в Древнем Риме жрицы богини Весты, поддерживавшие в храме богини священный огонь. Избирались из девочек знатных семей, должны были служить богине 30 лет, соблюдая обет безбрачия. В случае нарушения обета весталок живыми закапывали в землю.

[4] Цинциннат — римский патриций, консул, диктатор. Согласно преданию, был образцом скромности, вел простой образ жизни и сам обрабатывал землю.

[5] Децемвиры (лат. «десять мужей») — в Древнем Риме коллегия из десяти человек. В 451 г. до н. э. ей было поручено письменно изложить законы, которые были записаны на 12 досках-таблицах и стали одним из древнейших сводов римского обычного права.

[6] Экстемпорале — в дореволюционной школе классные письменные упражнения, состоявшие в переводе русского текста на латинский или греческий языки.

[7] Кимвры — германские племена, в конце II в. до н. э. вторгшиеся вместе с тевтонами на территорию Римского государства. Были разбиты Марием в 101 г. до н. э.

[8] Фарс — вид средневекового, преимущественно французского, народного театра бытового, комедийно-сатирического характера. В театре XIX—XX вв. — комедия-водевиль легкого содержания, с чисто внешними комическими приемами.

[9] Авгуры — жрецы, предсказывавшие будущее по полету птиц и их поведению. Образованные римляне высмеивали гадание авгуров. По словам Цицерона, авгуры, обманывая верующих, при взгляде друг на друга едва сдерживали смех. Выражение «улыбка авгура» применяется к обманщикам, вводящим людей в заблуждение и узнающим по приметам таких же обманщиков.

[10] Фребелички — слушательницы Фребелевских курсов в России (с 1872 по 1917 г.), платных учебных

заведений для подготовки воспитательниц детей дошкольного возраста в семьях и детских садах.

[11] Петроний Гай Арбитр (? — 66 г. н. э.) — римский писатель. Приближенный к императору Нерону, был заподозрен в заговоре и по приказу императора покончил с собой. Петроний — наиболее вероятный автор романа «Сатирикон».

[12] Грюндерство — массовое лихорадочное учредительство акционерных обществ, банков и страховых компаний. Сопровождается широкой эмиссией ценных бумаг, биржевыми спекуляциями, созданием дутых предприятий.

[13] Иловайский Д. И. (1832—1920) — русский историк, публицист дворянско-охранительной ориентации. Автор пятитомной «Истории России», учебников по русской и всеобщей истории.

[14] Конунг — у скандинавских народов первоначально — военный вождь, впоследствии, с образованием государств, в Швеции, Норвегии, Дании — король.

[15] Монофизиты (совр. монофиситы) — сторонники возникшего в Византии в V в. христианского учения, трактующего соединение двух природ во Христе как поглощение человеческого начала божественным.

[16] Папские легаты — высшие дипломатические представители Ватикана.

[17] «Пробуждение весны» — пьеса немецкого драматурга и актера Ф. Ведекинда (1864—1918). Восставая против буржуазной ханжеской морали, он главное внимание уделял патологическим явлениям, которые изображал в натуралистической, порой гротесковой форме. Ряд пьес Ф. Ведекинда («Дух земли», «Ящик Пандоры», «Пробуждение весны») ставились на сценах Петербурга.

[18] Тэдди (Теодор) Рузвельт (1858—1919) — президент США от республиканской партии, находившийся на президентском посту с 1901 по 1909 г.

[19] Речь идет о памфлете М. Горького «Прекрасная Франция» из цикла «Мои интервью» (1905), где, в частности, Горький писал: «Я плюнул в лицо той Франции, которая плевала на Э. Золя, той, которая утопила в страхе перед королем Пруссии и жрецом всяческой глупости все свои рыцарские чувства и ныне живет только трепетом за свой покой и целость франков».

[20] Имеется в виду великий русский актер Качалов Василий Иванович (1875—1948). Сыгранные им роли Горацио, Кассия и особенно Юлия Цезаря утвердили Качалова в ряду крупнейших исполнителей Шекспира в мировом театре.

[21] Постепеновец — в русской демократической публицистике презрительная характеристика либералов, их ориентации на медленные, постепенные реформы царского правительства.

[22] Октябризм, октябристы — от названия реакционной монархической партии в России, образовавшейся в 1905 г. после опубликования 17 октября царского манифеста.

[23] Habeas corpus (лат.) — начальные слова закона о неприкосновенности личности, принятого английским парламентом в 1679 г.

[24] Ибсен Генрих (1828—1906) — виднейший норвежский драматург, широко представленный своими пьесами и на русской и советской сцене.

Бьёрнсон Бьёрнстьерне (1832—1910) — крупный норвежский писатель, общественный и театральный деятель. Автор книг, пьес, стихов, в том числе национального гимна Норвегии.

Гамсун Кнут (1859—1952) — норвежский писатель, драматург, публицист.

[25] Ваза — шведская королевская династия в 1523—1654 гг. Основатель — Густав I, важнейший представитель династии — Густав II Адольф.

[26] Liberum veto (лат.) — «свободное вето». Существовавшее с XIV до конца XVIII в. в польском сейме право свободного протеста, в силу которого один возражающий член сейма мог сделать недействительным постановление сейма.

[27] Apres nous le déluge! (фр.) — После нас хоть потоп!

[28] Vanitas vanitatum et omnia vanitas (лат.) — Суета сует и всяческая суета.

[29] Онкольный счет — краткосрочный коммерческий кредит, погашаемый заемщиком по первому требованию кредитора.

[30] Темучин (Тэмуджин, Чингисхан) (ок. 1155—1227) — основатель и великий хан Монгольской империи.

[31] Союз русского народа — организация черносотен-

цев в России в 1905—1917 гг. Программа: сохранение самодержавия, религиозная и национальная нетерпимость. Союз русского народа распущен после Февральской революции 1917 г.

[32] Дубровин А. И. — лидер Союза русского народа.

[33] Толмачевская Одесса — по имени генерал-губернатора Одессы Толмачева, кровавого усмирителя, ставшего после 1905 г. фактически военным диктатором.

[34] «Новое время» — одна из крупнейших русских газет, выходившая с 1868 по 1917 г. в Петербурге. Первоначально либеральная, с переходом издания к А. С. Суворину в 1876 г. становится консервативной. С 1905 г. орган черносотенцев. Закрыта газета после Октябрьской революции.

[35] Мехелин Леопольд (Лео) (1839—1914) — один из лидеров буржуазно-либерального движения в защиту автономии Финляндии в составе Российской империи.

[36] Свинхувуд Пер Эвинд (1861—1944) — политический деятель, первый премьер-министр Финляндии в ноябре 1917 — мае 1918 г.

[37] Говоря об основании Москвы, автор играет на созвучии имен: Юрий Долгорукий, князь суздальский и великий князь киевский, сын Владимира Мономаха, и братья Долгоруковы (Павел и Петр), князья, крупные помещики, участники создания партии кадетов.

[38] Торгово-промышленная партия — партия крупной финансовой и промышленной буржуазии в России в 1905—1906 гг. Влилась в партию октябристов.

[39] Фребель Фридрих (1782—1852) — немецкий педагог, теоретик дошкольного воспитания, разработавший идею детского сада и методику работы в нем (см. примечание 10).

[40] «Отречемся от старого мира...» — начальные слова «рабочей Марсельезы», русской революционной песни с оригинальным текстом П. Л. Лаврова на измененный мотив французской «Марсельезы», автором музыки и слов которой является Руже де Лиль.

[41] Стессель А. М. (1848—1915) — генерал-лейтенант царской армии. В русско-японскую войну был начальником укрепленного района в Порт-Артуре.

Проявил бездарность, трусость и карьеризм, сдал крепость противнику. Приговорен военным судом к смертной казни, но помилован царем.

[42] Пуришкевич В. М. (1870—1920) — один из лидеров Союза русского народа, Союза Михаила Архангела, крайне правых во 2—4-й Государственных думах. Крупный помещик. Участник убийства Распутина. После Октябрьской революции глава контрреволюционной организации.

[43] Чигорин М. И. (1850—1908) — русский шахматист, основатель русской школы шахматной игры. Чемпион России в 1899—1906 гг.

[44] Венгеров С. А. — ученый-литературовед, составитель многотомных био- и библиографических словарей по русской литературе. Лернер Н. О. — литературовед, автор книги «Труды и дни Пушкина».

[45] Иванов Вячеслав Иванович (1866—1949) — русский поэт. С 1924 г. жил в эмиграции в Италии. Автор многих стихотворных сборников, литературно-философских и историко-культурных сочинений, переводов из древнегреческой, итальянской, французской поэзии.

[46] Речь идет о скульптурной композиции, стоявшей на набережной Невы и впоследствии снятой, так как она не вписывалась в архитектурное оформление площади.

[47] Вольтер (Мари-Франсуа Аруэ) (1694—1778) — французский писатель и философ-просветитель, сыгравший огромную роль в идейной подготовке Великой французской революции, в развитии мировой, в том числе и русской, общественно-философской мысли.

Руссо Жан-Жак (1712—1778) — французский писатель и философ, оказавший большое влияние на европейскую прогрессивную общественную мысль, философию и литературу.

[48] Вергилий Марон Публий (70—19 гг. до н. э.) — римский поэт, создатель героического эпоса о странствиях троянца Энея — «Энеиды», ставшей вершиной римской классической поэзии.

Пиндар (ок. 518—442 или 438 г. до н. э.) — древнегреческий поэт-лирик, автор торжественных хоровых песнопений, культовых гимнов, эпиникий — похвальных

песен в честь победителей на Олимпийских, Дельфийских и других спортивных играх.

[49] Нордман Н. Б. (псевдоним Северова) (1863—1914) — писательница, вторая жена И. Е. Репина.

[50] «Шантеклер» — сатирическая пьеса французского поэта Эдмона Ростана (1868—1918). В переводе с французского «шантеклер» означает «петух».

СОДЕРЖАНИЕ

Тэффи. Древняя история 5

О. Дымов. Средние века . . 75

Арк. Аверченко. Новая история 147

О. Л. Д'Ор. Русская история 221

«Сатирикон» и сатириконцы 339

Примечания . 343

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ,
ОБРАБОТАННАЯ «САТИРИКОНОМ»

* * *

Худож. редактор М. Е. Новиков
Техн. редактор Л. П. Полякова
Корректор Ф. С. Флейтман

Сдано в набор 07.08.89. Подписано к печати 20.12.89. Формат 70×100 1/32. Бумага офсетная. Академическая гарнитура. Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,3. Уч.-изд. л. 11,66. Тираж 200 000 экз. (Первый завод — 100 000 экз.) Заказ № 4091. Цена 6 р.

Ордена Дружбы народов издательство «Советский писатель». Ленинградское отделение. 191104, Ленинград, Литейный пр., 36, при содействии кооператива «Автограф».

Диапозитивы текста и иллюстраций изготовлены на фабрике «Детская книга» № 2 Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 193036, Ленинград, 2-я Советская, 7.

Печать и изготовление тиража в АПО «Типография им. Ивана Федорова». 191126, Ленинград, ул. Звенигородская, 11.